

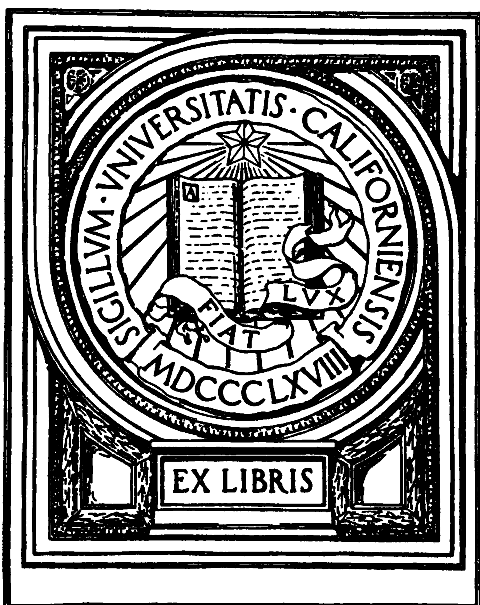

А. Р. Пщелко.

ОЧЕРКИ
ИЗЪ ЖИЗНИ
бѣлорусской деревни.

ВИТЕБСКЪ.
Губернская Типо-Литографія.
1899.

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Для отзыва

А. Р. Пщелко.

ОЧЕРКИ
изъ жизни
бѣлорусской деревни.

ВИТЕБСКЪ.
Губернская Типо-Литографія.
1899.

Дозволено цензурою. 16 іюня 1899 г. Вильна.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Очерки изъ жизни Бѣлорусской деревни

Письма изъ деревни.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*		*Напечатано:*	*Нужно читать:*
21	св.	12	ни	они
23	„	30	пѣтухъ?	пѣтухъ!
—	„	35	подмикитовцевъ!	подмикитовцевъ.
24	„	25	блажѣ	блажи
42	„	13	я боюсь	я боюсь.
59	„	3	свись	свись!
73	„	13	Ванечка	Ваничка
74	снизу	11	продолжа	продолжать
75	св.	1	упоры	упорно.
89	„	19	ноги:	ноги
105	снизу	2	харчевнѣ	харчевню.
113	св.	9	примѣру	къ примѣру.
120	„	10	гнившіе	снившіе
120	„	13	протекающіе;	протекающіе
120	снизу	4	интеллигенціи	интеллигенція
128	„	3	праздникъ	признакъ

СВИДѢТЕЛЬ.

(Изъ судебной хроники среди лепельскихъ бѣлоруссовъ).

Я, паны судьи, дэйствительно быу свѣткой, якъ Тарасенка на Кузуркиномъ вяселли побили. Во якъ гэта было́.

Ти то въ середу, ти то во вторыкъ передъ Меньшей Пречистой [1]) устала моя Хадора нѣшта дужа рана и кричить Базылю: „иди, батьку буди, бо ужо́ другіе пѣтухи пiяли“. Чую я, узлѣзъ Базыль на палати и тянить зъ мяне худышку [2]). Ня довго думавши соско́чiў я долоў, надѣў смазные боты, Богу троху [3]) помолиўся и прихинувся къ застоллью [4]). Баба моя поставила на столъ миску сырапони [5]) и принесла блинъ. Насилкуваýся я и стаý надивацца... Кажухъ, гэта, у мяне́ добрый,—на Испаса Григоровъ сынъ пошiў,—поясъ съ кутасами, пирахристiўся я, надѣў капялюшъ и пошеў съ хаты, а Базыль остаўся дома, бо треба была калесы къ Тумашу отвести...

Вышiў я съ хаты и ня доўга думавши пустiўся къ болоту ленъ мочить. Вотъ и Пятрокъ же (судья) вѣдаить ты ляды, гдѣ сёлета [6]) Трахимъ, Банадысь Хаврусенокъ, да вотъ и старастаў племянникъ ленъ сѣяли.... Добрый ленъ урадiўся, дай Богъ и по вѣкъ такiй: высокiй, тлўстый, а головки—быть макъ... Да вотъ сичасъ и драка... Тольки я къ лѣсу подайшоў, гдѣ Сидароў клинъ канчаецца,—гляжу,—дожь быть дымъ закурiўся, али я ни-

---

[1]) 8-го сентября—день Рождества Богородицы.

[2]) Рваный армякъ.

[3]) Немного.

[4]) Къ столу.

[5]) Простокваши.

[6]) Нынче.

чего: боты у мяне новые, кажухъ теплый... Закуріў я пипцу и тычасъ апанувся кала балота. Заграбаю я сабѣ по ахапку да въ воду, да сверху каменьями. Мочу я гэта сабѣ ленъ, пипцу курю, а вжо солнце мусить къ повдню подходило,—гляжу на Змитроковомъ клину нѣшто чарнѣицца. Ближи, ближи—вижу Лявонъ-Вовкъ валить прямо ко мнѣ и бытцамъ ухмыляицца [7]). Подошоў, остановіўся, стоить и глядить. Я вышіў зъ лужины.—„А што, кажить, ня чуў ты Прасковьина Меланья за Пракопа—Кузурку замужъ идеть?“—„А боги ихъ вѣдають! Ня чуў, кажу. Микита Питракоў нѣшта баіў Базылю мойму, али я ни утяміў“ [8]). А Кузурка, кажить, по нябощику [9]) Варап тэю моей дядинѣ въ братдѣтныхъ доводицца, дыкъ ти ня сходимъ мы съ тобой въ Дядулино? Поглядимъ, по килишку выпьимъ... Усежъ и ты по нябощику Варап тэю чиризъ Хадору сватомъ доводисся“... Да вотъ и драка, паночки!... Думаю я сабѣ: „боты у мяне новые, кажухъ бѣлый, поясъ съ кутасами, капялюшъ хоть и полиняў, али усе лепшій, чимъ у Лявона“. „Что-жъ, кажу, можно сабѣ и сходить. Пойдемъ чиризъ кладки и Хадоры казать ни пайду“... Ладна. Узяли, да и пошли. Дожь усе лупить и лупить. Лявонъ сдѣу кажухъ и вверхъ косматьтемъ перевярнуў. Подайшли къ кладкамъ—и видимъ: Сидоръ Клапаногій плятецца и быццамъ съ сабой нѣшто гукаить, али намъ што: коли идеть, дыкъ нихай идеть... Да я-жъ, паночки, усе по исткому [10]) кажу, а кали можа ня треба мнѣ сусимъ [11]) у свѣткахъ быть, то я ничего казать ня буду... Али я жъ по повѣстки пришоў... Ни по своей охоти... ... Тады якъ подайшли къ Вавковой ямѣ, гдѣ залѣтось Авсей уваліў свою кабылу, якъ вёсъ въ Дядулино горѣлку,—глядимъ—Трохимъ (съ Зазерья) вязеть жардё... Лявонъ зъ имъ парукаўся [12]) и нѣшто гукаў ти то на счетъ авчинокъ, ти то на счетъ авечикъ —вядомое дѣло свои антиресы. А я во гэдакъ отвярнуўся къ во-

---

[7]) Усмѣхается.

[8]) Не запомнилъ.

[9]) По покойнику.

[10]) По порядку.

[11]) Совсѣмъ.

[12]) Поздравствовался.

зу, отломіў кій бараницца отъ сабакъ и мы пошли дальши. Идемъ сабѣ, пипцы куримъ. И ти будить саженъ питнадцать, ти не, видимъ мы, паны судди, ѣдить Гвалдовщинокъ—паничь съ Кавтушенковъ. Такой вострый малецъ... Лявонъ здѣвъ кипялюшъ, и паничь кивнуў головой. Тады, якъ подайшли къ Дядулинскому городу, Лявонъ пираворатіў кажухъ, положіў пипцу у кисетъ...

... Да вотъ, паночки, и драка скора... Драка, усе ровно якъ тутъ. И чуимъ мы играють: одинъ граить на тонкимъ на чимъ, а другій подводить на товстымъ. Подайшли къ Трахимовой лазни и видимъ сабака... Во гэткая не боли... Али ни Прокопова... Сабака, паночки, сидить: „Мусить, думаю я сабѣ, усю квадру [13]) дожь будить, коли сабака къ лазни жмецца“... А на вулицы видимъ Сидоръ авечекъ гонить, остановились, понюхали табаки (бо Лявонъ и курить и нюхаить) и слухаимъ: у Прасковьиной хатѣ гулъ, зыкъ—якъ якое што!... Мы подашли и приперлися къ двирямъ, стоимъ и глядимъ... Ажъ правда: Панасъ на дудѣ граить, а Микита у искрипку подводить, а дѣўки и мальцы скачуть [14]).... Тады сватъ Тарасенокъ,—во што Ганулю зъ Зазерья браў,—якъ увидіў насъ, тычасъ загоманіў: чаго вы тутъ, кажить, идите у хату!... Да и патащіў и патащіў... У хати крычать гэта, митусяцца [15]). Бабы носють на столъ то клецки, то юшку... Мы къ застоллю. Вижу я Симонъ коротенькій съ бутэлькой няньчицца и то одному, то другому по килишку наливаить. Подъ бажницей самъ Кузурка [16]) съ Хвядосомъ нѣшто гукаить. И мы, не буду спирацца, по килишку выпили и зачали потроху гукать [17]). Яно конешни, паночки, килишекъ за килишкомъ идеть, а тутъ и Прасковья усе лезить: „выпійте, кажить, сваточки!“... Выпійте, да выпійте, а тутъ и смиркацца зачала. Бабы, вижу, начали кашу съ смальцемъ на столъ носить,—и тады, паночки, и драка зачалася... Во я, панамъ суддямъ, усё по исткому... Да за што

---

[13]) Четверть.

[14]) Танцуютъ.

[15]) Ходятъ въ безпорядкѣ.

[16]) Женихъ.

[17]) Разговаривать.

драка зачалася?—За подсвинка, паны судди!... Тарасенокъ съ Никипаромъ еще съ прошлаго лѣта за подсвинка тигаюцца. Кажуть, Никипаръ подбіў Тарасенкова подсвинка и свѣткой Рыпина Тадэушева была... Али мало што кажуть! За якое што Тарасенокъ съ подсвинка привязаўся къ Никипару за жонку, што, кажить, твая Дарка? Ина и карунокъ [18]) плясти ня умѣить... Никипаръ начаў отгрызацца. Слово за слово, али дошло дѣло до того, што и Прузына умишалася, и якъ большая язычница, начала брахать безъ конца: што ты (Тарасенокъ) и пьяница, што твой свекоръ колесы пропіў, што твоя Дарка ня пущи [19]) Сидоровой тещи, что на мужьиной головѣ полойникъ поломала... Плела, плела, якъ ее языкъ не выперла. Тарасенокъ устаў съ застолля да къ Никипару. Правда, Симонъ за яго: „Чаго табѣ, кажить?“ И Кузурка просіў и такъ и гэдакъ, а енъ усе къ яму... У хати совсимъ стямнѣло и Лявонъ начаў мяне товхать, штобъ, значить, я зъ лавы уставаў. Вижу я, што къ зубамъ дѣло подходить. „Ищо замишають, думаю сабѣ, устаў я и давай тискацца къ порогу. Лявонъ, вижу, кала Пракопа, да за порогъ. Я за имъ. Ночь была, паны судди, темная, али мы узяли по кію, да кала лазни по городамъ да на кладки, да на гору, да съ горы, да по мяжи къ лѣсу, а якъ спустилися къ рѣки, тутъ и наша сялиба. Тольки мы двери отперли у мою хату—вижу я Базыль мой лапти на лави плятеть, а Хадора дрова у печку кладеть. Тое-сёе. Сѣли за столъ, повячерили, покалякали [20]), и Лявонъ до дня у мяне спаў. Дакъ вотъ, паночки, што быў я на вяселли то быў, што чуў то чуў,--што видіў, тое видіў, а чаго ня видіў, того ня видіў, и напрасно мяне у свѣтки ставили.

1897.

---

[18]) Узорчатыя вязанья къ полотенцамъ, которыя, по обычаю, изстари заведенному, сваты завязываютъ себѣ чрезъ плечи.

[19]) Не лучше.

[20]) Поговорили.

ЗАМОЙЖАНСКІЙ КИРМАШЪ.

(Бѣлорусскій эскизъ).

I.

Почти на цѣлую версту растянулась вдоль большого озера деревня Сухомырино. Бѣдныя лачужки, состарившіяся, почернѣвшія, пошатнувшіяся въ стороны, какъ будто отъ холода прижались другъ къ дружкѣ и думаютъ грустную думу. Вотъ предъ вами хабунька, поддерживаемая разной величины подпорками, съ маленькими узенькими оконцами, въ которыхъ вмѣсто выбитыхъ стеколъ вставлены лучинки и наторкано тряпье. И сарайчикъ прижался къ углу, словно въ подраномъ „балахонѣ“ убогій. Не весело жить и скотинкѣ въ ветхой „тынянкѣ“...[1]).

На краю деревни—высокая сосна, сосна не простая: подъ ней, говорятъ старики, скрыты котлы съ червонцами. Никому, однако, не дается зачарованный кладъ, несмотря на то, что чуть не ежегодно,—особенно на Ивану Купалу,—этотъ кладъ гуляетъ по полю и въ видѣ барашки бѣленькаго, и въ видѣ собачки маленькаго-желтенькаго. А Сидоръ Кулага, встрѣтясь, однажды, съ кладомъ-собачкой, „лизнулъ“ его кнутомъ, да не успѣлъ крикнуть „чуръ-чуръ“, кладъ не разсыпался въ мелкія монеты и Сидоръ попрежнему живетъ бѣднякъ-бѣднякомъ. Знать не малый „чуръ“ на закопанныя гроши наложили французы, а быть можетъ и другая „нехрись якая“ въ этомъ замѣшалась. Начнутъ пилить сосну—пила ломится, начнутъ рубить—топоръ ломится. Такъ „спредвѣку“ [2]) и стоитъ сухомыринская сосна, гордо поднявъ голову, украшенную зеленой мохнатой шапкой.

---

[1]) Хлѣвъ, сдѣланный изъ тына.

[2]) Съ древняго времени.

Если будете ѣхать на Сухомырино прямо отъ сосны, то можете замѣтить по правой сторонѣ улицы большой домъ съ раскрашенными окнами, бѣлой трубой, тесовыми воротами. Этотъ домъ среди бѣдной толпы лачужекъ выглядитъ франтомъ. Тутъ живетъ Лявонъ Затычка, извѣстный болѣе подъ именемъ „дядули Сухомырскаго“, съ которымъ я хочу познакомить читателя. „Заможный“ [3]) хозяинъ Лявонъ. Стадола [4]) у него крѣпкая и щитная, да и скотинкой онъ,—слава Богу,—не обиженъ: есть три лошадки доморощенныя, да подростокъ жеребчикъ-„тряттякъ“, есть коровы—4 дойныя, да два „подтелка“, есть землицу чѣмъ поднять-пробoронить; сбруя для лошадей сыромятная, телѣги, брычки, сохи-бороны въ исправности, да и въ клѣти не мало отъ прошлыхъ годовъ „збожжа“ [5]) собрано. Всѣ сосѣди дѣду завидуютъ, а Анисья-бобылка не разъ уже пускала молву по деревнѣ, что „у дѣда-Лявона подъ поломъ тыщи закопаны“ и во снѣ даже видѣла, что „онъ гарцами пересыпалъ на печи гроши мѣдныя“.

Ужъ совсѣмъ старикомъ Лявонъ выглядитъ: ему будетъ лѣтъ за 80. Горбатый, сѣдой, съ лицомъ въ морщинахъ, загорѣлыя руки, на головѣ и зимой и лѣтомъ шапка-„облавуха“,—знать не мало пришлось ему перенести горя-горькаго, пока „мелюзга“ [6]) поднялась на ноги и стала помогать дѣду въ работѣ. Да и помимо семьи много заботъ приносили Лявону общественныя должности: ихъ прошелъ онъ до старшины включительно и ни въ чемъ не грѣшилъ передъ „міромъ“. Въ глазахъ мѣстной интеллигенціи онъ былъ также на хорошемъ счету. „Видау я на своемъ вѣку“,—разсказываетъ онъ теперь внучатамъ,—разнаго панства. Разъ даже панъ Гвалдовскій позвау меня у хоромы... Войшоу я... Божухна ты мой! полы—быццамъ ледъ: хоть каўзайся! Стау я кала касяка и стаю сабѣ,—ажъ панъ меня къ столу, да чаю, да раз-

---

[3]) Зажиточный.
[4]) Мѣсто, занятое хлѣвомъ.
[5]) Всякаго хлѣба.
[6]) Малыя дѣти.

ныхъ закусокъ... И часы можа два, можа три сядѣў я у нябощика-пана"...

Можетъ быть Лявонъ и до сихъ поръ оставался бы старшиной, если-бы „не замѣшалась проклятая „балбатуха" [7]). На новыхъ выборахъ главные вожаки и крикуны стали предлагать Лявону: „поставь, говорятъ, борышоў 3 ведра, выберемъ опять на трехлѣтье!... И самъ писарь—тожъ штука была!—призвалъ въ свою хату мяне и то гэдакъ, то такъ подмигая: подари, говорить, жеребенка сивого, что продавать Авсею хотѣлъ, вотъ увидишь останешься опять..." Но Лявонъ отступился отъ „міра": „балбатухи" отказался купить и писарю жеребенка не подарилъ Вотъ за что онъ теперь „не у дѣлъ". Да и стоило ли сожалѣть о такой перемѣнѣ: теперь онъ не видитъ того „тлуму" [8]) и той „тягонины" [9]), которые часто ни ночью, ни днемъ не давали покою. „Меньше панства, да больше около дому приглядy", замѣчаетъ обыкновенно Лявонъ въ бесѣдѣ съ сосѣдями: „бывало ти членъ, ти то справникъ, ти то слѣдователь пріѣдетъ—бѣги скорѣй, панство встрѣчай!.. А другій якъ подниметъ тревогу: что ты, кажить, такій ты сякій, я тебя подъ арéсту запру!!... А теперь я самъ сабѣ панъ!.."

II.

Солнце клонилось къ заходу. Пастухи погнали стада къ деревнѣ. Впереди во всю прыть бѣжали поросята и подсвинки, за ними овцы и въ концѣ медленными шагами тянулись коровы. Бабы и подростки повыбѣгли встрѣчать своихъ буронушекъ. Ребятишки въ длинныхъ рубахахъ до пятъ перегоняютъ другъ дружку и, подбѣгая къ стаду овецъ, старались разлучить своихъ отъ чужихъ, безпрестанно повторяя: „вышкеръ мой! вышкеръ мой!" Въ воздухѣ долго висѣло цѣлое облако пыли... Вдали, около озера, показалась толпа „косцовъ". Впереди шли пять сыновей Лявона. Они долго стояли на улицѣ, толкуя о томъ, про-

---

[7]) Водка съ примѣсью воды и сивушнаго масла,

[8]) Безпокойства.

[9]) Постояннаго передвиженія.

держится ли весь „Молодзикъ“ [10]) хорошая погода, столь необходимая для скошеннаго сѣна, много ли съѣдется „люду“ къ кирмашному дню, выйдетъ-ли „зъ губерни“ рѣшеніе отнять у Прокопа зямлю... А тѣмъ временемъ въ домахъ хозяйки приготовляли „вечерю“. Въ Лявоновой хатѣ на столѣ уже стояла миска съ свѣжимъ картофелемъ, высоко испускавшимъ пары. Хозяйка Матрена,—жена старшаго изъ сыновей,—принесла большую булку хлѣба и поставила деревянную солонку. Вотъ и дѣдъ привязалъ лошадей и вмѣстѣ съ сыновьями вошелъ въ хату. Умыли руки, помолились Богу и разсѣлись на лавкахъ, около стола: дѣдъ занялъ мѣсто подъ „божницей“, по правой сторонѣ отъ него сѣли мужчины, а по лѣвой—жены старшихъ сыновей—Матрена и Меланья. А ребята стиснулись въ уголъ, къ дѣду, и просили „бульбацки“.

— Я, тата, поѣду заўтра на кирмашъ, началъ старшій сынъ Прохоръ, высокій, загорѣвшій, съ грубыми чертами лица и „лохматой“ головой: надо колесы купить, да и мазь ужó вышла... Брыка и такъ скрипѣла на всю деревню.

— Коли поѣдешь, заговорилъ тихимъ голосомъ старикъ, запрягай сивого... Да ни забудь лену отвезти у церкву и воды посвянцоной возьми бутылку.

— И я съ тобой поѣду, тата, завизжалъ пузатый сынишка Прохора, вертясь на колѣняхъ у дѣда: я хоцу на попа поглядѣть.

— Цыцъ ты, вороненокъ, пугнула его Матрена: куды табѣ на кирмашъ? тебя тамъ и затруть, и замнуть и костей не подберешь...

— А я послѣ вéчеры побѣгу, сказала послѣ нѣкоторой паузы Меланья, подбавляя картофелю изъ котла... Щатиння продать надо.

— Ты мнѣ, мама, коника купи, отозвался и ея курчавый сынишка, прижимаясь отъ дѣда къ матери.

— Принесу, принесу, мой соколикъ, только на озеро не бѣгай съ Трохимовымъ мальцемъ...

---

[10]) Четверть.

Ужинъ кончился и всѣ вышли изъ-за стола. Меланья быстро начала собираться въ дорогу: поймала на куросаднѣ двухъ пѣтуховъ, достала изъ „кубла“ [11]) чаровики, хустинку съ узорами, завязала въ хотулекъ шарстиння, да двѣ „жмени“ вовны, поглядѣлась у „люстэрикъ“ [12]) и поспѣшно вышла изъ хаты. Дорожка отъ сосны прямо шла на „гостинецъ“ [13]). До Замойжина, гдѣ завтра кирмашъ, всего верстъ 6. Вскорѣ хатки Сухомырина скрылись во мракѣ. Далеко, далеко за чернымъ лѣсомъ—потухла заря. Отдала послѣднiй привѣтъ веселому дню синичка... Все притихло,—въ поляхъ, на лугахъ, только слышится крикъ „козла“ (козодоя), да въ лозовомъ кусту протяжное „рѣшь, рѣшь“ повторяетъ дергачъ.

По гостинцу тянется толпа богомолокъ. Къ нимъ подошла и Меланья. Оказались знакомыя лица. Богомолки тихо разговариваютъ и печалятся на невзгоды житейскiя...

— И Богъ вѣдаить, слышенъ былъ голосъ согнувшейся старушки, Богъ вѣдаить, что это за „слѣття“ [14]) настала и няуроды... и вятры... и морозы... Бывало и лѣто, якъ лѣто... Ахъ скоро мусить и конецъ будетъ свѣту!.. Ой, голубки мои, и серединa-жъ ломить и въ головкѣ шумить... А Микита казáу, продолжала она таинственнымъ голосомъ, обращаясь всѣмъ корпусомъ къ одной изъ спутницъ: что нѣйкiй человѣкъ на однымъ колесѣ ѣздить... А что ты думаешь? Можетъ и есть гэта той масiяшъ...

— Да и лятить же, отозвалась собесѣдница, кажуть и конемъ не догонишь!

— А самъ кудлатый, а ноги, якъ у козла, добавила маленькая фигурка съ большимъ узломъ за спиной и двумя пѣтухами подъ мышкой...

Позади загремѣла телѣга: цѣлый возъ мужичковъ съ „пипками“ въ зубахъ проѣхалъ сквозь шеренгу „бабья“.

---

[11]) Родъ кадки, въ которой хранится бѣлье.

[12]) Зеркало.

[13]) Большая дорога.

[14]) Перiодъ жизни.

Богомолки поправили свои „хатули“ и опять тихонько поплелись по пыльной дорогѣ.

— Да и на свиней упадъ [15]) найшоў, продолжала опять причитывать первая старуха: у Тадэуша намедни [16]) кормный подсвинокъ съ чего што закружiуся—и бацъ объ землю!...

— Глядите, глядите, бабульки, завизжала вдругъ неопредѣленная тѣнь изъ толпы: жидовье ужъ огни разложили!..

Въ самомъ дѣлѣ на полянѣ въ сосновомъ лѣсу виднѣлись костры. „Жидовье“ изъ сосѣдняго мѣстечка съѣхалось, чтобы имѣть возможность изъ первыхъ рукъ добыть „свѣжiй“ товаръ. Лишь бабы съ кострами поровнялись, къ нимъ тотчасъ подбѣжали купцы съ маленькими безменами въ рукахъ и распрашивали: „нѣтъ ли цего продажнаго?“ Бабы показывали товары и до послѣднихъ силъ торговались: тутъ куръ переворачивали и ощупывали ихъ по всѣмъ правиламъ своей долголѣтней практики, въ другомъ мѣстѣ торговались надъ жменей „шерстиння“, льна; товаръ поспѣшно вытягивался изъ-за пазухъ, изъ „хотульковъ“ и въ 20-й разъ перечислялись его достоинства и недостатки... Купцы колотили себя въ грудь, бабы призывали въ свидѣтели своихъ спутницъ и называли купцовъ „ иродой несчасной“.

Толпа постоянно смѣняется притокомъ новыхъ богомолокъ и торговля велась до утра.

III.

Въ это время около самаго центра кирмаша—маленькой церкви съ двумя куполами собралось народу „тьма тьмущая“. Вдоль церковной ограды расположились „балаганы“, въ которыхъ помѣстились барышники,—по преимуществу бабы перепечайки,—выкрикивавшiя по именамъ свои товары. Тутъ были пряники, баранки, конфекты длинныя „съ золотомъ и картинками“ и другiя сласти домашняго приготовленiя.

Наканунѣ кирмашнаго дня служатъ обыкновенно всенощную и „ходятъ на воду“. Многiе изъ богомольцевъ, не ожидая

---

[15]) Падежъ.

[16]) Недавно.

утренняго богослуженія, положатъ предъ чудотворной иконой „жменю вовны“, лену, два-три яйца или лопатку мяса и, считая свою „афяру“ [17]) выполненной, уходятъ домой. Другіе же, особенно нищіе, проводятъ ночь подъ открытымъ небомъ, зажигаютъ костры—и тогда кирмашъ получаетъ видъ цыганскаго становища. Кое-какъ скоротали теплую лѣтнюю ночку: кто около костра, кто скорчившись прижался къ изгороди, кто на крыльцѣ, кто подъ колокольней, за оградой, подъ березками, а кто просто растянулся на телѣгѣ.

Взошло солнце и освѣтило поляну, на которой расположился замойжанскій кирмашъ. Много и въ нынѣшнемъ году собралось народу поклониться образу Божіей Матери. Особенно жаждутъ „движенія воды“ немощныя, дряхлыя старушки: на колѣняхъ безостановочно движется цѣлая толпа молящихся вокругъ церкви. Вездѣ слышенъ шопотъ молитвъ, вездѣ призываются имена угодниковъ Божіихъ. А тѣ, кто не особенно обиженъ судьбою, разлеглись пластами по землѣ, разсѣлись по лавкамъ, на изгороди, и телѣгахъ, на свинтарѣ, вокругъ балагановъ.

Чѣмъ выше солнце поднимается, тѣмъ больше народу прибываетъ. Разношерстная толпа надвигается съ разныхъ концовъ. Бабы съ трудомъ протискиваются между телѣгъ, лошадей, „балагановъ“... Всѣ одѣты по-праздничному: мужчины въ армякахъ и бѣлыхъ „насовахъ“, дѣвушки въ узорчатыхъ платкахъ, а у бабъ и „молодзицъ“ головы закутаны въ нѣсколько платковъ (въ видѣ чалмы) и поверхъ накинуты большіе бѣлые или узорчатые платки.

Часовъ въ 8 показалась всѣмъ знакомая телѣжка батюшки. Его строгое лицо, громкій голосъ, благоговѣйная служба давно ужъ отпечатлѣлись на сердцахъ посѣтителей Замойжанскаго кирмаша. Большинство изъ его пасомыхъ и крещены имъ, и обучались въ школѣ подъ его руководствомъ, и женилъ онъ ихъ, и крестилъ дѣтей ихъ, и во всѣхъ нуждахъ и треволненіяхъ ихъ былъ молитвенникомъ и печальникомъ... Толпа разступилась и пропустила телѣжку впередъ.

---

[17]) Обѣщаніе помолиться или принести что-либо въ жертву (на церковь).

Въ воздухѣ пронесся первый ударъ колокола и далеко, далеко разнеслось его эхо по рощѣ, за рѣкой и окрестнымъ лугамъ. Народъ снимаетъ шапки и крестится. Толпа богомольцевъ безостановочно движется: одни впередъ, другіе назадъ; одни отдали афяру—поставили свѣчи и спѣшатъ къ своимъ возамъ, другіе идутъ впередъ, неся жмени льна, вовны или пару яицъ. Предъ иконой сегодняшняго праздника зажжено множество свѣчей, въ разную цѣну. Сторожъ не успѣваетъ тушить и уносить огарковъ. За шопотомъ молитвъ, за стукомъ богомольцевъ почти не слышно голоса батюшки и хора двухъ псаломщиковъ, которые никакъ не могутъ подчинить своему „тону" подтягивающихъ въ полголоса нѣсколькихъ подростковъ и „дятюковъ" [18]). На амвонѣ разставлены церковные попечители съ мѣшками въ рукахъ. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы собирать, сортировать, откладывать въ мѣшки и складывать въ кладовую принесенныя „афяры". Шопотъ молитвъ и воздыханія не прекращаются во всѣ важные моменты литургіи. Вотъ отдернули завѣсу церковную и набожная старушка шепчетъ, крестясь: „шарахни, Господи по душамъ, по тѣламъ, по дробнымъ костямъ". Вотъ запѣли „тебе поемъ" и стоящій около клироса армячишко читаетъ въ полголоса: „десять заповѣдей Господнихъ... Охъ, Господи! восьмая—не вкради, девятая—не послушай свидѣтеля, десятая— не желай жены твоей"... Вездѣ слышатся слова: „очисти грѣхи наши, прости немогатання наши: Микола святый! Юрій—угодникъ Божій!" Въ углу, около лѣстницы, ведущей на колокольню стоитъ знакомый читателю Левонъ, который въ 10-й разъ усиливается сдѣлать земной поклонъ и всякій разъ толпа отталкиваетъ его къ стѣнѣ и онъ остается съ рукой, приподнятой для крестнаго знаменія. Староста на амвонѣ съ протянутыми руками впередъ, „всѣми животами" упирается въ толпу, оттискивая ее отъ амвона и хватая въ тоже время пересылаемыя изъ заднихъ рядовъ свѣчи и афяры...

IV.

За стѣнами же храма кирмашный шумъ и гамъ все болѣе и болѣе

---

[18]) Взрослыхъ парней.

увеличивается. Длинной шеренгой размѣстилась нищая братія, какъ разъ противъ входа церковнаго. Тутъ распѣваются канты, составленные по преимуществу на поминовеніе „змардлыхъ“ [19]). Обыкновенно во главѣ каждой партіи одинъ или два голосистыхъ пѣвца, выводящихъ мотивы хвалебной или заупокойной молитвы, а остальные служатъ, такъ сказать, аккомпаниментомъ. Самые разнообразные голоса кривыхъ, слѣпыхъ, безрукихъ, безногихъ, съ обезображенными лицами, лысыхъ и плѣшивыхъ сливаются въ нескладный звукъ изстрадавшагося человѣка. Вокругъ каждой партіи стоятъ бабы съ кусками полотна, вовны, льна или кусками съѣстныхъ припасовъ. Бабы ожидаютъ очереди, чтобы начать перечисленіе длиннаго ряда живыхъ или умершихъ сродниковъ.

— Помяни, дядуля, моихъ! пристаетъ набожная старушка къ Базылю, который состоитъ главаремъ 6—7 нищихъ, стараясь вручить ему кусокъ полотна.

— Погоди, дай Кулининыхъ дядовъ кончить!.. сердито отвѣчаетъ дѣдъ. Кажи, Кулина, кого яще?

— Ганну!

Нищіе: Ганнину душу во царствіи нябесномъ, Боже, помяни-и-и

— Матрену!

— Матренину душу во царствіи нябесномъ, Боже, помяни!

— Варапто̀я!

— Варапто̀ину душу во царствіи нябесномъ, Боже, помяни!

— Ти уси?

— Уси, кажись... Ай, Трохимову тетку забылася! Вотъ кабъ тябѐ... Помяни ужо̀ за одно и То̀клю!

Но хоръ уже присоединяетъ заключительный кантъ: „и дѣтки и батьки вашіи, и малыя коханыя, которыя у Бога собраныя, и сваты ваши сватанцы и швагры ваши швагранцы, и писаны и ня писаны, и читаны и ня читаны,—Боже, помяни!“... Аккомпаниментъ отстаетъ на словѣ: „помяни“.

— Глядишь, Базыль, я табѣ кинуу три капейки: не забудь и моихъ! кричитъ маленькаго росту старичекъ съ длинной палкой въ рукахъ, очевидно, за недосугомъ довѣряющій своихъ умершихъ сродниковъ Базылевой компаніи.

— Ня бось, Трохимъ, увѣряетъ за всю братію Базыль:

---

[19]) Умершихъ.

помянемъ, дай съ бабами справицца!... Помянемъ, мы никого ни забываемъ!...

Въ другомъ мѣстѣ нищіе выводятъ за „упокой сродниковъ" нѣчто въ родѣ малой литіи. „Со духами праведны супоковалися, сумястилися"... поютъ нищіе бабѣ, положившей въ шапку слѣпого дѣда 5 яицъ. А вотъ подъ березкой расположилась партія славящихъ бѣднаго Лазаря. Главный канторъ сидитъ на колясочкѣ: онъ, очевидно, хромой. Товарищи его не менѣе обижены судьбой-мачихой. Посмотрите вотъ на этого дѣдушку съ закрытыми глазами, бѣлой головой, съ длинной палкой, съ большой сумой въ рукахъ; замогильнымъ голосомъ выводитъ онъ мотивы изъ „бѣднаго Лазаря", безпрестанно водя рукой по головѣ. Протяжно вторитъ ему мальчикъ-„повадырь", подставляющій руку и шапку. лишь только поровняются съ ними кто-либо изъ богомольцевъ. „Прихинулся" къ колясочкѣ горбатый, съ согнутой рукой калѣка. У него, очевидно, хранится казна всей братіи, такъ какъ, предъ нимъ стоитъ мѣшокъ съ баранками, кусками хлѣба, мяса, сочней, пряниковъ и проч. Невдалекѣ стоитъ малютка-дѣвочка, невольная участница сегодняшняго торжества нищей братіи. И она выводитъ тоненькимъ голосомъ хвалебную пѣснь бѣдному Лазарю

...Жiў сабѣ богачъ, затянули на разные лады убогіе:
Жiў сабѣ шипкій богатырь,
Пиваў-ѣдаў медъ-вино,
И нищихъ со двора согоняў,
На святую царкву не надѣляў.
Пришоў Лазарь къ богачу на дворъ,
Проситъ Лазарь у богача хлѣбца:
„Брачу мой, брачу-богачу!
Не прошу у брата золота-сребра,
Прошу у брата соли да хлѣба".
Богачъ Лазару хлѣба-соли не даў
Только жъ ему горда отказаў:
„Ёсь у мене браття лучши тебе,
Которые маютъ золото-сребро".
Штурнуў богачъ Лазара съ сѣней на дворъ,
Покатіўся Лазарь подъ вороты,

Лежить Лазарь сутки, лежить во и другіи.
Стау Лазарь плакать, Бога молить:
„Божа мой, Божа спаси милостивый,
Возьми мою душу до хвалы до своей!...“
...И Господь послау ангелоў:
Сойдите по Лазареву душу,
Возмите Лазареву душу на пярину
И нясите на свента́ небеса!
И создайте Абраму на злѣченье, на улóни!...
...А богатый красу́ецца, вельму́ецца;
Выѣхаў на полеванне, да на прогулянне,
Пышная рота по бапалъ идеть;
Жану его позаду вязуть,
А лютые псы по пере́ду идуть...
Ѣхаў поле, ѣхаў другое,
Стау на третіе взъѣжжать,
Стала его сустрѣча сустрѣчать...
Сбила-сколотила со добра коня
И ударила о сыру землю, о желты пески,
Штобъ ня увидѣў богатый тоски...
Лежаў три дни, три ночи,
Покуль пришоў до своей памяти
И стаў Господа-Бога просить:

Тутъ нищіе сдѣлали небольшой антрактъ, чтобы урегулировать вопросъ о двухъ кускахъ тонкаго полотна, такъ какъ сосѣдняя партія изъявляла претензію на половинную часть, доказывая, что „ена паня и на нихъ глядѣла, якъ давала афяру, а Базыль и во гэтый малецъ себѣ схватіу“. Окончивъ споръ, нищіе продолжали:

Боже мой, Боже, Спасъ милостивый!
Прими мою душу до хвалы до своей;
Моя душа упила, уѣла,
Мое тѣло добро уходило:
Медъ-вино упиваў и съ богатыми засѣда́у,
А нищихъ со двора сагоня́ў,
А брата Лазаря за брата ня мѣу.
Услыхау Богъ его неправедность

И сослау трехъ пякельниковъ:
Возьмите богачоу душу прозъ лѣво ребро
И несите строго-высоко,
Да укиньте у пекла глыбоко...
А тамъ увидіу енъ брата Лазаря
И стау просить яго: ай, братецъ родной!
Одна мати спородила,
Да ни одной долей нацѣлила:
Ты у Абрама на улонѣхъ,
А я у вѣчной смолѣ!...
Ти ни сходіу бы ты у быстру рѣку,
Ти ни помачіу бы хоть мизинь палицъ,
Ти ни притушіу бы огонь-полоню...
А енъ казау: сходіу бы я у быстру рѣку,
Помочіу бы по локоть руку,
Притушіу бы огонь-полоню,
Да не моя-жъ тутъ воля—Господа Бога [20]).

V.

Но вотъ обѣдня окончилась и картина кирмашной жизни начала измѣняться. Богомольцы развязали свои хотульки и повытащили съѣдобную „усякую-усячину“. Принесли, конечно, и водочки и разсѣлись вокругъ разостланныхъ скатертей. А вонъ подъ тѣнью сосны и знакомые намъ. Прокопъ съ Матреной и дѣдъ Левонъ отдаютъ должную дань праздничному настроенію. Дальше, за гостинцемъ, въ березовой рощѣ на пространствѣ всей могильной поляны пластами разлеглись зарѣчные дѣды и бабы, а между ними можно было замѣтить и самого старшину Парѳену съ помощникомъ писаря.

Къ ихъ компаніи подошелъ вскорѣ „сбратдѣтный“ братъ Лявона Данила, успѣвшій уже хлѣбнуть значительную дозу жи-

---

[20]) Варіантъ „Лазаря“ приведенъ не въ полномъ видѣ и во многомъ отличающійся отъ варіантовъ Городокскаго, Велижскаго, и Гомельскаго уу. См. „Сборникъ“ Романова, т. II, вып. 5, стр. 341—356.

вительной влаги и теперь поднимавшій цѣлую бурю противъ существующихъ порядковъ волостного самоуправленія.

— Что мнѣ кто, началъ онъ надтреснувшимъ голосомъ, размахивая руками и раскачиваясь всѣмъ корпусомъ: я самъ по себѣ панъ и ни боюсь я никого!... Писарь? А что мнѣ писарь!... У зубы? Да я самъ ему у зубы!... Я ему полѣзу!... Такъ швырну, что и своихъ не узнаетъ!... Да и Парѳенъ, продолжалъ онъ, переходя къ высшей инстанціи... Нечего сказать—старшина! Туды толька и глядить, дѣ горѣлка стоить!.. Только бороду гладить, а писарь якъ хочить, такъ и дѣлаить. Лопнить его брюхо!... Дадуши-жъ лопнить!... Я ня то что коли, напр., ти то членъ, ти то...

— Ходи, дяденька, къ намъ... Вонъ и Лявонъ... блина зъѣшь, приставала къ нему Матрена, стараясь перетянуть оратора въ свой лагерь: ужъ не рано, закуси, дядька!...

— Я и десятникомъ быу, продолжалъ одушевляться Данила, не обращая никакого вниманія на приглашенія, и сотскимъ, и магазынникомъ быу...

— Здоровъ, Данила! якъ дужъ, якъ маисся,—прервалъ его вдругъ, ударяя по плечу, ветхій армячишко съ заплывшей физіономіей, большимъ носомъ, козлиной бородой и посоловѣвшими глазами.

— А ты хто?

— Ты знаешь хто я?!... закричалъ вдругъ вмѣсто привѣтствія Данила: хто я?... Я ня то, что якое что! И-и ты, братъ, Прокопъ, ни того... Вѣдаю я, что ты со старшиной „у ховрусь“ [21]) рачебницу [22]) крыу и овечку отнесъ писарю... Ага! Што?

— Во енъ гдѣ нячистикъ, закричала жена Данилы, подбѣгая къ нему съ кулаками... Люди сидять, полуднують... А енъ во штó!...

... Настибауся ужó! А колесы купіу?... Гдѣ-жъ колесы?—а? Правались ты, нячистая сила!..

Но оставимъ гнѣвную Ксантиппу изливать громы и молоньи

---

[21]) Вмѣстѣ.

[22]) Лѣчебницу.

на главу ревностнаго почитателя бахуса и обратимъ наше вниманіе въ ту сторону, куда начинаетъ стекаться большая часть публики. Нужно замѣтить, что въ шагахъ 100 отъ ограды церковной расположено мѣсто обиталища извѣстнаго благодѣтеля — Шмуйлы Хайменка. Онъ живетъ на мѣстѣ корчмаря „по закону давности" и продажей вина и сикѣры много вспомоществуетъ благосостоянію кирмашнаго дня.

Надъ входомъ въ корчму — знакомая читателю вывѣска, изображающая бутылки, изъ которыхъ фонтаномъ переливаются кислыя щи въ разставленные стаканы, а съ боку—коричневая бочка съ бѣлыми обручами.

Здѣсь собралась толпа танцоровъ. „Дятюки" и дѣвушки выплясывали фигуры всѣмъ извѣстнаго „кадриля́". Огромный столбъ пыли поднялся выше Шмуйлиной хаты и ложилась толстымъ слоемъ на армяки, насовы и узорчатые платки танцоровъ. Танцоры, однако, не обращали на это никакого вниманія: они утирали градомъ катившійся потъ и продолжали выдѣлывать энергичные удары ногами: дятюки, присѣдая и раскланиваясь, а дѣвицы плавно кружась и весело улыбаясь. Двое музыкантовъ, согнувшись „въ три погибели", играли на скрипкахъ „хранцузсиую" кадриль изъ русскихъ пѣсенъ, а 3-й на цимбалахъ имъ аккомпанировалъ... Не вдалекѣ плясалъ въ присядку сѣдой старикашка, очевидно, вспомнившій дни своей веселой далекой юности. А изъ внутреннихъ помѣщеній корчмы неслись въ это время крики и неистовыя пѣсни. Протиснуться впередъ сквозь толпу не было никакой возможности.

Воздухъ переполненъ дымомъ отъ воскуренія махорки. Въ этой атмосферѣ движется цѣлое море головъ: одни тянутся къ бочкамъ съ водкой, другіе стараются „прихинуться" къ столу, къ подоконнику, къ печкѣ, усерднѣйше упрашивая другъ друга еще выпить „хоть троху", за здоровье и добрую дружбу.

Двое сыновей Шмуйлы не успѣвали удовлетворять жаждущихъ.

— Да ты-бъ, сватуля, ящо потягнуу... А я-я! Да выпій, зязюлька моя... я и съ твоимъ батькой... угощаетъ сватъ Микита свата Семена Цибулю.

— Что и говорить, Ивановичъ, я тябе люблю... Я тябе такъ люблю... Давай пацалуемся... Во у самые усы... Ну пей же, пей!.. Во-во...

— Ты мнѣ не пяречь, слышался въ другомъ концѣ корчмы крикъ высокаго въ зимней шапкѣ мужика: вѣдаимъ мы, что ты въ прошлое лѣто, якъ быу попечитэлемъ въ училищѣ... Со старостой у хаврусь... Ага... Ну во... Пьяныя физіономіи поворотились въ ту сторону, гдѣ начиналась ссора.

— И... и..., братокъ мой, вмѣшалась вдругъ пьяная фигурка, тыча попечителю чуть не въ зубы бутылкой, нажіуся ты коло волосной.

— Отойди, нячистая сила! заступился за попечителя старостовъ племянникъ, человѣкъ видавшій виды во время турецкой войны и „своими руками забиравшій Плевну", въ мирное же время пользовавшійся удобнымъ моментомъ, чтобы показать свое искусство сражаться съ „нехристью". „Отойди, нято двину, кричалъ онъ, отталкивая пьяную фигуру отъ попечителя. Но фигурка не унималась и продолжала доказывать почтеннѣйшей публикѣ, что „попечитель не чистъ на руку". И не стерпѣлъ старостовъ племянникъ: „двинулъ" въ ухо фигурки. Фигурка пошатнулась и бросила въ голову героя Плевны бутылку. Въ корчмѣ поднялся невообразимый хаосъ среди публики: получилось двѣ партіи—одни тянули за фигурку, другіе за воина, третьи, не понимая въ чемъ дѣло, напирали всѣмъ животомъ изъ заднихъ рядовъ. Столы и лавки опрокинуты. Ограда, скрывавшая живительную влагу, начала трещать отъ напора дюжихъ плечей. Кто твердо держался на ногахъ тотъ спѣшилъ выбраться на свѣтъ Божій, выскакивалъ черезъ окно, или лѣзъ на печку, а слабые падали на землю или укрывались въ Шмуйлиной каморкѣ.

Первымъ показалась на улицѣ фигура воина съ разбитой головой.

— Я тебѣ покажу! кричалъ воинъ, отправляя свою угрозу по адресу своего злѣйшаго врага, и тотчасъ принялся выламывать колъ изъ Шмуйлиной изгороди. Выбѣгавшіе слѣдовали его примѣру. Танцорамъ пришлось разбѣжаться на 6-й части „кадриля" и на смѣну явились воины съ дреколіями. Трудно было ра-

зобрать, кто противъ кого идетъ... Каждый старался наносить удары другому, такъ какъ считалъ его злѣйшимъ врагомъ своимъ. Слова: Я табѣ дамъ! Я табѣ зубы повыбью! Отойди нячистикъ! Кабъ съ тябе духъ вонъ!“ безостановочно висѣли въ воздухѣ...

Явившіеся съ разныхъ концовъ кирмаша сотскіе и десятскіе, къ сожалѣнію, сами плохо держались на ногахъ не твердо и, получивъ значительную взбучку, скрылись въ ближайшемъ лѣсу.

...Богомольцы, державшіе нейтралитетъ, спѣшили запрягать лошадей, выкрикивали по именамъ своихъ женъ, дѣтей, увязывали купленныя рѣшета, колеса, миски, баранки и уѣзжали во свояси. На многихъ возахъ были видны безпомощно свѣшанныя внизъ головы, болтались руки и ноги. „Балаганщики“ сложили нераспроданный товаръ въ сундуки и, высоко сидя на верху ихъ со скрипомъ и громыханьемъ отъ разобранныхъ шалашей, отъѣзжали отъ церковной ограды, съ испугомъ поглядывая на мѣсто сраженія.

...Солнце ушло за гору, освѣтивъ въ послѣдній разъ верхушки деревьевъ и блеснувъ на позолоченномъ купольномъ крестѣ. А на „гостинцы“ до утра тянулись возы съ бабами и мужиками.

1897 г.

ДѢДЫ̀ [1].

(Этнографическій очеркъ изъ жизни Лепельскихъ бѣлоруссовъ).

I.

Вы, я думаю, знакомы, м. г., съ Микитой Перуномъ, что живетъ въ деревнѣ Подмикитовкѣ. Правда, онъ не приходится „съ родни“ тому Перуну, который нѣкогда поражалъ громомъ и молоньей обитателей подлунной, но, по увѣренію деревни Подмикитовки, „усякій человѣкъ знаить Перуна“. Если же его не знаете, то съ перунятами, навѣрно, встрѣчались: перуняты—люди бывалые, хожалые, особенно Егоръ Перуненокъ. Каждый годъ они ходятъ по вольному „прашпорту“ на заработки. Бываютъ ни и въ Питерѣ на фабрикахъ (гдѣ „колеса день и ночь бѣгаютъ“), бываютъ и въ „губерніи“ [2]). По правдѣ говоря, „губернію“ они знаютъ не хуже ближайшаго мѣстечка М. Часто можно слышать ихъ разсказы о томъ, что „въ губерніи живуть разныи господа и одежа у нихъ разная... У однихъ шапки во гэдакіи, а у другихъ во етакіи... И дома разные—больше высокіе съ досками написанными и безъ досокъ. Опять ёсть и засѣданіи усякіи... Не то, штó у насъ: волоская, винополія, царква, вучилище,—и все, а тамъ и суды усякіи и такъ... люди пишуть бумаги... Для чего пишуть?—пояснялъ при этомъ младшій братъ Банадысь своимъ односельчанамъ: мало для чаго пишуть!.. Для того и губернія!.. Одни пишуть, другіи читають... Да-а!.. А ёсть и такіи, што не пишуть, не читають, а такъ гуляють и

---

[1]) Дѣдами у бѣлоруссовъ принято называть дни поминовенія усопшихъ.

[2]) Губернскій городъ.

гуляють... На казенныхъ харчахъ, знацца... Ну, другій посмотрить штó... Напримѣра приставленья разныя, кіятры... Таперъ опять машину по дроту наводють... гэто проста машина по дроту пойдеть и пойдеть... Якъ пойдить? А вотъ тады и увидишь. Да-а!... Въ одномъ концѣ пущають, а у другомъ пиріймають... Вѣрно... Да, усячина у губерніи бываить... Ета не то, што наша деревня!..“

Я упомянулъ о Перунѣ потому, что сегодня дѣды, а коль скоро „дѣды“, значитъ у него, а равно и во всей Подмикитовкѣ будетъ „столъ“, т. е. будутъ поминать „змардлыхъ“ вкусными яствами и выпивкой.

Замѣчу кстати, что подмикитовцы поминаютъ дѣдовъ 5 разъ въ годъ, тогда какъ сосѣдніе зарѣчане поминаютъ ихъ 6 разъ, нó и тѣ и другіе идутъ по обычаю „съ прадвѣку заведенному“, и антагонизмъ по сему предмету, если и былъ раньше, то въ настоящее время значительно поубавился. благодаря тонкой политикѣ Рипины зарѣчанской, которая, стоя на нейтральной почвѣ, доказала мужчинамъ, что „тыи дѣды сами по сабѣ, а гэты сами по сабѣ“. Понятно, что никто не рѣшился выступать оппонентомъ изъ опасенія попасть въ число вольнодумцевъ и противъ лучшей истолковательницы законовъ. Я не скрою отъ васъ, м. г., что Перунъ сталъ усердно почитать поминальные дни всего лишь года 2 тому назадъ, а раньше этого времени онъ чуть-чуть не свихнулся съ прадѣдовской колеи. Да!.. И съ старыми людьми такія притчи утворяются! „Зачѣмъ гэта, говорилъ его дерзкій языкъ, и горѣлку пьють, и подсвинковъ поджаривають, и напекають и навариваютъ... Другій цѣлый мѣсяцъ и не ѣсть и не пьеть, а на дѣды ужо наидаицца, чуть не лопаицца!“... Вотъ до чего дошелъ старикъ!

Мнѣ кажется, что говорилъ онъ такъ подъ вліяніемъ своихъ сыновей, вносившихъ въ Подмикитовку городскіе обычаи и панскія затѣи, и жестоко поплатился зе свое свободомысліе. Дѣло въ томъ, что... Нѣтъ, я лучше все разскажу по-порядку.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, наканунѣ „Радуницы“, шли подмикитовцы „гостинцемъ“ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ „панская змѣна начинается“. Шли подмикитовцы за горѣлкой и

у каждаго хозяина была либо бутылка, либо боченокъ (безъ горѣлки, извѣстное дѣло, дѣдовъ не справить!). Напрасно бы вы всматривались въ грубыя, загорѣлыя лица и сивыя бороды: Перуна между ними не было замѣтно. Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пахалъ свою полоску и по временамъ покрикивалъ на маленькую пѣгую кобылешку: „ближе, бли-и-же, вовчиное мясо!.. говорилъ онъ, помахивая кнутомъ. Ишь ты, кабъ тябе ракъ сточіу!.. Што на солнце глядишь?.. Еще высоко!"— „Вотъ спущусь къ лѣсу, къ лужайки и отдохну, думалъ дѣдъ, подъѣзжая къ лѣсу. Кобыла опять покульгиваить!.. Нужно у Петрока заливки взять... Опять у боку рѣжить, вотъ рѣжить, да рѣжить... Богъ вѣдаить съ чаго гэто рѣжить?... Стариковское дѣло! Не тыи годы, што были!.. Охъ-хо-хо! Тпру! Стой ты, дурная!" Перунъ высоко поднялъ соху и опустилъ ее въ землю. Оперши́сь на ручку сохи и приложивъ ладонь ко лбу, долго посматривалъ онъ на западъ.

— „Гм... Не далеко и до вечера! Недалеко-о!" Сказалъ онъ и, опустивъ голову, погрузился въ глубокую думу. Много грустныхъ мыслей роялось въ старой головѣ. Вотъ теперь новые порядки въ волости, а мужику все плохо, а отчего плохо? Конечно, писарь... Нда, писарь ни того... Сынъ Банадысь ушелъ на заработки... Ну, онъ ловкій малецъ: не прападетъ! Не пишетъ вотъ только... Телѣгу опять чинить надо... Непремѣнно надо... Расходы, расходы, а доходовъ нѣтъ... Откуда доходамъ быть? Желѣзо купи, соли купи, кирпичу купи, дегтю купи... Усе купи... А за что купить?!... Кузьма Пэцкаль померъ... Съ чего бы и помирать? Всего довольно было („Нихай со святыми отпочиваить!" мысленно прибавилъ дѣдъ)... „А жонка моя, продолжалъ думать дѣдъ, не тикавая" [3])... Завелася съ Христиной и за што?— Смѣхъ одинъ!... Твой кажить пѣтухъ?.. Твой пѣтухъ... А по мнѣ усе ровно чій пѣтухъ?... Не тикавая жонка!... Съ Прасковьинаго роду ня дужа жонки вядуцца"...

Занятый своими мыслями, дѣдъ и не замѣтилъ, какъ отъ ручья спустилась къ нему вышепоименованная толпа подмикитовцевъ!

---

[3]) Не далекаго ума, не имѣющая за собой особыхъ достоинствъ.

— Помогай Богъ! загомонили сосѣди Перуна на разные голоса.

— Диньскую!.. Што жъ ужб къ Янкелю?

— Къ Янкелю, за горѣлкой, Перунъ Астаповичъ! Дѣды на носу!...

— Хай ее, гэту горѣлку!—Гэта горѣлка у пуста!... отрѣзалъ Перунъ.

— А самъ селѣта [4]) не будешь брать?

— Не буду, дадуши-жъ [5]) не буду, категорически заявилъ Перунъ... Кабъ яе и дѣткамъ моимъ не знать! Нихай ужо добрые людцы пьють!.. А я... который годъ я кинуу пить и такъ ладно: и здоровѣй и не такъ сосеть коло серца... Ну ты, чаго заглядѣлась, обратился онъ къ лошадкѣ, заворачивая ее въ борозду и не желая больше тратить времени на такую пустую вещь, какъ горѣлка. Бли-и-и-жи! И-и-шь ты!“...

— Глядишь, Перунъ, кабъ табѣ чаго не приключилося, зашамкалъ вслѣдъ ему осунувшійся, почернѣвшій, съ открытой грудью старичокъ, по выраженію подмикитовской молодежи, „усе рбвно, штб земля“. Этотъ старичокъ и есть тотъ самый Тережка, котораго вы часто замѣчали, когда проѣзжали черезъ Подмикитовку. (Онъ сидитъ всегда на заваленкѣ около своей похилившейся хатки и нюхаетъ табакъ съ пепломъ). Тережка—лучшій истолкователь (я не беру въ сравненіе Рипину зарѣчанскую) „старосвѣтскихъ установовъ“ и грозный обличитель „панскихъ выдумокъ“, основанныхъ, какъ извѣстно, на пустой блажѣ“. Перунъ не придалъ тогда значенія „карканью“ Тережки, и на обычные протесты бабъ своихъ, что, какъ же, дескать, можно безъ дѣдовъ, гдѣ такой человѣкъ, который безъ дѣдовъ обходится, махнулъ рукой и съ ироніей замѣтилъ: „усе гэто пустое!.. бабскіи забобоны!.. Дѣды сами по сабѣ, а мы сами по сабѣ!.. И горѣлки брать не буду!.. Нисколько!.. Хоть кварту? И кварту не возьму... На что горѣлка? Выпить?... Воды выпей!.. Баба, а горѣлки ей купляй!.. Дитямъ? На што дѣтямъ? Икая зъ яе польза?... У ты, старая кочерга!.. Хоть полкварты? Не, выхво-

---

[4]) Въ этомъ году.

[5]) Клятвенное увѣреніе.

рѣить твоя голова: жива и безъ горѣлки будешь. Дау-бы табѣ у зубы: вѣдала бы ты якъ горѣлки просить“...

... Такъ говорилъ дѣдъ и рѣчь его сугубо была непріятна его благовѣрной Авдули, женщинѣ, хоть и „не тикавой“, но зато ревностной послѣдовательницѣ Терeжки—толковника. Однакожъ пришлось подчиниться установленному режиму: легли безъ „дѣдовъ“. Между тѣмъ, „карканье“ Тережки даромъ не прошло... Въ эту достопамятную ночь случилось... Да, случилось, м. г., не обыкновенное происшествіе. Подробностей передавать вамъ не буду, потому есть много трусливыхъ людей, неравно кто перепугается. Судите сами. Явился ночью въ Перунову хату „якій хто невѣдома откуль“ и прямо полѣзъ къ дѣду на печь, стянулъ его (я опускаю, какъ стянулъ) оттуда на припечекъ, съ припечка на полъ, а потомъ началъ водить по хатѣ и по истопкѣ [6]); въ истопкѣ обводилъ даже около кадокъ съ мякиной, а потомъ потянулъ на чердакъ, а съ чердака опять въ сѣни (тутъ дѣдъ объ лѣстницу головой ударился), да въ хату, да на припечекъ, да на печь. Тогда только дѣдъ опомнился, пережигнался и рѣшилъ, что водилъ его никто иной, какъ небощикъ Кузьма Пэ́цкаль... „Правду кажуть люди, не иди противъ старосвѣтскаго... Вотъ и ёсь гэта, разсуждалъ дѣдъ, ощущая на лбу цѣлые потоки холоднаго пота: „вотъ табѣ и дѣды и горѣлка!.. Столько лѣтъ жіу—ничёго, а таперъ... Надо будить Агапку, попросить, кабъ отпѣла Пэ́цкаля... Жарты обводіу!... У-у-ухъ! Во, кабъ яго паль спалила! Повторялъ онъ, сгараясь закутаться въ кожухъ и крестя ротъ... Надо справлять дѣды... Надо... Ничего не зробишь... Гэта не шутка! Вотъ табѣ и разъ!“... И до утра не могъ дѣдъ глазомъ свести. Говорятъ, что Авдуля цѣлый день послѣ того подбирала всевозможныя ругательства по адресу свободомыслія мужа и Перунъ молчалъ, какъ стѣна.

Подлинность совершившагося казуса можетъ подтвердить вышепоименованная Рипина, а равно и всѣ подмикитовскія бабы. Итакъ, спрошу васъ, м. г., можно ли не поминать яствами и горѣлкой? Именно, нельзя. И Перунъ, какъ сказано выше, сопро-

---

[6]) Вторая половина жилого дома, предназначенная для склада домашняго инвентаря и съѣстныхъ припасовъ.

вождаетъ свои пожеланія дѣдамъ „легко икаться на томъ свѣтѣ“ выпивкой въ преизрядномъ количествѣ, твердо памятуя, что „не нами это заведено, не намъ и выводить и что „старики увели, тое нихай до вѣку будить, такъ какъ на гэтомъ увесь свѣтъ стоить“.

II.

Теперь прошу васъ, м. г., обратить вниманіе на то, какъ ревностно приготовляется Перунъ и прочіе подмикитовцы къ предстоящимъ „дѣдамъ“. Если отъ „гостинца“ поворотите къ рѣчкѣ, а отъ рѣчки на „косогорицу“, то отсюда можно видѣть, что въ Подмикитовкѣ дѣлается. Вонъ около изгороди смалятъ подсвинковъ—предметъ бабьихъ хлопотъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Подсвинки скоро уже будутъ обмыты и поступятъ въ распоряженіе хозяекъ, а хозяйки для помина „змардлыхъ“ приготовятъ изъ нихъ прекрасную уху и „печистое“. А тамъ, около Тадэушевой хаты, уже начали мести улицу и большой столбъ пыли поднялся въ воздухѣ. Мужчины между тѣмъ затопляютъ бани и приводятъ въ порядокъ „дворы“, а бабы моютъ хаты, домашнюю мебель и посуду. Онѣ съ засученными рукавами, съ приподнятыми полами выскакиваютъ на улицу, выливаютъ цѣлые „цебары“ грязи и тотчасъ же убѣгаютъ назадъ. Работа вездѣ самая спѣшная. Шумъ, гамъ, бѣготня и на дворахъ и въ хатахъ... Чуть солнце повернуло съ полдня, какъ показался дымъ изъ одной, другой трубы, а гдѣ хатки курныя, тамъ изъ бокоушки. Началась стряння около печей, около хлѣбныхъ кадокъ, по истопкамъ и клѣтямъ.

У Перуна хозяйка Авдуля и двѣ ея невѣстки, Прасковья и Ганна, постарались раньше всѣхъ приняться за работу. Еще у Тадэуша только воду несли изъ озера, а онѣ уже подчистили хату отъ порога до наръ, и въ сѣняхъ три корыта отнесли къ стѣнѣ, и картофель ссыпали въ уголъ. Конечно, такая успѣшная работа зависѣла много отъ энергіи Перунихи-Авдули, бабы хоть и не „тикавой“, но весьма „тропатливой“ [7]). Длинныя лавки около

---

[7]) Подвижной, бойкой на языкъ.

стѣнѣ вымыты и выскребаны ножомъ, огромный столъ съ двумя ящиками, въ которыхъ помѣщается до 2 пудовъ печенаго хлѣба, совсѣмъ выглядитъ новымъ. Замѣтьте, какъ трудно невѣсткамъ съ работой управляться. Вѣдь вотъ въ этихъ двухъ колыскахъ, что привѣшены къ гибкимъ жердямъ около наръ, лежатъ ихъ крохотныя дѣвочки: нужно и колыхать, и соску давать, и въ работѣ не отставать. Перуниха, вѣдь, не зѣваетъ и не даетъ потачки. Прасковья убираетъ нары и въ то же время старается убаюкивать свою „ягодку". Колыска подскакиваетъ высоко, а дѣвочка кричитъ „благимъ матомъ" и этотъ „благій матъ" переходитъ, наконецъ, въ неопредѣленное хрипѣніе.

— „Ну, тиху-жъ, тиху, моя ягодка. убаюкивала ее мать: тиху ты, опостылая! Тиху-жъ, моя ягодка!.. Ну, на-жъ сосочку, мое дитятко! Авой, неколи! Коли-жъ мнѣ съ тобой возицца!.. Ну, цыцъ же, цыцъ! У-у! раскры-ы-чалася! Охъ, головка-а моя бѣ-ѣдная!"... Ребенокъ мало-по-малу началъ стихать: убаюкиваніе ошеломляетъ его нѣжную головку, и Прасковья хоть на минутку свободна. Теперь она присоединяется къ Ганнѣ; дружными усиліями сдираютъ онѣ огромный слой грязи около наръ и относятъ къ порогу. А еще подъ нарами работы „шматъ": вѣдь сколько времени стояли телята и два ягненка съ маткой! Однакожъ и эти аппартаменты вскорѣ приняли болѣе или менѣе надлежащій видъ. Стало немножко свободнѣй. Теперь осталось вымыть „боговъ", а тогда и за котлы можно приниматься. Висѣвшіе въ красномъ углу три „боги", изъ которыхъ одинъ—„Ягорья", побѣдившій „бязецнаго цмока", окончательно почернѣвшій и выцвѣвшій, были оттуда сняты, обмыты, обтерты и завѣшены чистымъ полотенцемъ.

— „Ну, что жъ ты, Ганна?!.. И руки ужо опустила! Што не видишь—солнце низко!... Шаруй котлы!.. Пошли вонъ вы, малыши! кричала Перуниха, перебѣгая изъ одного угла хаты въ другой и въ то же время разбрасывая подзатыльники малышамъ-внукамъ, просившимъ хоть трошку хлѣбца. Што нужно? На дво-оръ! Бѣгайте тамъ!" выталкивала она ихъ. „А хлѣбъ подошбу? а? Бери, Прасковья, дежу! Што ты тамъ усе возисься со своей дѣвчонкой: не бось не раскричицца!... Ну, бери дежу! Дер-

жи съ боку! Ну-у! Меси теперь"... [8]) И невѣстки не знали ни отдыху, ни сроку.

Прасковья начала орудовать съ дежой, въ которой было утворено хлѣба до 3 пудовъ, а Ганна, подъ руководствомъ Перунихи, начала разгонять прусовъ и таракановъ, царство которыхъ было расположено на печи и на смежныхъ почернѣвшихъ стѣнахъ хаты. Прусы и тараканы, нужно замѣтить, живутъ довольно дружно другъ съ другомъ и совмѣстно предпринимаютъ ночныя экскурсіи на разложенный на столѣ хлѣбъ, миски, ложки, переходя на нары, на палати, ползаютъ по лицамъ спящихъ (разъ даже Перуну въ ухо тараканъ залѣзъ: правда онъ тогда былъ выпивши), подчищаютъ всѣ котлы, если они стоятъ на „загнетѣ". Перуниха давно уже истощила всѣ мѣры борьбы съ этими насѣкомыми: морила ихъ голодомъ, обливала керосиномъ съ кипяткомъ и даже со всѣмъ скарбомъ—живымъ и мертвымъ инвентаремъ—переселялась въ „истопку" на цѣлую недѣлю, надѣясь, что эти насѣкомыя поѣдятъ другъ друга съ голоду, или померзнутъ, но прусы и тараканы, хоть и значительно похудали, однакожъ не вывелись. Жаль только—Пахомъ Давгоносъ далеко живетъ: онъ бы скоро ихъ выгналъ. Вы слышали, конечно, что стоитъ только Пахому сказать пару теплыхъ словъ по адресу вышеозначенныхъ „кузурыкъ", какъ они провалились бы „скрозь донна"... Ганна, принясь за обыкновенную мѣру, облила ихъ кипяткомъ и при этомъ выругала ихъ „на чемъ свѣтъ стоитъ": „кабъ вы почернѣли, говорила она, плехая воду на стѣны, кабъ вы повыдохли, кабъ васъ халерія задавила" и проч. Прусы и тараканы отъ этихъ нападеній постарались подальше залѣзть въ свои щели, а болѣе слабые упали на полъ.

Дѣтвора, успѣвшая сбѣгать къ рѣкѣ, настроившая много домовъ изъ песку, осмотрѣвши вороньи гнѣзды, опять ворвалась въ хату и тотчасъ поднялись крики: „Мама! ѣсть хочу... Ма-а-ма-а! хлѣ-ѣ-ѣ-б-ца!" Маленькая Авгиння вся покрытая болячками, бѣлокурая, съ голубыми глазками особенно пристаетъ навязчиво. Ру-

---

[8]) Къ дѣдамъ считается обязательнымъ напечь хлѣба, при чемъ отложить небольшую булочку для старцевъ.

ки ея грязны, длинная-длинная рубашка внизу совсѣмъ оборвана... Авгиния „навзрыдъ" плачетъ и утираетъ слезы грязными руками. Прасковья нѣсколько разъ швыряла ее отъ себя, но дѣвочка „вцупилась" въ платье матери такъ крѣпко, что, казалось, никто не могъ оторвать ее. 8-лѣтній Василекъ, первый забіяка въ деревнѣ, съ другой стороны приступалъ на бѣдную Прасковью и сбивалъ ее со всѣхъ позицій.

— „Да, тиху вы, ашалѣлыи! Упаду на васъ нѣтъ! Чаго пристали? отбивалась она отъ дѣтворы. Ы-ы-ы! ревуть чертеняты!.. Вотъ возьму вѣникъ да отпухлю васъ!... Бери, Василь, Авгинню... Ну!.. Подождете и до вечера... Подъясьте, хоть лопните, духъ съ васъ вонъ!.."

— „Не лѣзь на печь, Егорка, отбивалась въ свою очередь и Ганна отъ своего сына: не лѣзь, а то котелъ обернешь..."

— „Бѣги на дворъ! крикнула Перуниха, помогая обливать кипяткомъ стѣны. Что на васъ упаду сегодня нѣтъ?! Бѣги, а не то отлуплю!.."

Слова бабы подѣйствовали. Егорка неоднократно имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что значитъ устраивать стачку противъ бабы, а потому, захвативъ съ собой товарищей, перекувыркнулся черезъ порогъ и всѣ побѣжали къ дѣду, который топилъ баню. Дѣдъ для нихъ защита отъ нападеній враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Ребята несутъ ему и горе, и радость. Сейчасъ посыпались жалобы на жестокость матерей.

— „Я имъ задамъ, утѣшалъ ребятъ дѣдъ... У-у!.. Я имъ... Вотъ вечеромъ я васъ накормлю... Яечни? И яечни дамъ... Много дамъ!.. Во, сколько дамъ... Ходишь, Василекъ, ко мнѣ... Ну, не плачь же, не плачь... Ну, чаго жъ ты Авгиння!.. Дай носъ вытрю... Ишь ты икая черная!.. Не плачь же, рыбка моя!.. Во-во... И яечни дамъ... Мно-о-го дамъ... Ну, слухайте, я вамъ пѣсню спою..."

Дѣдъ взялъ соломинку въ ротъ и началъ пѣть:

Чикъ-чикъ-чикалачки,
Ѣхау чижикъ на палочки,
Пытаицца Василя,
Ти далека до села?...

Василь кажить три версты,
Василиха четыре...
Василиха Василя
Палойникомъ затила...

III.

Убравши хату, бабы принялись хлопотать около печи. Меню сегодняшняго ужина, кромѣ кутьи, юшки и клецикъ, составляютъ „печистое“ и яичница на молокѣ. Какъ видите, и около печки работы довольно, „хоть отбавляй“.

Два вымытыхъ ведерныхъ котла стоятъ уже на загнетѣ. Перуниха принесла большую „лубку“ ячныхъ крупъ, всыпала ихъ для будущей кутьи и при помощи Ганны препроводила его въ печь. По такому же маршруту отправились въ печь горшокъ юшки и котелъ „клецикъ“, приготовленныхъ съ „душами“ [9]). Сковороды подчищались, миски вымывались, мясо для „печистаго“ выбрано изъ всего подсвинка самое лучшее, все приправлено лукомъ, перцемъ и поставлено на жаръ. А когда все сварилось и поджарилось, бабы принялись за хлѣбъ. Дежу съ растворенным хлѣбомъ чуть-чуть сняли „всей семьей“ съ печи. Пудовыя булки, на подостланныхъ засушенныхъ капустныхъ листьяхъ, чистаго хлѣба стали занимать самыя теплыя мѣста въ печи.

Вошелъ дѣдъ.

— Ну не позднитесь, бабы! сказалъ онъ, вынимая уголь изъ печи и кладя его въ пипку. Солнце за токъ прячецца!..

Хозяйки заторопились. Орудія стряпни начали постепенно занимать свои мѣста. Загнетъ сметенъ. Ложки и миски разставлены на топчанѣ. Только огромные вороха одежды и различныя постельныя принадлежности остаются въ хаотическомъ состояніи.

— „Ну, хула [10]) Табѣ, Божа, кажись усё“, съ облегченнымъ сердцемъ вздохнула Перуниха. Поставь ты, Ганна, пе-

---

[9]) Начиненныхъ саломъ.

[10]) Слава.

чистое... Повороти къ мисѣ... Во-во... Таперъ сходи у кубелъ и возьми чистую скатерку... Тую, штó у клѣткахъ... И застели на столъ...“

...Вотъ, наконецъ, и баня готова. Мужчины сидятъ на полку въ первомъ духу и стараются вызвать на тѣлѣ потъ. По мѣрѣ же увеличенія температуры болѣе слабые изъ публики начинаютъ спрыгивать на вторую ступеньку, а ребята закрываютъ глаза и совсѣмъ прикорчиваются къ землѣ. Духу довольно! Всѣмъ хватитъ! На полку остался одинъ Перунъ и принялся изо всѣхъ силъ „хвастаться“ [11]). Хвастаясь, Перунъ то согибается въ дугу, то принимаетъ горизонтальное положеніе, со всего размаху ударяетъ по тѣлу и при этомъ на разные лады охаетъ, и ахаетъ... О-о-о!—ее-е! Ду-у-шокъ! Зд...о-о-ровъ!... А-я-я! Егоръ, пр-р-ибавь еще! Во-во-во!“... слышится его надреснувшаяся фистула.

Публика, по обыкновенію выражаетъ должную дань удивленія Перуновой крѣпости.

— „Здаровъ, Перунъ, зда-о-ровъ!“ замѣтилъ между прочимъ, Базыль—сосѣдъ Перуна, скорчившійся за корытомъ. „Мнѣ не вытривать [12]) стольки... А енъ куды старѣй мене... Ста-арѣй!.. Еще якъ при покойники старшинѣ писарь магазынъ ти то скрутіу, ти то спэндіу куды, енъ за старосту быу... А тады я еще на Ганнѣ на своей не жаніуся“... А Перунъ продолжалъ „хвастаться“ и, когда ослабѣвалъ, выходилъ въ предбанникъ, пластомъ растягивался на землѣ, издавая при этомъ отчаянные вопли, кашлялъ и отплевывался на разныя манеры, однакоже хвалилъ хорошій духъ. Въ эти антракты публика слѣдовала примѣру дѣда, но температура была понижаема на 20 и болѣе градусовъ.

Раскаленныя тѣла принялись мыться только тогда, когда Егоръ заявилъ, что довольно „духъ по пустому выгонять, пусть бабамъ останется“. Мыться приходится изъ одного большого корыта, въ которомъ вода согрѣвается раскаленными каменьями, а шаекъ и „въ поминѣ“ не бываетъ. Да и на что шайки, судите сами, когда можно пригоршнями хватать воду изъ корыта. Вѣдь

---

[11]) Париться.

[12]) Не вытерпѣть.

стоитъ только похвастаться хорошенько, разопрѣть и грязь сама-собой сойдетъ съ грѣшнаго тѣла. Всѣ спѣшатъ, какъ-бы скорѣй вырваться на холодъ. Въ предбанникѣ слышны общія покрякиванія и аханія, и вскорѣ вся компанія расходится домой, благодаря хозяина за „добрую па́ру“.

Теперь очередь за бабами.

Бабы завязали головы наглухо (на „дѣды“ головы мыть строго воспрещается) и, заворотивъ въ армяки своихъ малыхъ ребятъ, предоставили своихъ грудныхъ малютокъ убаюкивать мужчинамъ...

Ожидать бабъ пришлось довольно долго: извѣстно, бабы не столько моются, сколько „телепкаются“. Въ хатѣ слышится пріятный запахъ отъ скверущагося „печистаго“, и истощенные голодомъ и „хвастáньемъ“ мужчины испытываютъ нѣкотораго рода неловкое положеніе, а у дѣда даже подъ ложечкой закололо. Онъ сплюнулъ съ досады и въ двадцатый разъ „подпаливалъ“ свою пипку, начиненную бакуномъ III сорта.

— „Ти скоро тыи торбы размыюцца, кабъ ихъ...“, съ досадой сказалъ онъ и началъ выколачивать пепелъ изъ пипки. Наступила пауза. Егоръ и Банадысь сидятъ на нарахъ противъ колысокъ и стараются усыпить своихъ ребятъ. На печи всхлипываетъ Василекъ, получившій взбучку отъ батьки за то, что слишкомъ энергично требовалъ „хлѣбца“.

Чу, стукъ!—бабы! Слава, Тебѣ, Господи! Наконецъ-то!

Ввалились бабы. Лица ихъ красны, глаза горятъ. Разгрузились бабы и все „шурымъ-бурымъ“ разбросали на нарахъ (вѣшать одежду на гвоздь и на крюкъ воспрещается).

IV.

Долго не думая, дѣдъ зажегъ восковую „грамничную“, освященную на „Громницы“—въ день Срѣтенія Господня, свѣчку и прилѣпилъ ее предъ переднимъ „богомъ“—св. Миколомъ. Началась молитва. Молитвы читались всѣ, кто сколько зналъ, отъ „Цару“ и „Войчи“ до десяти заповѣдей включительно. Перунъ особенно усердно ударялъ въ грудь и помянулъ и самыхъ старыхъ и новѣйшихъ дѣдовъ и, когда кончилъ, громко откашлялся

чихнулъ, погасилъ свѣчку и полѣзъ за столъ въ самый уголъ. За нимъ начали размѣщаться и всѣ его домочадцы. Перуниха тотчасъ повытаскала горшки и поставила на 1-е кутью съ саломъ. Всѣ просіяли. Дѣти въ восторгѣ. Дѣдъ на кутьѣ сдѣлалъ ложкой начертаніе креста и, „покаштавау“, опустилъ руки. Его примѣру послѣдовалъ и мужской, и женскій персоналъ, за исключеніемъ строптиваго Егорки, который налегъ всѣмъ тѣломъ на столъ и чуть-чуть не схватилъ еще ложку кутьи.

— „Што ты суесся, остановилъ его дѣдъ: не видишь, што ложки положить надо... [13]). Вотъ растешь дурнемъ, дурнемъ и помрешь... Смотри на старшихъ и научайся...“

Дѣдъ повернулся къ окну, взялъ бутылку горѣлки, налилъ въ рюмку и, преподнося къ губамъ, перекрестился и во всеуслышаніе произнесъ:

— „Ну, нихай же со святыми отпочиваютъ!.. Дай же имъ, Боженька, рай свѣтлый и анеловъ на улӧнихъ!... Ѣхх!... Нихай тамъ отпочиваютъ и намъ хлѣба-соли засылаютъ!.. Бери, Банадысь!...

Рюмка стала переходить изъ рукъ въ руки и каждый считалъ нужнымъ высказать свои пожеланія „змардлымъ душамъ“. Мужчины покрякивали, утирали усы рукавами, а бабы морщились, „перхекали“ и причитывали по адресу дѣдовъ по-своему. Ребятамъ тоже перепало по рюмкѣ, но они требовали себѣ „есце хоть тросэцку...“ Прасковья не забыла и своей крошечной „рыбочки“ въ колыскѣ: она старалась влить ей хоть капельку.

— „Ну-ну, моя рыбочка, ну, выпей же, золотая,“ нѣжно говорила она, придерживая ея маленькую головку и разнимая ротикъ.

„Рыбочка“ чихаетъ, кашляетъ и разражается отчаяннымъ крикомъ.

— „Ну-жъ, ну, боли не буду... Вотъ и на здоровьика, моя котинька!...“

---

[13]) Положить ложки надо, потому что въ этотъ моментъ являются дѣды и понемногу „откаштовываютъ“.

— „Ну, зачѣмъ ты суешь ей водку“, нетерпѣливо замѣтилъ Егоръ. „Малый ребенокъ“...

— „А якъ же ты думаешь“, возразила Прасковья съ азартомъ: усякому человѣку на дѣды поспытать нужно... На тое дѣды!...

— „Нихай выпить“, счелъ нужнымъ вмѣшаться дѣдъ: „здоровѣй будить... Гэта ничого!.. Давнѣй моя матка и не столько ульеть бывало и жіу быу, а ты чуть увидіу, тычасъ и кричишь“...

— „Богъ вѣдаить, што гэта съ Егоромъ становится“, добавила упавшимъ голосомъ Песруниха: „бывало и человѣкъ, якъ человѣкъ быу, а тапера“...

— „Пошоу по заработкахъ“, разъяснялъ дѣдъ: ну и отъ „постанововъ отцовскихъ отошбу... Начау мудрить... Табѣ усе смѣхъ!... Смѣйся на свою голову!... Нечего зубы скалить!... А хто дѣдовъ не уважаить, тому усякъ бываить...

...А якъ у Трохима и горѣлки и кутьи поставили на вокнѣ, дыкъ гдѣ усе подѣлася? Штó?! Разѣ не дѣды приходили?... Ночлежники?... Правда было... Якіи тамъ ночлежники?.. Мало што мальцы казали... Вѣрь ты мальцамъ!...

... Гляди, зубоскалъ, кабъ табѣ штó!... Ня помнишь, якъ мнѣ приключилося?...

Непріятный инцидентъ былъ разсѣянъ, когда появилась вмѣсто кутьи „юшка“. Мясо поставлено было отдѣльно на досточкѣ. Послышалось энергичное „чавканье“ съ прихлибованіемъ. Ребята съ остервенѣніемъ хватаютъ по куску мяса и моментально уничтожаютъ, выпачкивая себѣ лицо до ушей.

— „Ѣшьте, ѣшьте, уговаривала Перуниха, сейчасъ еще подолью. Еще поукотла...“

За юшкой послѣдовали клецки. Клецки настолько тяжеловѣсны, что ребятамъ пришлось вооружиться щепочками изъ лучинки и этимъ орудіемъ удерживать ихъ, а другой рукой захлибывать юшку. Клецки значительно заставили принатужиться затрапезниковъ и, когда Прасковья полѣзла въ печь за печистымъ, мужчины немножко распоясались. Лица стали красны, потъ ка-

тился градомъ. Какъ извѣстно, печистое было приготовлено и искусно, и вкусно. Никто бы, кажется, не отказался откушать, даже послѣ дюжины вышеозначенныхъ клецокъ.

Дѣдъ раскроилъ его на части и чавканье опять водворилось.

— „Ну, что жъ, Банадысь“, обратилась Ганна къ своему мужу, высокому, здоровому мужчинѣ, одному изъ лучшихъ потребителей сегодняшняго ужина: „бери еще... бери, бери лопатку, а не то голову... Не Богъ вѣдаить, коли гэта бываить... Во-во“.

Печистое еще больше отяготило желудки. Позѣвываніе стало переходить отъ одного къ другому, а Василекъ и Авгиння и совсѣмъ заснули на рукахъ своихъ матерей.

— „Ну, проснися жъ, мой соколикъ“, будила мать Василька. „Проснися. Во и яечня сичасъ... Во гляди: баба несеть. Просіу, просіу хлѣбъ, а яечни и не хочешь?...

Дѣйствительно, Перуниха торжественно несла изъ истопки застуженную, подрумянившую яичницу.

Затрапезники принатужились до послѣдняго градуса, лѣниво протягивали ложки къ рѣшетообразной мискѣ и чуть не до дна осушили.

— „Хула, Табѣ, Господи“, набожно произнесъ дѣдъ: „несси, тапера, баба, воды“.

Баба принесла кружку и всѣ поочередно утоляли жажду, а затѣмъ встали и начали креститься, благодаря Бога, что помянули, какъ слѣдуетъ добрымъ людямъ, дѣдовъ. Мужчины тотчасъ же направились къ нарамъ. Они едва удерживались на ногахъ, а Банадысь даже о печь приперся, чтобы не упасть, пока баба разстилала сѣнникъ.

Взобравшись на нары, всѣ растянулись во всю длину вверхъ животами, тяжело дыша и крестя позѣвывавшіе рты. А что касается дѣда, то онъ, по обыкновенію, взобрался на печь и тотчасъ же предалъ себя въ объятія Морѳея, твердо убѣжденный, что никакая сила не подниметъ теперь его, столько потрудившагося во славу дѣдовъ-небощиковъ.

Хозяйки, утомленныя дневными хлопотами и отягощенныя яствами, рѣшительно не въ состояніи были убирать миски и ложки со стола. Да и хорошо сдѣлали: можетъ быть пожелаютъ дѣды откушать, а пока ихъ нѣтъ, нагрянула огромная стая прусовъ и таракановъ.

СЦЕНКА СЪ НАТУРЫ.

Въ N—скомъ волостномъ правленіи получено воззваніе общества Краснаго Креста, приглашающее къ посильнымъ пожертвованіямъ въ пользу пострадавшихъ въ неурожайныхъ губерніяхъ. Собраны крестьяне. Сельскія власти въ полномъ сборѣ.

Старшина (помахивая рублевкой). Во, братцы, мы афяруемся, знацца, на голодныхъ, бо на Росéи голодовка... знацца начинаицца... Во и якъ панъ писарь кажить... што... кажить... штó...

Писарь (подсказываетъ). Народъ бѣдствуетъ отъ сильнаго голода...

Старшина (помахивая рублевкой). Народъ сбѣдствауся отъ голадóвки, якъ яно вядомое дѣла, знацца... голодъ ня тетка!.. (Толкаетъ писаря).

Писарь. Да и самое милосердіе въ принципѣ похвально...

Старшина. И все милосэ́рдное бизъ прицѣповъ хвалицца усякими знацца... знацца... ти то отъ начальства, ти то... да и... и...

Писарь. И достойно благоволенія со стороны гуманной человѣчности...

Старшина. И... достойна тому, у кого на гумнѣ человѣчность усякая... опять и живность усякая... знацца...

Писарь (съ досадой въ голосѣ). Россіи же обширный районъ голодаетъ...

Старшина (воодушевляясь). Кхъ... Кхъ... Кхъ... Бо голодъ росейскій обшарить тябе, братцы!.. Во васъ, братцы, скольки: человѣкъ можа боли якъ сто, знацца, и кажиный, знацца, у рай, знацца, хотѣу бы... Якъ коли, напримѣра...

Писарь (выходя изъ себя и возвышая голосъ). По статистикѣ указываютъ примѣрное количество голодающихъ: оно обнимаваетъ около пяти урожайныхъ губерній...

Старшина (придвигаясь къ толпѣ и выразительно помахивая

руками). Яно не дужа добро... кхъ!.. кхъ! робить той хто стискаить якую копейку и жалѣить, знацца, на голодо́вку... Енъ примѣрно другiй тиснить, а другiй стыдицца, што ни маить, а у тебѣ нихто, знацца, ни отнимаить, хоть у тебѣ и урожайно, знацца...

Писарь (толкая старшину и возвышая голосъ). А что сказать о немощныхъ, старцахъ, малыхъ дѣтяхъ и людяхъ, малоприспособленныхъ къ физическому и профессiональному труду...

Старшина (растягивая воротъ кажуха и вытирая потъ на лбу)... Коли вы, братцы, и ста́рцеу жалѣите и малыхъ дятей кахаите и такъ усякую малую физику остерегаете знацца... то и голодовку...

Писарь (толкая старшину и передвигая стулъ поближе къ нему)... Ни богатство, ни трудолюбiе, ни кустарная промышленность не спасаетъ бѣдствующихъ отъ голодной смерти...

Старшина (окончательно разошовшiйся въ краснорѣчiи)... Кхъ... Кхъ... Кхъ... Чхххи!... Хто можа и не богатъ, браццы, и ня дужа любить труды, знацца, нихай ни прячицца у кусты, оттого, што ни спасецца енъ, хоть бы и хотѣу на тымъ, знацца, свѣти отъ голодной смерти, якъ вотъ и панъ писарь кажить, што... ни пожалѣить...

Писарь (перебивая старшину и въ сильномъ волненiи покручивая усы). Не пожалѣемъ же, братцы!..

Старшина (не слушая писаря). Не будемъ жалѣть, браццы, усыпимъ зъ магазины, ти жита, ти ячменю, ти овса, а хто можить, дыкъ и гроши, вотъ, якъ и я...

Писарь (громко). Этимъ мы осушимъ слезы...

Старшина (стараясь перекричать писаря и размахивая руками). Нихай же, браццы, другiй потушить слезы... бо кхъ... кхъ... ня Богъ вѣдаить, што тамъ тая копейка, ти то гарницъ хлѣба, бо... другiй разъ и рубъ пропадаить у пусто ти у Шмерки, ти у Янкеля, ти такъ за винополiю пойдеть... Барыши чiе?... А ужо́ гэто, панъ писарь... гэто ни мое дѣло... Я што́ казау, тое каза̀у!

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ.

Потухла заря. Кругомъ черный лѣсъ смотритъ угрюмо, непривѣтливо. Большіе клочья снѣга повисли на сучьяхъ елокъ, сосенъ. Ни птичка, ни звѣрь не нарушаетъ лѣсной тишины. Заснулъ черный боръ, покрылся бѣлымъ саваномъ, какъ-бы поникъ въ глубокомъ раздумьѣ...

Въ этой глуши лѣсной на небольшой равнинѣ пріютилась деревня „Дѣдкина Яма“. Спустилась деревушка въ оврагъ, засыпалась снѣгомъ, чуть-чуть видны крыши домовъ.

Какъ спустилася ночь, все небо кругомъ запестрѣло звѣздами. Звѣзды съ неба глядятъ, какъ „ангельскія вочки“.

Кругомъ тихо. Снѣгъ, да ясное небо. Деревенцы попрятались въ свои хатки: всякій къ колядной кутьѣ готовится...

Скучно и тихо тянулись дни колядскаго поста. Бабамъ работы довольно было. Днемъ онѣ ленъ мяли, трепали, вечеромъ пряли, сучили, другъ къ другу „у супрядки“ ходили. Мужчины возились съ токомъ: то рожь молотили, то пеньку мяли, то въ лѣсъ за дровами ѣздили.

Пришла коляда!.. Мужчины заранѣе скотъ прибрали, дворы подмели, помылись въ банѣ, хозяйки тщательно повымыли лавки, столы, стѣны, завѣшали „боговъ“ бѣлыми утиральниками, наварили кутьи и зажгли огни.

Коляда посередъ двора!..

Только въ хатѣ Прокопихи не замѣтно никакого приготовленія къ празднику. Прокопиха живетъ по правой рукѣ отъ лѣсу, поодаль отъ другихъ хатъ. Ея хатка маленькая низенькая курная. Она вся спряталась бы въ Симоновыхъ хоромахъ.

20-й годъ бьется и мается „у бабылкахъ“ Прокопыха. Ходила когда-то и „у куты“. Люди довольно надъ ней и надругались, и „здикались“. Всякій попрекалъ кускомъ горькаго хлѣба.

Рада бъ итти въ заработки, да дѣти—обуза. Какъ померъ Прокопъ, такъ и осталась съ Василькомъ и Николкой бѣдная Прокопиха: Прокопъ—безземельный, племянники не захотѣли ее держать въ своей хатѣ. Долго билась Прокопиха, пока не поставила хатки. Да ставили хатку племянники на „бабій вѣкъ", лишь бы съ рукъ сбыть, да постановленіе суда исполнить, лишь бы отдѣлаться отъ бабы.

Теперь хатка сыра, холодна, угарна. Внизу около наръ видна большая щель, въ углу около стола, во время мятели проходитъ снѣгъ, съ оконъ течетъ. Прокопиха сама кое-какъ починяетъ свою „хабуньку": тамъ забьетъ, тамъ костры посыпитъ, тамъ соломки положитъ, а все хатка не можетъ устоять противъ трескучаго мороза.

А тутъ и бѣда приключилась. Послѣ Миколы угорѣлъ ея маленькій сынокъ Вася. Чуть водой отлила. Сколько горя было. Вытянула Прокопиха Васю на снѣгъ и плачетъ. Лежитъ Вася бѣлый, какъ мертвецъ. Къ счастью, проходилъ въ то время Прохоръ и помогъ отлить бѣднаго Василька. А на утро у Василька горло распухло. Однакожъ онъ еще бѣгалъ босой по снѣгу и, какъ перебѣгалъ черезъ огородъ, упалъ въ снѣжную гурьбу, и Николкѣ съ трудомъ удалось его вытащить... Заболѣло еще хуже горло, появился сильный кашель... Василекъ ничего не могъ ѣсть и за недѣлю до коляды слегъ въ постель...

Пришла коляда!.. А у Прокопихи коляда не въ коляду. Хлѣбъ на исходѣ, дровъ ни палки, Василекъ „метается" въ жару... Сдалась на Божію волю: можетъ Онъ сиротъ пожалѣетъ, столько она „годовала" ихъ, столько „працовала!"

Пошла подъ вечеръ Прокопиха въ сосѣднюю темную чащу лѣса за дровами, пошла, и теперь еще нѣтъ... Люди огни „запалили", а въ ея хаткѣ темно, зги не видать. Николка все время сидитъ у изголовья больного брата и старается его хоть чѣмъ-либо утѣшить.

Не плачь же, Василекъ... Мамка скоро придетъ, ласково говорилъ онъ, закрывая братишку въ „кажарку". Будемъ вечерить...

— Я боюся, въ хатѣ тёмно!.. Накрый мене съ боку... Ай,

стюдёно!... Я безъ ма-а-мы боюс-я-я!... А Божа-а, мой Бо-жа!.. визгливо заплакалъ Вася.

— Тиху-жъ, тиху, Василекъ, не плачь!.. Мы съ тобой завтра на село пойдемъ, будемъ у Симона въ орѣхи играть... Тамъ дуда будетъ играть.,. Завтра-жъ Рожество... Вонъ смотри: у Симона огни горять, а во и Григоровы запалили... Во якъ красиво!...

— А у насъ чого не запа-алили?... Мнѣ темно-о!... Запали лучинку, Николка!..

— Матка не казала... Казала пожди... Я хворосту, кажить, принесу... Ты тутъ посиди, Василекъ... Я мамки помогу..: Ты съ коткомъ посиди. Я табѣ котка поймаю... Во-во и есть котокъ... На котка... Сиди, котокъ, съ Васей. Вотъ добрый котокъ!..

Василекъ сталъ гладить котка, котокъ запѣлъ свою пѣсню. Василекъ тихо улыбнулся и старался спрятать его подъ „кажарку“

А тѣмъ временемъ Николка незамѣтно выпрыгнулъ за порогъ и скрылся за дверью.

Василекъ, оставшись въ ночной темнотѣ, заплакалъ и хотѣлъ крикнуть, но въ горлѣ какъ будто что порвалось и онъ опять горько заплакалъ. Ему вдругъ показалось, что въ углу стоитъ черный человѣкъ, а голова у него бѣлая. Вотъ человѣкъ придвинулся къ столу и хочетъ итти къ нарамъ. Вася взрогнулъ всѣмъ тѣломъ, закрылся кожаркой и старался удержать кота.

— Мама!.. Николка-а! шепталъ онъ. Божа-а мой, Бо-о-жа!..

Василекъ опять залился слезами. У него начался сильный кашель, все лицо посинѣло, началась рвота. Вася наклонилъ голову съ наръ, котъ убѣжалъ на печь. Оправившись отъ кашля, Вася пришелъ еще въ большій ужасъ, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ его схватитъ черный человѣкъ...

Вдругъ кто-то стукнулъ въ дверь. Вася вскочилъ съ постели и хотѣлъ бѣжать, но тотчасъ въ изнеможеніи упалъ на нары.

Вошла Прокопиха съ ворохомъ сосновыхъ сучьевъ. Цѣлый потокъ холоднаго морознаго воздуха ворвался съ ней въ хату. Позади ея былъ виденъ Николка, тащившій охапку такихъ-же дровъ.

— Мамка мо-о-я!.. Иди ко мнѣ! закричалъ хриплымъ голосомъ Василекъ.

Мать бросилась къ сыну и стала гладить его курчавую растрепанную головку. Она нѣжно цѣловала его, лицо, глаза, прижимала къ груди и старалась закутать въ кожарку отъ холоду.

— Рыбка моя дорогая, причитывала она. Голубокъ мой ненаглядный!.. Не плачь-же, не плачь, моя ягодка! и котка́ поймаю... Я ему дамъ... Котикъ, ходи къ Васильку!.. Не бойся, Василекъ, никого нѣтъ... У кутѣ? и у кутѣ нѣтъ никого—не бось, это тебѣ кажется. Ну ходи я тебе́ спрячу... Иди, Николка, забавляй Василька... Во и котокъ... А я пойду на село, достану сѣна. Сейчасъ, сейчасъ приду, говорила она, поспѣшно направляясь къ двери... Тады будемъ вечерить. И огонь запалю.

Я боюсь, Николка, человѣка, говорилъ Вася со слезами на глазахъ.—Не бось, Вася, я никому не отдамъ тебе́... Это тебѣ здаюцца зданьки [1])... Во-во котокъ. Ну, гладь его... Котокъ добрый... А мамка придеть и сѣна принесеть... Будемъ на сѣни вечерить... [2]). Скоро Рожество. Знаешь, Вася, Христосъ у ясляхъ радіуся... И звѣзды стояли на небѣ... И скотъ стоялъ на полѣ... Такъ учитель разсказывалъ... Тогда пришли волхвы и принесли дары... И звѣзда ишла въ тую пещеру, а въ ясляхъ лежалъ Христосъ... Я вотъ не знаю больше разсказывать, а какъ вывучусь, усе раскажу тебѣ... И про ангеловъ и какъ они пѣли... на земли миръ... Только ты поздоровѣй... Мы съ тобой пойдемъ тогда гулять... пойдемъ у лѣсъ... тамъ такъ тихо-тихо... Только мамка дровы—тюкъ-тюкъ-тюкъ!..

Прокопиха пришла за сѣномъ къ Григору: нужно жъ вечеру устроить, какъ у людей. У Григора вся семья сидѣла за столомъ.

— Што ина просить тамъ у тебе́, спросилъ черезъ столъ у своей жены Григоръ, видя, что она о чемъ-то шепчется съ Прокопихой.

---

[1]) Галлюцинаціи.

[2]) У крестьянъ въ обычаѣ постилать сѣно на столъ въ рождественскую коляду.

— Усюдахъ тольки давай... Сѣна ей? У бѣдноти живеть, а еще сѣна... Итакъ повечерили-бъ... Ну, иди ужо возьми у пупи, не стой на вочахъ.

Горько стало Прокопихи отъ этихъ словъ. Развѣ мало ея покойникъ выручалъ людцевъ! Никому, кажись, и ни въ чемъ отказу не было. Горько и тяжело, да что сдѣлать: у бабыльствѣ чего-чего не натерпишься. И она не шла, а бѣжала съ небольшимъ охапкомъ сѣна.

— Мамка, сѣна принесла, шепотомъ скозалъ Вася, увидѣвъ вошедшую мать.

Положила Прокопиха сѣно на лавкѣ, зажгла огонь и оглянула хату. Боже мой! Завтра такой праздникъ, а она за хлопотами и бѣготней не успѣла ни образовъ помыть, ни лавокъ стереть. Все шурымъ-бурымъ. На столѣ остатки чернаго хлѣба, на окнѣ миска и ложки. Ей хотѣлось пошить Николкѣ армячекъ и сплести новыя лапти, но видно всѣмъ приходится остаться въ той же одеждѣ.

Однако, Прокопиха быстро принялась за работу. Прибрала кое-какъ хату и начала застилать столъ.

Тиху жъ, мой соколикъ, утѣшала она въ то же время своего больного сына.. Вотъ я и сѣна постелю и свѣчку запалю къ вобразу... Во гляди, якъ красиво.. Иди, Николка, разбей сѣно на столу, а я достану изъ печи кутью...

— Золото мое, что жъ ты опять закашляуся, ну стихни жъ стихни, говорила она устанавливая на столѣ посуду.—Ну не плачь же, мы за тебе Богу помолимся... Николка! читай „Рожество".

Мать и сынъ стали въ углу и долго молились... Мать горько плакала и усиленно отбивала поклоны. Лицо ея уже выглядѣло совсѣмъ старымъ, губы посинѣли, по всему лицу пробѣгала нервная дрожь, только глаза горѣли какимъ то особеннымъ огнемъ. На ней была одѣта кожарка покойника Прокопа, съ головы съѣхала на лобъ бѣлая „хустка"...

Кончилась молитва. Мать нѣжно обняла Васю и принесла къ столу. Взяли по ложкѣ кутьи. Попробовалъ и Вася. Но въ

горлѣ сжалось дыханіе, не могъ онъ и ложки проглотить отъ сильной боли.

— Мамка, болить вотъ тутъ, шепталъ онъ, хватаясь за шею.

Мать принесла воды.

— Ну не плачь же, не плачь, я тебѣ потру шейку... Во-во, говорила мать ласково гладя сына по шеѣ. Выпи-жъ водицы... Я тебѣ накрою кожаркой...

Вася усѣлся на скамьѣ и какъ будто повеселѣлъ. Что-то праздничное разлилось по его лицу. Глаза его устремились на икону. Залюбовался Вася свѣчкой, которая такъ рѣдко горитъ въ бѣдной хаткѣ.

— Боженька, мамка, высоко живетъ? спросилъ онъ, переводя глаза на мать.

— Высоко-высоко, Василекъ.

— А я пойду завтра у церкву?

Пойдешь, пойдешь... только поздоровѣй... я тебѣ куплю рубашечку красненькую... Жеребчика? И жеребчика куплю... Бѣленькаго, маленькаго... Якъ у Симона? Ага... И Николки куплю.. Вотъ вы и поѣдете вдвоемъ къ рѣчки... И въ лѣсъ поѣдете

— А у лѣсу, мамка, птушечки?

— Птушечки и бѣлочки есь...

— А ты мнѣ поймай бѣлочку, Николка!..

— Мамка, ты мнѣ ботики... и Вася не договорилъ. Сильный кашель заставилъ его упасть внизъ головой со скамьи. Онъ бился руками о скамью и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Мать отнесла его къ печкѣ и укутала въ кожарку...

... Кончилась вечеря. Встали изъ-за стола, помолились.

Звѣзды попрежнему ярко горѣли. Самая ясная прямо смотрѣла черезъ Симоновы хоромы въ окно бабиной хатки. „Ситце“ начало показываться за Григоровымъ токомъ.

Подостлала себѣ въ изголовье Прокопиха старый армякъ, убрала со стола и стала молиться съ Николкой. Потомъ потушила огонь и улеглась рядомъ съ Василькомъ, который прижавшись къ матери заснулъ, тяжело дыша и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Долго не могла сомкнуть глазъ Прокопиха. Вотъ рождественская ночь. Людцы добрые разговляться будутъ, а у ней только одна булка хлѣба, да два кусочка сала. А дрова? Сколько она просила Симона привезти дровъ! Все ему некогда. Свое, говоритъ, надо возить. А къ племянникамъ она и итти не хочетъ. Развѣ это люди?... Каждый день ходи, неси по охапку. Развѣ эта „женской справы“ работа?... Еще добро, что Николка на ноги поднялся... Хоть какъ-никакъ, а все въ училище поступилъ. И тикавый. Много пришлось трудовъ и хлопотъ имѣть изъ-за него предъ старшиной. Пришлось за послѣднее купить гарнецъ водки, чтобы его въ школу записали... И какъ хорошо Николка ужо подучился: и про Рожество и про ангеловъ разсказываетъ.

И съ этими мыслями Прокопиха заснула. И снится ей будто сидитъ Вася въ лѣсу. Кругомъ снѣгъ, сучья деревьевъ приникли къ землѣ. Вася въ красной рубашечкѣ и сапожкахъ. Какъ возрадовалась она, увидя сына. Вася рукой ее манитъ къ себѣ, да вотъ бѣда—нельзя черезъ ровъ перейти. Вдругъ гдѣ-то вдали послышалось чудное пѣніе: „Слава въ вышнихъ Богу“ и позади Васи стали два ангела!... Боже, какіе они бѣлые, какія ясныя у нихъ лица.

— Не бойся, говоритъ матери одинъ изъ ангеловъ: твоему Васѣ будетъ хорошо у насъ...

И все скрылось.

— Божа, Божа мой! вскричала Прокопиха, вскакивая съ постели и набожно крестясь: что это за сонъ!... Боже мой!— Ангелы!.. Вася!.. Она бросилась къ своему Васѣ...

. . . .

. . . .

Вотъ затеплились огни въ хатахъ... О первыхъ пѣтухахъ встали бабы и принялись за стряпню. По улицѣ былъ слышенъ запахъ отъ печистаго и калбасъ.

Ударили къ заутрени еще до свѣту. Народъ валомъ-валилъ въ церковь. Не видно лишь было въ народѣ Прокопихи... Она громко причитывала и горько плакала надъ трупомъ своего Васютки...

ВОЛОСТНАЯ СХОДКА.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, на пересмотръ „общескихъ“ дѣлъ собрались въ Барыловскую волость представители отъ каждой деревни. Прежній составъ выборныхъ былъ, однако, значительно перетасованъ. Еще передъ новымъ годомъ значительная часть старовыборныхъ принуждена была сложить свои полномочія: по опыту оказалось, что они не соображаются со взглядами старшины и писаря и тѣмъ не мало вредятъ ихъ режиму. Въ числѣ нововыборныхъ, къ удивленію своему, я замѣтилъ самыхъ главныхъ потребителей „винополіи“. Тутъ былъ, напр., Сидоръ, по прозванію „Кажухъ Смаленый“, Щамель, „старостовъ швагра“, Язэпъ Вантроба, крикунъ и забіяка Янка Зипайла, Затычка, Жбанъ, „старшиновъ племянникъ“, и проч.

Собравшіеся размѣстились въ разныхъ концахъ „волоской“ конференцъ-залы. За столомъ, по обыкновенію, на мягкомъ стулѣ засѣдаетъ волостной писарь, по правой его рукѣ на ломаномъ табуретѣ старшина, по лѣвой—старосты и между ними Щамель, дальше, въ маленькой боковой комнаткѣ (денежная кладовая тожъ)—размѣстились судьи и болѣе вліятельные изъ выборныхъ. Тутъ же можно было замѣтить и учителя, о судьбѣ котораго, какъ увидитъ читатель, сходу придется имѣть много преній. „Холодная“ занята выборными, которыхъ „хата съ краю“, которые поддерживаютъ общій гулъ и принимаютъ участіе въ дѣлахъ, когда передніе ряды разгорячатся и накалятся до 40°. Около печи засѣдаетъ партія Янки Зипайлы,—партія представляющая собою оппозицію, въ родѣ извѣстныхъ крикуновъ Шенерера и Вольфа.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, головы всѣхъ выборныхъ были покрыты облакомъ зеленаго табачнаго дыма. По обыкновенію, курили корешки дунаевской фабрики, или экстру Ш сортъ.

„Цибуки“ поминутно передвигались съ праваго угла рта на лѣвый. Во рту Смаленаго Кажуха я замѣтилъ новую, съ „масеизовой“ головкой, „пипку“. Онъ важно развернулъ полы своего армяка и досталъ коричневую пачку табаку, набилъ имъ вышепоименованную „пипку“ и лишь только зажегъ спичку, какъ дюжина „цибуковъ“ потянулась къ нему со стороны лицъ, желавшихъ захватить дарового „вогнища“. Никита Жбанъ прихинулся къ окну и въ 10-й разъ подступаетъ къ Затычкѣ, стараясь доказать ему, что ихняя кабыла евонаго коня перегонить“. Затычка, закутанный по уши въ большую бѣлую хустынку, наклонялъ свой длинный носъ къ физіономіи Жбана и продолжалъ доказывать, что у него „не такіи колись-то кони были“. Жбанъ горячился и размахивалъ руками, хотя нельзя было понять, лошадью „ихнею“ онъ недоволенъ, или радъ случаю къ Затычкѣ придраться. Онъ поминутно дразнилъ оппонента, скривлялъ ротъ, перекашивалъ туловище, приподнималъ сжатые кулаки, намѣреваясь постоять за себя и за свои убѣжденія если только Затычка станетъ опрыкраться. Словомъ, споръ могъ бы затянуться на долгое время, если бы въ это время не кончилась перекличка выборныхъ. Писарь махнулъ рукой въ сторону старшины, давая знать, что наступила пора перейди „къ очереднымъ дѣламъ“.

— Тиху вы тамъ, закричалъ во все горло старшина, нагибаясь всѣмъ туловищемъ къ народу, и приглашая выборныхъ всѣхъ партій бросить споры и выслушать писаря.

Писарь. Слушайте, выборные! Жалованья стоичному съ торговъ назначено 205 руб. Что вы на это скажете?

Сходъ послѣ минутной паузы заколыхался. Все разомъ закричало, загалдѣло. Приближенные писаря окружили стоечнаго и о чемъ то горячо стали спорить. Голоса „по-старому“ и „выбрать новаго“ сливались въ одинъ неопредѣленный гулъ. Партія же Зипайлы безостановочно кричала: „и гэтаго много“!...

Я ожидалъ, что стоичному не сдобровать. Лошади его слабыя, самъ онъ день и ночь пьянъ. Надбавить же сброшенное на торгахъ (160 руб.), когда другіе брались за 210 руб., представлялось совершенно невозможнымъ.

— Какъ ты думаешь, обратился я къ своему пріятелю Си-

мону (онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ партій): надбавятъ ли ему прошлогоднее?

— Вядомое дѣло, все оставятъ по-старому... Енъ ужо́ ихъ подпоіу!...

— Можетъ ли быть? Когда же онъ успѣлъ?

— Правду кажу, увѣрялъ Симонъ. И знаешь якъ? шепнулъ онъ мнѣ на ухо. Поставіу горѣлки у конюшни. Якъ тольки идетъ староста съ выборными, енъ ихъ киве́ль за вороты, да у конюшню, да горѣлки. Такъ и усякому бѣльмы заливау̀. Смотри, якъ глидять...

Я невольно сталъ всматриваться въ черныя лица. Глаза выборныхъ подернулись туманомъ, вѣки часто мигаютъ. Запахъ водки носился въ воздухѣ.

— По-старому гремѣлъ, между тѣмъ, Смаленый Кажухъ.

— По ста-а-а-ро-о-му!.. вторили ему его адепты.

— Голоса около двери и въ холодной подъ давленіемъ Кажуха и Зипайлы стали затихать, особенно послѣ того, какъ къ нимъ присоединился Жбанъ.

— Тиху вы, братцы, стишалъ волновавшихся выборныхъ красный, какъ самоваръ, старшина: тиху вы, не налегайте впередъ!.. Старосты, оттискивайте!...

Шумъ не унимался. Писарь, между тѣмъ, спокойно затягивался табачкомъ фабрики Шапшала. Онъ до схода еще зналъ, что дѣло стоечнаго кончится благополучно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ своимъ долгомъ дать свободу накричаться: пусть, дескать, подерутъ горло на здоровье! Въ то время, какъ всѣ головы волновались и выходили изъ себя, онъ продолжалъ выслушивать своихъ приближенныхъ, которые часто, изображая на своихъ лицахъ сладчайшія улыбочки, наклонялись къ его (писаря) бородѣ. Писарь или кивалъ головой въ знакъ согласія, или отстранялъ просителя рукой. Въ этомъ случаѣ онъ, соображался съ тѣмъ, какой масти была физіономія—былъ ли то козырной тузъ (Щамель, напр.) или простая „шаперка“ (Кобылья Губа).

Когда поутихла буря, старшина наклонился къ писарю,

шепнулъ ему что-то пріятное на ухо и оба разсмѣялись. Старосты скривили рты въ улыбки изъ уваженія къ начальству.

— Ну что, какъ будетъ? спросилъ, наконецъ писарь.

— По-старо-о-му!... закричали передніе ряды.

Записали въ приговоръ: „оставить стоечнаго по-старому“.

Теперь очередь за фельдшеромъ. Писарь предложилъ почтенному собранію обычный вопросъ: на какихъ условіяхъ оставить фельдшера?

Долоу, не надо намъ гэтаго фелшара! гаркнули передніе ряды изъ партіи Зипайлы.

— Богъ—докторъ, корчма—аптека, замѣтилъ съ ироніей наклоняясь ко мнѣ мой пріятель: на что имъ фельдшеръ, нихай бабы лучше лѣчать...

Изъ толпы, между тѣмъ, выдѣлился мужичекъ съ черной всклокоченной бородой и обратился къ публикѣ съ слѣдующей рѣчью: „Господа вобчество! Гэтый самый фелшаръ давау камень моей дѣвочцѣ... Якій камень? Синій камень, господа вобчество!. (шумъ). Отъ горла, знацца, давау... потеръ и давау... Ти гэта можно— а?“ „Въ обчествѣ“ не нашлось лицъ, свѣдущихъ въ вопросѣ о значеніи синяго камня, только около печи кто-то замѣтилъ: „съ гэтымъ жарты плохіи“. Тогда ораторъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ столу, но писарь и старшина сочли себя некомпетентными въ медицинѣ, а можетъ быть приняли во вниманіе, что фельдшеръ ихъ хорошій собутыльникъ, а потому вопросъ о синемъ камнѣ самъ собою уничтожался.

Такимъ образомъ, фельдшеру отъ черной бороды не угрожало большой опасности. Море головъ какъ будто успокоилось. Но вотъ выступилъ съ рѣчью Кажухъ Смаленый и началъ обличать фельдшера совсѣмъ съ другой стороны. По его словамъ, фельдшеръ только „горѣлку жарѣть“, а никому никогда „помочи не даеть“. Пріѣхалъ однажды онъ (фельдшеръ), къ его, Кажуха, брату и „начау слухать его груди, а самъ ничего не чуить, наклоницца—и завалицца... Чиста груди отдрагау своей лысой головой“...

Этотъ докладъ разсмѣшилъ членовъ всѣхъ партій. За столомъ смѣялись до упаду. Выборные, видя, что писарь никакъ не можетъ

освободиться отъ обуявшаго его смѣха, въ угоду панскому смѣху, продолжали смѣяться. Они раскачивались, утирали градомъ катившійся потъ и повторяли: „отдрагау груди“!..

— Ну что, якъ рѣшили? спросилъ старшина.

— Нихай дась расписку, что пить не будеть, послышалось нѣсколько голосовъ изъ толпы.

Учитель. Хорошо было-бы, чтобы вы всѣ дали расписку, что водки пить не будете, потому что водка васъ...

Голосъ изъ толпы (перебивая и съ азартомъ). Мы пьемъ за свои гроши!... Ты намъ грошей не давау на горѣлку!

Тережка. Мы пьемъ, да розуму не пропиваемъ!

Зипайло. Никому нѣтъ дѣла, что мы пьемъ!

Симонъ. Въ прошломъ годѣ не хотѣли фелшара—енъ былъ трезвый, таперь пьяница, и вы на пьяницу жалуетесь... Хто вамъ угодить?

Нѣкоторые прислушились къ этому замѣчанію, вспомнивъ прошлогодняго фельдшера. Опять поднялся крикъ и споръ. Однакожъ, изъ всего этого тлуму можно было заключить, что „вобчество“ согласно оставить фельдшера на должности, только не мѣшало бы съ него побольше содрать „барышоу“.

Появился самъ фельдшеръ изъ боковой комнаты и началъ говорить что-то въ свое оправданіе. Онъ поминутно перебѣгалъ отъ одного выборнаго къ другому, захаживалъ крикуновъ и старался усовѣстить „Смаленаго Кажуха“. Дѣло окончательно склонилось въ его пользу, когда писарь поправительственно замѣтилъ:

— Ну что тамъ сдикацца, посмѣялися, постыдили — и ладно!..

— А расписку дась? спросилъ кто-то изъ толпы.

Старшина. Што тамъ расписка! Енъ и такъ не будить пить!.. Много ты давау расписокъ!...

Записали: „Оставить по-старому, впредь до усмотрѣнія“.

Переходъ къ слѣдующимъ дѣламъ совершился не вдругъ. Писарь углубился въ какія-то вычисленія. Помощникъ вытаскивалъ и подавалъ ему какія-то бумаги.

Все постепенно стало стихать. Жара увеличивалась. Папки

закуривались. Писарь махнулъ рукой, старшина опять потребовалъ вниманія.

Писарь. Вы знаете, что училище сгорѣло. Учитель проситъ нанять помѣщеніе. Изъ дирекціи получена такая-же бумага, что вы на это скажете?

Учитель (выступая изъ „бакоушки“). Прошу васъ, выборные, обратить вниманіе на то, что 14 человѣкъ готовится къ выпуску. Помѣщеніе для нихъ будетъ стоить рублей 10—15, а хлѣба вы не пожалѣете...

Сходъ снова заколыхался. Все закричало, задвигалось. Громкій протестъ вырывался изъ всѣхъ партій. Бѣлая борода, бѣлый кажухъ, партія около печки, холодная и даже задніе ряды кричали въ одинъ голосъ: „не надо!“.

Писарь, скрывая въ усахъ улыбку (онъ зналъ чѣмъ дѣло кончится), предложилъ устроить перекличку.

Учитель согласился.

Начали „кидать на голосы“.

Писарь водитъ по бумагѣ карандашомъ и отмѣчаетъ подан ные голоса. Уже по интонаціи 1-хъ пяти голосовъ привычное ухо догадывалось, что вопросъ объ училищѣ спущенъ въ трубу. Само собой понятно, что утѣшительнаго нельзя было ожидать уже потому самому, что „барышоу“ за училище никто не поставитъ. А кто же согласится драть горло при такой духотѣ „на сухое“?

Перекличка, дошедшая до бѣлой бороды, дала отрицательные отвѣты, которые были мотивироваемы лаконическими вставками: „не надо, нихай погуляють“ [1]), „усе ровно не научацца“, „не нада, бо лѣта не далеко“, „безъ учення проживуть“, „и такъ хлѣба много поѣли“, „нихай учитель отдыхнеть“. Дошло дѣло до Щамеля. Его оглушительное „не надо“ заставило повернуться сходъ къ окну. Видно и всѣ противъ найма, когда бывшій попечитель сказалъ: „Безъ ученья не помруть“...

Нашелся въ заднихъ рядахъ отецъ ученика изъ III-го отдѣленія, который подалъ голосъ въ пользу найма; прокричалъ сла-

---

[1]) Т. е. пусть погуляютъ ученики.

бый голосъ въ холодной: „нихай поучацца“, да мой пріятель не пошелъ за черной сотней. Всего, какъ видите, три голоса.

— Хе-хе-хе, засмѣялся писарь, подсчитывая голоса: скупо что-то, скупо...

— Не дужа ладно, ха-ха—вторилъ ему старшина, вставая со стула и пропуская мужичка, который наклоняется и закуриваетъ папироску изъ стоящей на столѣ лампы.

Побѣда была полная. Такого пораженія „волоская сходка“ еще не видывала. Было 15 противъ 50, даже 10 противъ 40, но 3 противъ 70—еще не бывало. Учитель стоялъ, какъ облизанный. Писарь и старшина торжествовали. „Во тебѣ, говорили ихъ глаза: не ходи дужа высоко, не чуждайся нашего кумпанства... Теперь хлопай глазами!“

Писарь. Ну, какъ же быть теперь съ ученичной кухаркой, сторожемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и письменными принадлежностями?

Кажухъ Смаленый. Отказываемся!

Писарь. Какъ отказываетесь? Сбрасываете, значитъ, все долой?

Голоса. Ничего не надо! Все долбу!... И куфарку... и сто-о-рожа!...

Янка Зипайло. И писаные принадлежности—долбу!..

Голоса около окна. Долбу-у, долбу-у-у!..

Писарь (пишетъ). Слушайте теперь. „Мы, нижеподписавшіеся (слѣдуетъ перечень выборныхъ)... постановили: по бѣдности, въ наймѣ зданія для школы отказать, кухарку и сторожа разсчитать, расхода хлѣба для учениковъ не производить, а равно не выдавать денегъ на письменныя принадлежности и освѣщеніе, въ чемъ и подписуемся“...

Учитель. А гдѣ же мнѣ теперь жить?

Язэпъ. Гэтаго мы не вѣдаимъ.

Щамель. Што жъ зробить? Якъ нибудь до лѣта прокачаисся!..

Писарь. Ну, ладно, ладно. Слушайте еще дальше. Помните, вы обѣщали наградить насъ со старшиной за то, что мы взяли на себя защищать мостъ? (Шумъ около печки).

Старшина. Да, братцы, надо было бы насъ наградить!.. Мы жъ старалися (шумъ)... Старалися тое-сее, знацца... Ѣздили, знацца...

Голоса изъ партіи Шенерера (Зипайлы тожъ). Якій тамъ мостъ? (Смѣхъ).

Писарь. Какъ какой? Тотъ самый, что мы у мирового защищали!...

Кажухъ Смаленый. Гэто у пуста! Ѣхали вы на стайковыхъ коняхъ, ѣли вы хлѣбъ магазынный. Гэта у пуста!.. (Смѣхъ).

Писарь (почесывая затылокъ). Да надо было бы что-либо... Все-таки турбація! Сами знаете!... (Смѣются).

Голоса. Знаемъ, зна-а-емъ!..

Язэпъ. Богъ вѣдаить якій тамъ мостъ! Усюдахъ расходы! Не надо ничего.

Писарь скорчилъ недовольную физіономію. Онъ никакъ не ожидалъ такого отпора. Сколько времени онъ разсчитывалъ сорвать руб. 20—30 за мостъ (который едва ли когда нуждался въ его защитѣ) съ мужичковъ, но Янка все дѣло попортилъ. Янкѣ это даромъ не пройдетъ. Придетъ коза до воза.

Писарь. Ну, а какое жъ содержаніе писарю и старшинѣ?

Я ожидалъ, что послѣдуетъ особенно сильный отпоръ противъ „стараго" со стороны Шенерера и К°, а равно и отъ армяковъ, сидящихъ около печи. Однако жъ вопросъ этотъ не вызвалъ прошлогодней бури. Дѣло въ томъ, что представители волостной іерархіи рѣшили безъ торговъ отпустить барышоу (хотя объ этихъ барышахъ рѣшено было не упоминать на сходѣ).

Голоса въ срединѣ. Нихай по-старо-о-о-му!...

Кажухъ. По-старому!..

Партія Зипайлы. Надо было бы снять...

Писарь. Ну что тамъ снять?... Побойтесь Бога!.. Ладно будетъ... Спасибо, братцы... Теперь все... Можете расходиться по домамъ!...

Я удивился такому необыкновенному финалу сходки. „Неужели, думалъ я, всѣ разойдутся на сухое?"

Я обратился къ своему пріятелю.

— „Гэта яны не хочуть при паничѣ робить раскладъ,

скольки на душу да на вобчество выйдеть барышоу“—разъяснилъ онъ мнѣ.

Мужички стояли, почесываясь. Никто не думалъ уходить. Вдругъ показался писарь, несшій изъ своей комнаты списокъ выборныхъ. На этомъ-то спискѣ и было высчитано сколько вышло на душу „барышоу“. Оказалось зипайловскому обществу выпало 5 руб. 65 к., прочимъ по 4 (а обществъ всѣхъ 5).

По объясненію Симона, такіе „важные“ барыши произошли отъ того, что старшина, писарь, фельдшеръ и стоечный снесли свою лепту въ одну кучу.

„Теперь пойдеть банкетъ на цѣлую ночь“, замѣтилъ Симонъ, провожая меня на улицу. Простившись съ пріятелемъ, я пошелъ за старостами, которые направились гуськомъ къ „винополіи“.

Тутъ они накупили бутылокъ разныхъ сортовъ и наложили полныя запазухи, понатискали карманы армяковъ и штановъ и, вышедши на улицу, стали созывать свое стадо въ занятое раньше помѣщеніе. Я поплелся за толпой въ избу ближайшаго крестьянина. Оказалось, что тутъ уже все было готово къ банкету. Хозяйка поставила на столъ колбасъ и капусты. Вскорѣ гости заняли все помѣщеніе небольшой хатки. Ребята тискались къ столу. Бабы ихъ прогоняли на печь. Староста обходилъ выборныхъ, стараясь никого не пропустить. Онъ усердно увѣщевалъ „выпивать до капли“. Мужички галдѣли, разбирая событія дня и часто вспоминали писаря и его жену.

Въ облакахъ табачнаго дыма едва можно было замѣтить двухъ бабъ, державшихъ на рукахъ грудныхъ ребятокъ.

— Идите, бабки, ближи, кричалъ одинъ изъ гостей: поспытайте нашихъ барышоу... Ходи, Ходора!... Лей, староста, бабамъ!...

Староста „поднесъ“ по рюмкѣ бабамъ. Онѣ выпили и остатки вылили въ ротики своихъ малютокъ...

Я пошелъ въ другую хату. Тутъ засѣдали крикуны, занимавшіе мѣста въ волости около печки.

Выпивка продолжалась до глубокой ночи. Болѣе трезвые кое-какъ доплелись до своихъ домовъ, прочіе улеглись на лавкахъ и подъ лавками, и на утро можно было видѣть, какъ красные носы и затуманенные глаза являлись въ „винополію“ за похмѣлкой.

ВЪ ГУБЕРНЮ СЪ БУМАГОЙ.

(*Разсказъ бѣлорусса*).

Я вышау зъ машины, да по кайлидору тискауся-тискауся и вытиснуся къ тымъ, што съ бляхами на шапкахъ. Гляжу, а гэты самыи (съ бляхами) лѣзуть къ панамъ: къ гостинцу, кажуть къ гостинцу!... А паны на коневъ [1]) да по конямъ, да драла домовъ. Я ета глядѣу-глядѣу и вижу стоить посередъ городу (огорода) якъ быццамъ поумисокъ большій, али такъ миса круглая, якъ рѣшето [2]). Я подайшоу къ гэтой мисѣ. Гляжу: нѣшта жидкая. Думаю: карасина, поспытау нѣ—вода. Тады я давай мижа пановъ тискацца. Гляжу—на улицѣ кусокъ машины. Эге-ге, кусокъ мусить оторвауся отъ большій! Нѣ, вижу гэтый самый кусокъ за дротъ [3]) держицца. Я кажу: што гэта? А жидъ кажить: гэта трамбонъ. Подойшоу я упередъ—урядникъ, подойшоу назадъ—урядникъ [4]), поглядѣу у вокны—паны сидять. Тады я думаю: цай пощупаю коло боку. Я ета руку къ ему, а енъ званкомъ дзынь! И—шшш! пошоу, якъ быть его хто потягнуу... Я за имъ. Гляжу, ажъ другая машина шипить прямо на мене и урядникъ держить у рукахъ ти то кочергу, ти то шворенъ. Тады, якъ крутнѣть тый кочергой, а машина стала и стоить, а паны изъ яе якъ посыпалися, усе равно, якъ бобъ. Пошли тогды хто къ сабѣ. Тады нѣхто мяне якъ драганўу у бокъ, а я его, знацца у бокъ, а урадникъ якъ крикнуу на мяне, яжъ не спороуауся, да давай тискацца промежъ пановъ, да якъ шарахну прямо къ мосту!.. Али мостъ, паночекъ, вотъ мостъ, дыкъ мостъ! Дай Божа и по вѣкъ

---

[1]) На извозчиковъ.
[2]) Резервуаръ около вокзала.
[3]) За проволоку.
[4]) Кондукторъ на вагонѣ.

такіи мосты. Жарты высочина! Растягнууся съ горы на гору и николышицца. Ну и желѣззя жъ уперли у яго! Гэтаго желѣззя до вѣку хапила бъ не то што на наши Крамзюльки, а и всему обчеству по горла бъ хапила бъ! И не то, што хапила бъ на лемеши, а и на ножи, и на пешни, и на обручи, и на топоры. Жарты состроить такую чугунку! Тутъ не съ простыхъ хто робіу. Къ гэтой работѣ нашему Симону и не близко,—правда паночекъ?

А на водѣ чавны не то што наша икая душегубка! Тамъ чавны—во якъ отсюль до Тэ́клиной хаты—цадуши-жъ будить!

А отъ мосту видны домы-домы, да церквы́. Усё каменицы, а крыши съ бляхи. Нигдѣ не видно ни соломы, ни драницъ. Ну ладно.

— А дѣ тутъ самая бо́льшая губёрня? спросіу я у урядника, што ходіу по вулицѣ.

— Икая кажить губерня?

— А вотъ, кажу, бумага.

Енъ гэта растаре́щау вочи на бумагу. Глядѣу, глядѣу и кажить:

— Иди, кажить, на За́мокъ прямо, тамъ спросишь.

Я на Замокъ. Минную бѣлыя хоромы, минную красныя хоромы,—гляжу валить народъ! Божухна мой, во кирмашъ! Двинуцца, двинуцца. Я жъ думаю, што ета оттуль, ажъ нѣ. Тискаюцца, знацца, той туды, той оттуль. Усе боли коло стѣны держуть. На дорогу нихто, ня бось, не идеть. Больши зъ молодыхъ, со шляхтовъ. А на вочахъ у мальцовъ шкло поначепано. Кажиный моргаить на паненыкъ, а паненки чмыхають и головой кивають, а нѣкоторіи во гэдакъ одинъ за другимъ подъ руку идуть. А другіи такъ коло стѣнъ приперлися и крутють вусы—мусить кого дожидають ти што?

— Чаго яны ходять? кажу одному мальцу.

— Гуляють, кажить—не видишь ти што? Гуляють, штобы значить пообѣдать ле́пи.

И самъ курить цыгарку и смяецца.

— Во коли бы ихъ у цапы, ти за соху,—скорѣй бы яны ѣсть захотѣли, думау я. Съ цѣпомъ бы стольки не походіу, а

бабамъ бы дау грабли, ти мялицу лёнъ мять—во имъ бы обѣдать!.. не то што обѣдать, а и полуднывать захотѣу бы другій, да и усы не крутіу бы такъ—правду паночекъ?

Ну, ладно. Пошоу я, знацца, по своему дѣлу, по тый самой бумаги. Держу, знацца, докуме́нты за пазухой, а торбочка у мяне съ харчами при боку. Ажъ глядь у передъ—панъ нѣкій особный, на шапкѣ обручъ золотый, по пальту полосы золотыя, и гузики понасажены усе масянзовые, блескучіе якъ змѣиная голова. Ладно. Я ему: „здраства“, а енъ—ничего, смѣецца. И чаго енъ смѣецца другій, якъ малпа [5])?!..

Тады я по улицѣ, да на низъ, да къ церкви, гляжу у верхъ—нѣхто высоко-высоко ходить. Постоить и пойдить... Тады я кажу: чаго енъ тамъ ходить? А нѣйкій чаловѣкъ несеть кажухъ и кажеть: а табѣ якое дѣло? А самъ и пошоу съ тымъ самымъ кажухомъ. Я ета деруся все выши, выши, прямо до той каменицы, гдѣ бумаги отдають. Я за одны двери—ни туды, я за другіи—ни туды, я выши—ажъ чаловѣкъ нѣйкій высунуу во гэдакъ голову. Я ему бумагу, а енъ: секлетарь, кажить, пошбу, приходи за-послѣ-заутра, бо заутра свято. Тады я сѣвъ на лѣстницу, отломіу ковалакъ хлѣба, хотѣу закусить, ажъ тый чаловѣкъ опять вытырнууся: иди, кажить, на низъ, тутъ не можно. Ладно. Сѣу я на самомъ, знацца, низу, закусіу сухого хлѣбца, да и думаю: драбану я еще уверо́хъ. Драбанўу. Запалили хунари. Тады я на вулицу да къ вокнамъ. Ажъ на вокнахъ магазыны усякіи, матэріалъ усякій, паркаль на рубахи, чирвоный, сукно на армяки первѣйшее, ну и такъ масянзовые штрументы усякіи...

Тады я пришоу ужо туды, гдѣ двѣ луны висѣли. Гэта не то што двѣ луны настоящіи, а такъ пузыри [6]), знацца, стеклянныи али не простые, паночекъ, гдѣ жъ простые пузыри будуть горѣть?

Улѣзъ я у хоромы, ажъ и тамъ пузырь горить. Правда я и разглядѣу тый огонь: прямо носомъ коло его торчау... Тады я думаю, шарахну у тыи двери. И только я заложіу ногу у тыи

[5]) Мартышка.

[6]) Электрическая лампа у театра.

двери, ажъ нѣйкій чаловѣкъ хвать мене во за гэта мѣста: куды ты, кажить?...—„А табѣ якое дѣло?“ кажу. Якъ я тольки „якое дѣло“, а ёнъ мене тады во за гэто мѣсто да уряднику, а урядникъ свись да и сдау мене другому уряднику, а тый мене бокомъ-бокомъ да тымъ самымъ трахтомъ, да у пожарную. Ну ладно. Пришли мы у пожарную, ажъ тамъ полъ, на полу еще нѣхто сидить. И печка топицца. Тый человѣкъ картошку пякеть. Я ета сѣу къ печки, ажъ тамъ тепло, ладно. Я обогрѣуся, вынуу хлѣба, а чаловѣкъ дау мнѣ три бульбины. Я повечереу, развѣсіу лапти, помоліуся Богу и легъ спать. Ажъ рано прішоу нѣйкій начальникъ, обсмотрѣу мене, поглядѣу на бумагу... Я ему и разсказау, якъ я гдѣ быу и што видіу и якъ мене урядникъ заараштавау. Добрый такій гэтый начальникъ! Ничего не сказау, засмѣяуся и кажеть: иди домоу!... Я якъ драбануу прямо къ машинѣ, да сюды... Дыкъ што мнѣ таперь дѣлать съ тый бугой паночекъ?

ВОДКА НА „ХАУТУРАХЪ“.

Водка разливается широкимъ потокомъ по всѣмъ перепутьямъ сѣренькой жизни нашего крестьянина, она бьетъ огромной волной по его утлой лодочкѣ и какъ часто совсѣмъ потопляетъ ее! Худо мужичку освободиться отъ водки. Его жизнь находится въ заколдованномъ кругу, изъ котораго онъ выкупается, выпутывается только при помощи водки. Самаго „глупостнаго дѣла“— общественнаго ли (суды, приговоры), или домашняго (свадьба крестины, похороны)—безъ водки не устроишь. Водка впитывается съ молокомъ матери и входитъ въ организмъ не только какъ суррогатъ питанія, но и какъ нѣкотораго рода потребность духовно-нравственной жизни. Словомъ, водка отравляетъ крестьянина отъ перваго шага до послѣдняго вздоха. И какъ „споконъ вѣку увялося, такъ надо твердо держать и теперь“, говорятъ старики.

До введенія монополіи мужикъ имѣлъ возможность во всякое время отравлять себя алкоголемъ. А теперь приходится считаться съ обстоятельствами времени и мѣста и черезъ то терпѣть пертурбаціи, о которыхъ дѣды-прадѣды и во снѣ не видали...

Умеръ въ одной деревушкѣ нашей волости глухо-нѣмой старичокъ. Отъ природы обиженный судьбой-мачихой, всю жизнь чувствовавшій себя несчастнымъ, онъ, по мѣрѣ силъ, старался не быть въ тягость ни семьѣ, ни деревенцамъ, а потому работалъ за троихъ; не досыпалъ, не доѣдалъ, сносилъ и холодъ, и голодъ, не зналъ облегченія горя-горькаго, не видѣлъ ласки, не слышалъ участливаго слова. Никто не встрѣчалъ его празднымъ: онъ въ полномъ смыслѣ слова снѣдалъ хлѣбъ „въ потѣ лица своего“.

Но вотъ нынѣшнею осенью тяжелый недугъ подкосилъ старика, и вся деревня возрадовалась: будутъ, молъ, „клецки бога-

тыи“, слава Богу, его семья куда насъ „заможнѣй“, будетъ праздничекъ, будетъ выпивка и закуска! Но старику, какъ въ этой жизни не везло, такъ и при переходѣ въ вѣчность пришлось считаться съ суетою человѣческой. Сосѣди не пошли съ нимъ попрощаться, какъ прощались съ другими. За что же они на дѣда разсердились? А за то, что въ домѣ „проклятой балбатухи“ не оказалось...

Лишь только разнеслась молва, что „старикъ приказалъ долго жить“, деревенцы сначала нахлынули въ хату, „потоптались“ у порога, мимоходомъ взглянули на почернѣвшее лицо старика, который лежалъ въ красномъ углу въ бѣлой сорочкѣ, и, не замѣтивъ ни на столѣ, ни на подоконникахъ ни одной бутылки водки, поспѣшно оставили „небощика“ и пошли каждый къ своей работѣ. Кому же охота бросать свои „патеры“ въ огонь? [1]). Какая можетъ быть молитва, когда „въ горлѣ пересохло“?

Сродники умершаго, хорошо сознавая насколько обезкуражены гости такимъ невиданнымъ еще пассажемъ, приходили въ отчаяніе и стали плакать не столько о томъ, что старика отправляютъ въ вѣчное упокоеніе, сколько о томъ, что „въ винополіи“ горѣлки достать нельзя: сегодня суды (суббота), а завтра продажа начнется только послѣ обѣдни (12—1 ч. дня)... Вотъ бѣда! Кто жъ согласится ночку коротать надъ покойникомъ? Икая „гавэнда“ безъ горѣлки? И бабы и тѣ безъ горѣлки съ мертвымъ не останутся!.. Что жъ бабы не люди? И бабы не прочь для веселости выпить по рюмочкѣ! Да и какой порядокъ безъ горѣлки?

Невѣстка упала на грудь старика и старалась выразить общее настроеніе въ причитаньяхъ.

„А мой жа ты свекарка, голосила она изо всѣхъ силъ, а ты жъ у мене быу, якъ родный таточка; а ты жъ бывало и лаптики сплятешь!.. И ты жъ бывало и оборочки совьешь! А выбрау жа ты годиночку несчастливую, зробіу жа ты бесѣдочку не веселую, закрутіу ты намъ головочку!.. Чаго жъ тябе такъ людцы чураюцца, чаго жъ тябе такъ людцы отрекаюцца, за что жъ отъ тябе людцы отхинулися?.. А вотъ жа таперь порадочки и зробили яны намъ зрадочки... Кабъ ты подождáу хоть одинъ

[1]) Молиться даромъ.

дянёчикъ—былъ бы табѣ счастливый часочекъ [2])... А таперь зробіу ты намъ на горѣ грязь!... Божа мой, Божа! А якую жъ намъ таперь радо̀чку узять, съ кимъ жа намъ таперь дядульку ховать“?!...

Но сосѣди были глухи къ невѣсткиному горю. Они совершенно резонно замѣчали, что неужели „енъ цѣлый вѣкъ прожіу и чарки горѣлки не заробіу“... И якъ гэта ихнимъ дѣткамъ не соромно? Жарты ляжить дѣдъ бизъ усякаго всяго, якъ кочережка!“ Досадно сосѣдямъ! сколько времени ожидали „дѣдовыхъ клецыкъ“, столько времени эти „клецки“ служили для нихъ своего рода idee fixe!“.. Кому жъ теперь охота итти на „дѣдову бесѣду?..“ Даже Кулина Лопатливая и та находитъ, что безъ горѣлки плохо, потому что „якъ троху людцы выпьють, ну, тады и бясѣда и тое-сее, а такъ на сухое и языка не повернешь... Пришоу, а дли чаго пришоу?“

Удрученные скорбью родственники стали упрашивать Берку, чтобы онъ ихъ выручилъ изъ бѣды.

— Ослобони насъ, Берочка! Отецъ ты нашъ! Пропадомъ-пропадаемъ! Дай хоть 2 бутылочки!

Берка, у котораго, кстати сказать, всегда припасено для экстра-ординарныхъ случаевъ нѣсколько водки, пофанабэрился, поломался но все-таки сжалился надъ просителями, далъ 2 бутылки, за что и получилъ хорошій барышъ и великое спасибо. Но что значитъ 2 бутылки на всю деревню? Тутъ и ведромъ не обойтись!..

Однако, и двѣ бутылки помогли устроить „домовье“ [3]) и выкопать яму. Домовье, вѣдь, безъ водки никто дѣлать не пойдетъ, а за деньги нанять—въ обычаѣ не ведется „ховать нябощика за гроши“. „Спрадвѣку“ и старъ и младъ ховались въ домовьяхъ, сдѣланныхъ пьяными мастерами. Никто, я думаю, не помнитъ такого случая, чтобы былъ гробъ сдѣланъ безъ водки. Напротивъ, каждая обструганная доска, каждый вколоченный гвоздь сопровождается выпивкой. Каждый замѣчалъ также, что подъ конецъ работы у гробостроителей носы дѣлаются красны,

---

[2]) Было бы принесено должное количество „виноколія“.

[3]) Гробъ.

глаза влажны, а языкъ начинаетъ откалывать „кукульменты“ по адресу небощика.

Настало утро. Родственники пошли отыскивать людей выкопать яму. И яму соглашаются копать только за водку. Отправляясь на работу, сосѣди сначала изрядно выпьютъ послѣ того, какъ снимутъ съ мертваго тѣла мѣрку, а затѣмъ берутъ съ собой на кладбище бутылки 1—2. Выкопаютъ аршинъ—похмелятся, силъ наберутся, еще аршинъ—еще похмелятся и т. д. Если все дѣлается въ такомъ порядкѣ, то каждый похвалитъ хозяевъ, что „во гэта, якъ у добрыхъ людцевъ“. Тогда никто и глаза колоть не будетъ за небощика, тогда и Рыпина зарѣчанская не „облаить хоутýръ“, тогда и „косточки дѣда будутъ лежать спокойно“...

Послѣ полдня прiѣхалъ причтъ „проводъ править“. Бросились бабы къ старику, приникли головами къ его груди и опять полились сѣтованiя, что „пирушка жалобная“ не въ полномъ комплектѣ, что никто не пришелъ провѣдать дѣда и проч. Пошелъ сынъ звать сосѣдей. Откликнулись на просьбу Панкратъ и Тережка, да 2—3 бабы. Запрягли пѣгую кобылу, кое-какъ вынесли дѣдушкино домовье на телѣгу и поѣхали черезъ березникъ къ сосновому лѣску, гдѣ кладбище расположено. Какъ то будетъ поживать нашъ дѣдушка, лишившiйся „патеровъ“ своихъ сосѣдей?!

Такъ, надъ умершимъ необходима тризна со всѣми ея атрибутами, такъ сѣтуетъ мужичокъ, если гдѣ не удается проглотить рюмку водки... Такъ истощается, мельчаетъ, грубѣетъ, коснѣетъ въ невѣжествѣ наша сила деревенская, такъ не ослабѣваютъ животные инстинкты даже при видѣ смерти, при видѣ умершаго сосѣда. Нѣтъ водки—нѣтъ дружбы, нѣтъ водки—нѣтъ кумпанства, нѣтъ водки—„гавэ́нды не́ма!“... Не даромъ же водка получила названiе „шкляного бога!“

... У насъ обширное поле для дѣятельности общества трезвости: на каждомъ шагу можно видѣть безобразное потребленiе водки.

Можетъ ли быть даже рѣчь о томъ, „что мы не знаемъ, что дѣлать или что я могу сдѣлать одинъ... начну я что либо, а тѣ будутъ смѣяться...“ и т. д. Побольше всматривайтесь въ жизнь крестьянина, поменьше спите, поменьше смущайтесь, если васъ назовутъ оригиналами, выскочками, народниками, дружнѣй работайте, а не падайте духомъ, если осудитъ васъ пресловутая „Марья Алексѣвна“...

НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

„Учитель—подвижникъ, свѣча, которая горитъ, зажигаетъ свѣтъ въ другихъ и горя, сама сгораетъ“. „Церковн. Вѣдом.“ № 33, 1898 г.

I.

Въ прошломъ году отъ громового удара сгорѣло в—ское народное училище, а вмѣстѣ съ тѣмъ пострадалъ и учитель. Пожаръ для всякаго обывателя (особенно деревенскаго)—большое бѣдствіе, но что значитъ пожаръ для скромнаго бюджета учителя?

Мнѣ всегда бываетъ грустно, когда сѣренькая жизнь родной школы омрачается такого рода печальными инцидентами, и невольно является тогда желаніе поговорить о судьбѣ учителя въ бѣдныхъ деревушкахъ N—скаго уѣзда.

Въ періодической печати много писалось и пишется объ учителяхъ, и въ изображеніи условій ихъ жизни вы почти всегда замѣчали грустный сѣренькій колоритъ: учитель проходитъ предъ вами скромный, застѣнчивый, блѣдный, исхудалый, отъ перваго шага до послѣдняго вздоха ведущій борьбу изъ-за куска насущнаго хлѣба; свѣтлыя надежды юности, благородные порывы его молодой души, благодушіе, жизнерадостность—все разбито въ бурныхъ волнахъ житейскаго моря. Борьба съ невѣжествомъ, косностью, грубостью, младенствующимъ умомъ крестьянина, исхудалыя, золотушныя, блѣдныя, слабоумныя, во утробѣ матери отравленныя алкоголемъ ребятишки, которыхъ нужно выводить изъ тьмы и невѣжества ихъ отцовъ, постоянныя столкновенія съ подпольной силой волостного писаря и стоячаго болота деревенскихъ и уѣздныхъ воротилъ и крючкодѣевъ,—вотъ тѣ мотивы которыми въ частности испещренъ тернистый путь деревенскаго педагога.

Вы замѣчали также, что защитники народнаго образованія неоднократно доказывали, что пора, дескать, вспомнить объ этомъ забытомъ труженикѣ, намъ стыдно за его убогую квартиру, грошевое вознагражденіе, постоянную волокиту, а нѣкоторые настаивали даже, что нужно сдѣлать его службу государственной съ пенсіей и чинами, —нужна лучшая доля для того, кто беретъ на рамена свои благороднѣйшую и труднѣйшую работу—работу, служащую фундаментомъ всякаго народнаго преуспѣянія. Каждый безпристрастный наблюдатель, говорится далѣе въ защиту народнаго учителя, въ исторіи цивилизаціи народовъ констатируетъ тотъ неоспоримый фактъ, что „превосходство націи, по замѣчанію профессора Янжула, въ широкой сферѣ международныхъ отношеній основано на народномъ образованіи,—на томъ сказывается успѣхъ завоеваній, гдѣ школьный учитель побѣждаетъ“ [1]).

Германія, затрачивающая огромныя средства на техническія школы, промышленные музеи, на развитіе профессіональнаго образованія, мануфактурное производство, машиностроеніе, опередила на многихъ рынкахъ Францію, Бельгію, Швецію и даже Англію, но за то, по сознанію самихъ конкурентовъ изъ всѣхъ государственныхъ расходовъ ни одинъ не производится болѣе щедро, не оплачивается болѣе охотно, чѣмъ тотъ расходъ, который посвященъ дѣлу народнаго образованія. Само собою понятно, что учитель въ тамошнихъ условіяхъ жизни и представить себѣ не можетъ нашихъ сѣтованій: его внутренній человѣкъ спокоенъ за свою судьбу, за свое положеніе, за своихъ дѣтей; онъ знаетъ цѣну труда своего и стоитъ предъ лицомъ народа, какъ горящій, а не мерцающій только свѣтильникъ. И насколько его престижъ великъ, насколько онъ дорогъ сердцу народа, можно видѣть изъ того даже факта, что въ Турціи (какъ ни странно было бы брать намъ въ примѣръ эту косную націю) существуетъ народная поговорка, что „учитель—второй отецъ; отецъ низвелъ душу ребенка съ небесъ на землю, а учитель возводитъ ее отъ земли на небо“. Сопоставленіе этихъ фактовъ даетъ намъ возможность судить, насколько

---

[1]) Афоризмъ, бывшій въ большомъ ходу въ Европѣ послѣ разгрома французовъ, убѣдившихся въ превосходствѣ нѣмецкаго образованія и постаравшихся установить обязательное государственное образованіе.

обездолено наше сословіе учителей „и насколько необходимо посвящать ему болѣе дѣятельное вниманіе“ [2]).

II.

Чтобы не показаться голословнымъ, приведу вамъ небольшую страничку изъ жизни хорошо знакомаго мнѣ народнаго учителя Заморишева.

Прежде всего прошу обратить вниманіе на тѣ мытарства, которыя имѣетъ нашъ Заморишевъ по отношенію къ волостному правленію. Вы, можетъ быть, знаете, что въ нашихъ благодатныхъ палестинахъ волость безъ писаря—что близорукій безъ очковъ, сапожникъ безъ шила или, что свинья безъ пятачка на носу. „Гэта писарь дѣла знаить, а мы люди темные“, говорятъ часто наши-простачки-обыватели, при разрѣшеніи трудныхъ вопросовъ изъ житейской практики, или изъ судебной казуистики, и тѣмъ самымъ утверждаютъ за нимъ авторитетъ умнѣйшей головы въ околоткѣ. „Мозговатъ, ходокъ на всѣ руки и умѣетъ ловить рыбку“...—вотъ эпитеты, которыми „за глаза“ украшаютъ нашего Васильевича, знатока „волоскихъ дѣлъ и порядковъ“. Не отрицая въ принципѣ этихъ его достоинствъ, я съ своей стороны свидѣтельствую, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ пріятный человѣкъ: любезный, ласковый, общительный, не лишенъ нѣкоторой ловкости въ манерахъ; любитъ пошутить, посмѣяться, говоритъ загадками, закорючками, умѣетъ сказать пару тепленькихъ комплиментовъ барышнямъ, пожать руку и придать ей видъ коромысла и въ минуту особаго благодушія схватить въ объятіе собесѣдника съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ пріятельской задушевности. И, благодаря такой политикѣ, Васильевичъ потихоничку, шуточками-прибауточками успѣлъ захватить въ свои руки законное и беззаконное теченіе „волоскихъ дѣлъ“. Правда, нѣкоторые находятъ его строптивымъ въ минуту гнѣва. И дѣйствительно, Васильевичъ способенъ тогда покричать, попѣтушиться: надо, вѣдь, тряхнуть соннаго мужичка, а ежели подъ веселую руку, то и ругнуть его слѣдуетъ, и не только ругнуть, но и „въ зубы съѣздить“ не мѣ-

---

[2]) Рачинскій.

шаетъ. На какомъ основаніи? Да хоть бы на томъ простомъ основаніи, что „кулакъ—моя полиція, ударъ зубокрушительный, ударъ скуловоротъ!“

Я не буду останавливаться на тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжаетъ „начальство“. При „начальствѣ“ у Васильевича усы перестаютъ виться, опускаются долу и лицо, если можно такъ выразиться, подергивается пакостомъ. Онъ тогда совсѣмъ человѣкъ незамѣтный: стоитъ тихонько, въ струнку; смотритъ на начальство съ подобострастіемъ; доложитъ, что все обстоитъ благополучно, а въ остальномъ—моя хата съ краю, пусть старшина „отдувается“. Ну и потѣетъ же тогда старшина. На то онъ и старшина. „Ежели правду казать, енъ (писарь) мозгами крутіу, замѣчаетъ Янъ Запечный по дѣлу о 30 бочкахъ хлѣба, пропавшаго изъ магазина, а старшинѣ лбука у кáрыкъ попало. Извѣстно, темный человѣкъ: куды вядуть, туды идеть, а уваліуся—сиди покуль хтó не вытянить, а ня вытянить, такъ и пропадай на здоровье!...“

Учитель Заморишевъ пріѣхалъ на мѣсто службы въ концѣ лѣта и благодарилъ небеса за столь благодушнаго Васильевича. „Вотъ, думалъ онъ, сельскій дѣятель и опора моей ветхой школы!..“ Но... вскорѣ убѣдился, что Васильевичъ смотритъ не въ ту сторону, что онъ „не дремлющее око“, и спитъ и видитъ кто—куда летитъ, совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Подъ шуточками и комплиментами стали болѣе и болѣе замѣтны пилюльки. Поневолѣ выступить пришлось въ открытую борьбу, да борьба была слишкомъ неравная! Судите сами. У писаря пройдены огнь и мѣдныя трубы, у него долголѣтняя практика въ толкованіи законовъ, его рука навыкла писать и за, и противъ, и около, онъ знаетъ, что можно, гдѣ и кого слѣдуетъ зацѣпить, прицѣпить, вытащить, облупить, спэндить, „подвести подъ колокольню“, и все умѣетъ такъ „оптяпать“, что и тамъ, и тутъ шито-крыто, гладенько-чистенько, подъ №-ромъ записано, такъ что и комаръ носу не подточитъ, а учитель только и знаетъ свои „азы“, „склады“, да „бьетъ учениковъ линейкой“. Васильевичъ подморгнетъ, напр., Симону, Климкѣ, Цыбуку (старшиновъ племянникъ тожъ), поставитъ по рюмкѣ старостамъ, разопьетъ бутылку „винополіи“ со старшиной Емельянычемъ—и на предстоящемъ сходѣ всѣ просьбы учителя касательно ремонта

училища и прочихъ нуждъ не только будутъ отвергнуты, но даже можетъ быть поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли его (учителя) „ссадить“ и „насадить“ на его мѣсто другого?“... Вотъ и сдавайся тогда на капитуляцію, вотъ и „хлопай предъ писаремъ вочами!“

Въ началѣ учебнаго сезона столкновеніе вышло изъ-за половъ. Училищное помѣщеніе моютъ, какъ извѣстно, „общескія бабы“. На таковыхъ кондиціяхъ учитель и послалъ бумагу въ волость: не соблаговолите ли, молъ, въ оное выслать людей для мытья половъ въ четвергъ этой недѣли. Писарь прочиталъ бумагу старшинѣ и показалъ, гдѣ приложить печать: бумага, дескать, выслушена. Дѣлу дано законное теченіе. Во вторникъ былъ отданъ приказъ старостамъ собирать бабъ и представить ихъ со всѣмъ орудіемъ для вышеозначенной работы. Въ четвергъ часовъ въ 10 утра учитель замѣтилъ на крыльцѣ бабушку съ вѣникомъ въ рукахъ.

— Что скажешь, бабушка?

— А я, паночекъ, пришла полъ мыть.

— Что жъ ты одна?

— Одна, паночекъ... И чуть доскрабласяи... Ножки мои плохо идуть!... Вотъ видишь, якую старую выгнали.

Послѣ обѣда пришла „молодица“ съ ведромъ и тряпкой. Бабушка и молодица долго ожидали, скоро-ли придутъ десять другихъ бабъ и успѣли даже перессориться за пропавшаго подтелка но ни старосты, ни бабы не явились. Вечеромъ учитель приноситъ въ волостное правленіе жалобу: помилуйте, молъ, парты вынесены, а работы и не начинали!.. Писарь, улыбаясь, уклончиво отвѣтилъ, что до этого онъ „не имѣетъ никакого отношенія“, старшина свалилъ бѣду на старостъ, а старосты на бабъ, которыя, какъ извѣстно, являются началомъ всякаго рода опущеній въ родѣ человѣческомъ.

Только, спустя дня три выяснилось, что, помимо бабъ, полы остались немытыми, потому что писарь „вломался въ амбицію“. „Ишь, докладчикъ нашелся, говорилъ онъ: не можетъ попросить, какъ слѣдуетъ, только бумаги пишетъ!.. Ну и пусгь пишетъ!..“

Послѣ половъ на сцену начинаютъ выползать мелкія и самыя насущныя потребности училища, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали обостряться отношенія учителя къ волостному правленію. Училище о

трехъ ногахъ, крыша протекаетъ и вода чрезъ потолки падаетъ на головы учениковъ, полы сгнили, печи постепенно разваливаются, нужны кадки для воды, нѣтъ сарая, нѣтъ рукомойника (ученики умываютъ физіономіи по еврейскимъ обычаямъ, перекидывая кружку съ руки на руку), кромѣ того, сторожъ Пантелей (недавно выбывшій изъ р—ской тюрьмы) запиваетъ, наноситъ грубости, въ послѣднее время поколотилъ двухъ учениковъ, разбилъ кадку, котелъ и проч.

Пока солнце пригрѣваетъ, еще можно кое-какъ сносить осеннюю стужу. Ученики выйдутъ на улицу, побѣгаютъ, погрѣются на осеннемъ солнышкѣ и стараются укрыться подъ ветхую крышу училища, взлѣзутъ на печь, на палати и тамъ потираютъ красныя руки.

Но вотъ прошло недѣли двѣ-три, и холодъ не на шутку сталъ вступать въ свои права. Пошелъ снѣгъ, Ученики обули лапти съ „суконками“, одѣли батькины-маткины тулупы, армяки, а учитель закутался въ ту самую овчинную шубу (передѣланную въ 5-й разъ), которую онъ купилъ по случаю у мельника.

„Вѣдь, такъ зимы не перенесешь, думаетъ онъ, проходя около училища и посматривая на сорванную часть крыши. Когда жъ начнутъ починять крышу? Даже кадки для воды не принесутъ... Вотъ порядки!... Нужно опять сходить потолковать“...

На утро учитель пришелъ въ волость, но, къ сожалѣнію, попалъ въ тотъ моментъ, когда, по заявленію сторожа Вавилы, возвращавшагося изъ внутреннихъ покоевъ Васильевича, „панъ не тѣмъ концомъ проснулся...“ Обыватели хорошо знали, что значитъ такое пробужденіе Васильевича, и учитель невольно поникъ головой.

Въ канцеляріи, однако, былъ уже слышенъ шумъ. Собрались челобитчики. Тутъ были и два Никиты Зундюковы—вѣчные тяжебники и „жалобники“ (которые, говорятъ, по 30 разъ были у члена). Эти Никиты замѣчательны тѣмъ, что очень похожи другъ на друга и различаются, большей частью, по „пипкамъ“. Никита 1-й куритъ носогрѣйку и про него сосѣди говорятъ, что „енъ вогнище подъ носомъ раскладываеть“, а Никита 2-й никогда не разстается съ пипкой на длиннѣйшемъ „цибуку“. Оба Никиты

два раза начинали излагать свои просьбы старшинѣ, но тотъ отстранилъ ихъ, говоря, что сейчасъ „панъ“ придетъ. Да ужъ и потому не могъ обратить старшина вниманія на ихъ просьбы, что велъ въ это время споръ съ принизистымъ мужичкомъ, который дерзновенно доказывалъ, что онъ старшина, „не маить правы“. Старшина бралъ высокія ноты размахивалъ руками и, до глубины души возмущенный такой дерзостью, старался доказать, что онъ и „ня гэдакое маить право“. Но оппонентъ его стоялъ на своемъ. Тогда старшина не на шутку осерчалъ и, стуча по столу кулакомъ, произнесъ нараспѣвъ:

— Ну вотъ нихай придеть панъ, тады ты у меня узнаешь, ти маю я праву. ти нѣ... Принизистый мужичекъ не сталъ больше спорить, сознавая что при „панѣ“ ему не сдобровать.

Часовъ въ 10 вошла писариха, а за ней показался писарь, свѣженькій, причесанный, сапоги клиномъ. Челобитчики, которыхъ было человѣкъ 20, немедленно встали, вынули пипки изъ ртовъ и привѣтствовали его сладкими улыбками, а нѣкоторые удостоились рукопожатія. Затѣмъ произошелъ обмѣнъ привѣтствій со старшиной.

Пропустивъ разборъ дѣла по вопросу, „маить ли праву“ старшина, и прослушавъ длинную повѣсть о трехъ „копіяхъ во лоского суда“, которую разсказалъ Никита 1-й, учитель сталъ докладывать о своихъ нуждахъ по училищу.

— Я уже въ 5-й разъ иду съ просьбой къ вамъ, говорилъ онъ обращаясь къ старшинѣ и писарю. Я указывалъ и разъяснялъ, насколько необходимо починить крыши въ свое время... А теперь вода льется на парты... И кадки для воды нѣтъ... Соръ сыплется съ чердака...

Старшина (осторожно посматривая на писаря). Мы уже давно ищимъ майстровъ... Скоро начнуть дѣлать крышу...

— Да, вѣдь, я уже другой мѣсяцъ жду...

Писарь. Скоро будетъ сдѣлано. Сказано, значитъ будетъ. Люди совсѣмъ безъ крышъ живутъ. Вотъ вѣтеръ снесъ въ Ивановкѣ четыре крыши... А что дѣлать? (Насмѣшливо). Цѣлы будутъ мальцы и прошлый годъ живы были... Да и вода теперь уже замерзаетъ.

— А лопата?

Старшина. И лопата дѣлается.

Писариха (которая сидитъ недалеко отъ мужа, вяжетъ чулокъ и по временамъ поглядываетъ на него). Какъ это вамъ, Парфеновичъ, все скоро надо... Какой вы пруткій! Сколько учителей было и все были люди, какъ люди, а вы только пріѣхали и всего вамъ недостаетъ; и то не въ ладъ, и то не впопадъ... Я бы на вашемъ мѣстѣ...

— А что жъ мнѣ дѣлать съ окнами? переходитъ учитель къ другой нуждѣ въ школѣ. Вѣдь, въ классѣ скоро форточки вывалятся!.. А въ коридорѣ два стекла самому пришлось вставить... Вѣдь, это совсѣмъ безобразно!

Старшина. Надо будеть поглядѣть вокны... Мальцы-баловники крѣпко стеклы бьють... Гэта такое дѣло!... За мальцами надо глядѣть получше! Опять мальцы много хлѣба ядуть...

Писарь (радуясь переходу къ новой темѣ). Да, вотъ я и забылъ... Пожалуйста, почаще отпускайте учениковъ домой въ баню... Или тамъ на праздники, а то, вѣдь, безъ мѣры много хлѣба выходитъ... Такъ намъ и магазина не хватитъ.

Старшина (въ тонъ писаря). Да-а! Магазынъ ни якое штó!.. Гэта ни хáхэньки... Съ хлѣбомъ не шутки... Бывало вучитель пустить...

— Какое жъ я имѣю права ихъ отпускать? По инструкціи...

Писарь. Право? Почему жъ другіе имѣли право? Два-три дня не Богъ знаетъ что... Все равно дураками останутся. Разуму большого не нахватаютъ!... По закону? Знаемъ мы такихъ законниковъ!... Вездѣ по закону не пройдешь—дудки!.. Надо... ха-ха!.. и около немножечко!... Будешь все по закону, такъ и хвостъ прижмутъ!...

Писариха (поглаживая мужа по головѣ). Вы ужъ, Парфеновичъ, большой выдумщикъ. Скажу вамъ откровенно: еще такихъ не видала... Будто объ васъ только и забота. По праву, по закону—что это за слова такія?... Что мы не люди? Слава Богу, столько лѣтъ живемъ, и хлѣбомъ сыты, и одѣты не хуже людей... Живемъ, какъ всѣ и не стараемся ни

кого задѣвать... На что вамъ, примѣрно, заводить чтенія? Что это за чтенія, кому они нужны? Мужикамъ? Ха-ха! Будутъ васъ мужики слушать! Посмотримъ... Жили бы вы, какъ прочіи... Вонъ, какъ хорошо устроился...

— Что жъ, старшина, прерываетъ наставденія писарихи учитель: вы и крыльца починить не хотите? Вода скоро зальетъ наше училище... Нужно же позаботиться!...

Старшина (перебивая учителя). А мнѣ что? Я коли панъ писарь... Гэта такое дѣло!... Проси пана!

Писарь (съ досадой). Какая тутъ еще забота нужна? Печь починили, кладовую починили... Будто у насъ только забота, что ваше училище... У насъ дѣла много!... Писать? Пишите, не боимся! Отвѣтимъ, сумѣемъ отвѣтить!...

Писариха. Да не горячись ты Ванечка! (Къ учителю). Вотъ вы всегда разсердите Ваню... Лѣзете за пустяками, а у него опять можетъ голова разболѣться!.. Вчера гости не дали заснуть, сегодня вы пристали какъ смола!.. Школа, школа!..

Писарь (отстраняя писариху и возвышая голосъ). Въ Присутствіе?... Не боимся!... Хоть двадцаць бумагъ!.. Хоть къ губернатору!!.. (Стучитъ по столу). Зна-а-вали и не такихъ!.. Ха-ха!.. Зазулинъ сколько писалъ... И сады будетъ разводить... И заборъ нужно ему дѣлать и... и квартиру починять и баню перестилать... Этакая конверсія фанабэріи! И все попрежнему... И самого турну-ули!.. А я-я! Особа-а! И... Чорта вамъ еще!... Тьфу!

(Раздается громкое чиханье старшины. „Будь здоровъ!“ произносятъ хоромъ челобитчики).

Старшина. Динькую! (Къ учителю). Ха!.. ха!.. гэта вядомые кукульменты [3])!..

Писарь. Принципы? Знаемъ мы ваши принципы!...

Старшина (въ тонъ писаря). Вотъ якъ помню, завсягды́ прицéпы за вучилища!... Гэта ужó давно такъ вядецца!.. Али якъ сходъ зробить, такъ и вся ихная фанабэрія разлитаицца!... Ха-ха-ха!

Учитель, стараясь не задѣть амбиціи своихъ оппонентовъ, доказываетъ, разъясняетъ, но голосъ его постепенно ослабѣваетъ

[3]) Компллименты.

подъ давленіемъ грудного баритона писаря, хриплаго баса старшины и хора поддакивающихъ челобитчиковъ. Пришлось отретироваться и направиться къ порогу.

Въ классѣ учитель долгое время не могъ опомниться отъ всей этой волостной логики. Большими шагами расхаживалъ онъ по классу, безучастно скользя по лицамъ своихъ присмирѣвшихъ питомцевъ.

Ученики съ недоумѣніемъ посматриваютъ на пасмурное лицо своего учителя и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, скоро ли онъ прерветъ тяжолое молчаніе. А учитель все ходитъ и ходитъ. Вотъ онъ подошелъ къ I-му отдѣленію, взялъ съ парты чернильницу и машинально перенесъ ее въ III отдѣленіе, потомъ началъ водить по столу линейкой. Только взглянувъ случайно на повѣшанную на доскѣ карту, освободился онъ отъ своихъ тяжелыхъ думъ и сталъ диктовать III отд., прочелъ задачу—II и показалъ, что списывать изъ азбуки—I-му.

Когда кончились вечернія занятія и ученики улеглись спать. учитель долгое время ходилъ по своей комнатѣ и наконецъ рѣшилъ написать рапортъ...

„Честь имѣю донести, писалъ онъ, въ крестьянское присутствіе, что, несмотря на неоднократныя заявленія о нуждахъ школы, б—ское волостное правленіе не обращаетъ на нихъ никакого вниманія“.

Тутъ учитель призадумался: писать ли обо всемъ, или коснуться только послѣднихъ событій? И рѣшилъ продолжа въ такой формѣ:

„Въ настоящемъ году классная печь дымитъ во время топки, а въ классѣ форточку отворить нельзя (она совсѣмъ разваливается), баня 3-й годъ за ветхостью не топится, и я принужденъ отпускать по субботамъ учениковъ домой; училище отапливается сырыми дровами, но и сырыхъ дровъ въ наличности не имѣется; дымовыя трубы по мѣсяцамъ не чистятся и, на мои просьбы обратить на это обстоятельство вниманіе, старшина заявилъ, что „поэтому училище на живое живо будетъ“. Между тѣмъ, 23 сего ноября изъ трубы показался огонь, такъ что училищу, а равно и самому волостному правленію угрожалъ пожаръ. Наконецъ, про-

шу обратить вниманіе и на то, что волостное правленіе упорн отстаиваетъ такой порядокъ жизни, говоря, что „всѣ прежніе учителя ничего не подѣлали“; значитъ, и я не добьюсь ничего“ и пр.

... Училище занесло со всѣхъ сторонъ снѣгомъ. Морозъ разукрасилъ окна узорами. Свѣтъ едва-едва проникаетъ въ окна. Ученики корчатся за партами, а во время перемѣнъ выбѣгаютъ на дворъ, хлопаютъ руками, стучатъ огромными сапогами и спѣшатъ укрыться отъ зимней непогоды въ училищную кухню. Въ ночное же время морозъ громко постукиваетъ по наружнымъ стѣнамъ и пугаетъ воровъ и конокрадовъ. Подъ вечеръ на небѣ чисто, ясно, весело мерцаютъ звѣзды и съ участіемъ смотрятъ на наше обветшавшее, пошатнувшееся училище.

Въ концѣ такихъ январьскихъ морозовъ въ волостномъ правленіи былъ полученъ учителевъ рапортъ, на которомъ размашистымъ почеркомъ была положена слѣдующая резолюція: „Представить объясненіе по сему рапорту учителя“.

Бумажное дѣлопроизводство приняло въ свои объятія новаго товарища; рапортъ былъ помѣченъ „23 января“ и отнесенъ Васильевичемъ къ числу дѣлъ, „подлежащихъ исполненію“. Васильевичъ совершенно спокоенъ: лучше его никто не напишетъ объясненія „въ свое время“ („пусть полежитъ, разсуждаетъ онъ: а мы подуемъ еще“) и объясненіе это произвести можетъ обратное дѣйствіе—учителю при случаѣ за его хлопоты и дерзкія выраженія можетъ быть „утертъ носъ“... Въ этомъ вы можете удостовѣриться изъ слѣдующей бесѣды Васильевича съ г. Прохвостовымъ, его другомъ-пріятелемъ, не имѣющимъ соперниковъ по „питейной части“ во всемъ N—скомъ уѣздѣ.

— Смотри, дружище, какую учитель бумагу отсмалилъ... Сколько розуму насыпано!.. И точки, и запятыя,—цѣлое сочиненіе, говоритъ Васильевичъ, надрывая животики отъ смѣху.

— Нда... бума-ага!.. И часто онъ такъ пишетъ? а? А я бы на твоемъ мѣстѣ устроилъ, знаешь такую штуку, что... Однимъ словомъ, ты понимаешь... Во этакимъ бы взмахомъ шарахнулъ!.. говорилъ Прохвостовъ, показывая, какъ бы онъ шарахнулъ.

— Не безпокойся, маху не дамъ. Знаю чѣмъ ему носъ утереть... Видѣлъ Трофима? Ну вотъ!.. Онъ тихонько, подойдетъ

а... сторожъ вотъ этакимъ манеромъ!.. Эдакая особа! И трубы ему строй и на крыльцѣ ковры стели, въ классѣ духами поливай въ кухнѣ... ха-ха!.. запахи разводи!.. Вотъ конверсія фанабѣріи!.. Къ 20-му февраля подготовлю... И самъ поѣду и разскажу. Будетъ онъ у насъ какъ шелковый!.. Ну, будь здоровъ!

Прохвостовъ. Не, братъ, за тобой чередъ!..

Васильевичъ. Да я сейчасъ только пилъ!..

Прохвостовъ. Не на-адуешь!.. Тяни, тяни, голубчикъ!.. Ну. до дна немного... Вотъ и люблю товарища!.. Ну, теперь ходи съ трефъ!.. Я бубной забилъ твою даму и зашелъ десяткой!.. Эхъ нѣтъ подлеца Теребкина, а то сыграли бы мы въ стуколку по 15 коп. Пошли ты, голубчикъ, хоть за Лизоблюдовымъ... Пошли... Тогда засядемъ до утра... Сдеремъ съ него, съ подлеца, шкуру!..

Зима въ тотъ годъ была суровая. Досталось и малымъ, и старымъ, досталось и бѣдной скотинкѣ... Миновалась и масленая. Прошло самое тяжелое время. Много бѣдъ перенесло за эту зиму и наше училище. Сколько пришлось бороться съ чесоткой, кашлемъ, оспой, скарлатиной! Двухъ учениковъ передъ Срѣтеніемъ отнесли на сосѣднее кладбище... Четверо отъ оспы не поправились. И самъ учитель замѣтно похудалъ, осунулся, и одежда лежитъ на немъ, какъ на покойникѣ...

А что касается вышепоименованныхъ: форточки, крыльца, печей, трубъ, половъ и даже испорченныхъ часовъ и пьянаго сторожа Пантелея, то всѣ эти недочеты въ комфортѣ училищной обстановки не производятъ уже такого удручающаго впечатлѣнія, какъ прежде. Ко всему привыкли, со всѣмъ сроднились. Нужно узнать, сколько времени—идемъ для справки въ „монополію“, нужно испечь хлѣба—идемъ одолжать лопаты къ Панасу, топимъ печь въ классѣ—убѣгаемъ отъ дыма въ спальню, заѣдаютъ до полусмерти клопы на нарахъ—переходимъ спать въ классъ, нашло цѣлое море воды на крылцо—положимъ дощечку—и по одному, балансируя руками, переходимъ потихоньку; нельзя отворить форточку въ классѣ—отворимъ дверь, а сами въ кухню, поломались парты (одна парта совсѣмъ упала во время урока)—у насъ естъ Данилка 3 отдѣл., который вмѣстѣ съ Поликарпомъ 2 отд. придѣлали къ нижнимъ устоямъ финтиклюшки, и парты,

дастъ Богъ, выдержатъ до весны. А что касается трубъ, то сажа въ нихъ во 2-й разъ начисто повыгорѣла, и мы спокойно сидимъ въ своихъ аппартаментахъ, какъ мужичокъ у Хаима за пазухой. Такъ и живемъ изъ кулька въ рогожку, порой съ водой, а день съ квасомъ, живемъ и весны ожидаемъ. Придетъ весна, будетъ тепленько, тогда мы согрѣемся и вотъ какъ заживемъ, запоемъ соловьями!

Жизнь наша на 4-й недѣлѣ Великаго поста оразнообразилась небольшимъ инцидентомъ. Старшина, послѣ именинъ Васильевича, въ хмельномъ видѣ заглянулъ въ училищную кухню и нашелъ, что ученики, помимо того, что много хлѣба ѣдятъ, „безъ уваги“ бьютъ посуду, разливаютъ воду и на „вучéння“ плохи. „Жарты распустилися, кричалъ онъ, переходя отъ ученья къ училищной дисциплинѣ: чего разбѣгалися?!.. Пошли въ классъ, поросяты!.. Я ва-амъ! А еще кажуть: тóе надо вучилищу, тое починяй, а гýта расчиняй, а поумиска и нѣтъ!.. Я бъ васъ и съ вашимъ наставникомъ!.. Што гэта за вученики?.. Гэта не вученики, коли поумиски бьють!“

— Что ты такъ раскричался, Емельяновичъ? спросилъ старшину неожиданно вошедшій въ кухню учитель.

— Да я про тое, что поумисокъ побили, оправдывался нѣсколько сконфуженный Емельяновичъ, снимая шапку и отступая къ порогу. Жарты вученики поумиски—ляпъ да ляпъ!.. Ти гэта порядки?!

— А сколько стоитъ полмисокъ?

— Сколько стоить?.. Да хоть бы и 3 копéуки, и гэтаго нихто дармá не даеть, усе на волоскій счетъ, а волоская ни якое штó!.. Поумисокъ ни хáхэньки!..

— Ну, вотъ видишь, накричалъ ты не на 3 коп., а какъ начнешь тебѣ говорить насчетъ училища, то и слушать не хочешь... Вотъ посмотри, какъ печи дымятъ...

— Што мнѣ глядѣть! Нихай писарь глядить!.. Енъ нанимау, енъ и досматривау, категорично заявилъ Емельяновичъ, поспѣшно отступая къ порогу и одѣвая шапку. Ти мнѣ твоя одна печка у голови!.. У мене цѣлая волоская на рукахъ.

И Емельяновичъ моментально исчезъ, хлопнувъ дверьми.

Долженъ вамъ замѣтить при этомъ, что Емельяновичъ не сочувствуетъ ученью ужъ по тому самому, что и „ученый и неученый гусей пасеть“, а кромѣ того учитель совсѣмъ человѣкъ „не компанейскій“. Съ нимъ „кумпанства“ не поведешь: онъ только и знаетъ одну пѣсню: водка—вредъ, отъ водки все зло.

„А посмотрите, часто говоритъ онъ, сравнивая учителя съ писаремъ, „панъ“ нашъ и настояща настибаицца и водой другій разъ отливають, а рбзуму николи не пропьеть, да и храбрость не теряить!.. Кажись быццамъ и ничѐго не помнить, плетѣть онъ дубовѣття [4]), а тымъ часомъ у „головѣ толкъ держить!.. О-о-о его башка!!“...

Не могу также пройти молчаніемъ одного случая изъ спальной жизни учениковъ. Въ кухнѣ (на 6-й недѣлѣ до Пасхи) нары провалились, т. е. „не сквозь землю провалились“, а обвалились съ полуторасаженной высоты и ученики упали ребрами на кровать пьянаго Пантелея—сторожа. Сторожъ, видѣвшій въ это время во снѣ (какое странное совпаденіе!), что крыша падаетъ съ училища и онъ старается подпереть ее коломъ, закричалъ благимъ матомъ: „Подпирайте, братцы!“ Проснулся учитель и, зная, насколько, печь обветшала и наклонилась, рѣшилъ, что это пришелъ часъ ея разрушенію. Однако, представлялось страннымъ, почему сторожъ приказываетъ „подбирать“ кирпичъ. Когда онъ вошелъ въ кухню то въ темнотѣ увидѣлъ огромную кучу досокъ, сѣнниковъ, разбросанную одежду, барахтавшихся учениковъ и кричавшаго сторожа Пантелея...

Эксперты, выяснившіе причину паденія наръ, пришли къ заключенію, что мальцы во время сна „киваюцца“ отъ укушеній клоповъ“... И потому дескать нары „раскивалися“... А что мальцы троху побилися, то „гэта загоицца“. Пантелею же „соромно даже и жаловаться“: другіе и „безъ носу живуть и ничѐго!...“

Другое, не менѣе важное событіе у насъ случилось незадолго до пасхальныхъ роспусковъ. Жалованья, какъ вы знаете, учитель получаетъ $12^1/_2$ руб. въ мѣсяцъ. Не удивительно, что за съѣстные продукты, чай, сахаръ и прочія удовольствія жизни пришлось задолжать Беркѣ Ограбалову (кого только не возьметъ

---

[4]) Говорить безсмыслицу.

въ свои руки нашъ Берка!) А когда накопилось денегъ за два мѣсяца, учитель отправился въ волостное правленіе, взялъ довѣренность на получку жалованья и сталъ просить лошадь для поѣздки въ городъ. Писарь, хоть и „тѣмъ концомъ проснулся“ и былъ довольно любезнъ, однакожъ замѣтилъ, что едва-ли можно будетъ дать лошадь и на всякій случай совѣтывалъ переговорить со стоечнымъ.

— Мнѣ, Левонъ, запряги хоть рыжую кобылку... Какъ нибудь доберемся... Обождать?.. Да деньги жъ нужны, умолялъ учитель стоечнаго.

Стоечный. Ну, я не знаю, якъ писарь...

Опять пришли къ писарю.

Писарь. Правда лошади загоняны... А мнѣ въ городъ на 24 нужна пара лошадей. Ты, Левонъ, рыжаго и буланаго—никуда! Ты, вѣдь, знаешь меня!.. Ну, то-то!.. И кобылку для всякаго случая береги... Непремѣнно нужно? Ну, что жъ мы сдѣлаемъ... Вотъ развѣ послѣ воскресенья: поѣдетъ староста подъ арестъ... Ну тогда какъ-нибудь можно будетъ забраться... Хоть и на лавочки... Можно будетъ повозку съ лавочкой запречь.

— Да, вѣдь, я на прошлой недѣлѣ ожидалъ, а старшина и не поѣхалъ...

Писарь. Не поѣхалъ, значитъ нельзя было. Не все вѣдь въ строку. Староста теперь не обманетъ: долженъ же онъ быть подъ арестомъ...

Учитель начинаетъ просить старшину, чтобы онъ собственной властью распорядился насчетъ лошади.

— А по мнѣ што, флегматично отозвался старшина... Я коли панъ писарь. Гэта ни мои кони, ни мои повозки, и не мое дѣло. Вотъ табѣ мой сказъ. Коли можно—я ничего не маю, а коли нельзя,—дыкъ толкуй съ писаремъ. У него и книги, и усе, а я штó, напримѣра могу? Мое дѣло сторона...

Пришлось уйти домой, не солоно хлѣбавши.

Засыпалъ учитель послѣдній чай и порѣшилъ нанять Бызылеваго одра. Бызылевъ одеръ ѣстъ „рѣзь“ съ мякиной, имѣетъ копыта, свернутыя въ сторону, и ходитъ спокойнымъ шагомъ, но зато его хозяинъ человѣкъ покладливый: отъ Берки беретъ до

города 2 руб., а съ учителя—3 руб. За таковую цѣну послѣ продолжительнаго торга, и былъ нанятъ Базыль.

До города лежитъ прямая дорога, обсаженная засохшими прутиками, только около лѣсу нужно подняться на гору, а съ горы къ озеру, а тамъ маленькимъ перелѣскомъ до корчмы Теребейницы, тутъ и городъ, какъ рукой подать. Часовъ въ 10 вечера Базылева со скрипомъ телѣга подкатила къ Шмеркѣ (въ городѣ всѣ заѣзжіе дома у евреевъ) и начали разгружаться. На утро учитель явился въ казначейство, развернулъ вышеописанную шубу, вынулъ довѣренность отъ волости и получивъ денегъ за 2 мѣсяца, пошелъ въ мелочную лавку Обмѣрилова и купилъ 10 ф. сахару, 1/2 ф. чаю, 5 ф. гречневой крупы, коленкору 6 арш., лавроваго листу на 3 к., 1 ф. сельдей, десятокъ спичекъ, ваксы на 5 к. и пару подметокъ для старыхъ сапогъ, торговалъ лѣтнее пальто на сѣрой подкладкѣ, но въ цѣнѣ не сошелся. Послѣ всѣхъ покупокъ учитель отсчиталъ Базылю 3 руб., взялъ отъ него расписку въ полученіи денегъ и написалъ новый рапортъ въ присутствіе.

„Препровождая при семъ расписку Базыля N, говорилось въ рапотрѣ, имѣю честь довести до свѣдѣнія присутствія, что б—ское волостное правленіе отказалось дать мнѣ лошадь, въ 1-й разъ мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „скоро старшина поѣдетъ“, а во 2-й разъ писарь заявилъ, что ему нужно ѣхать на парѣ въ городъ и что посему можно обождать до отъѣзда старосты подъ арестъ, а посему прошу взыскать въ мою пользу со стоечнаго 3 руб.

Вслѣдствіе сего рапорта была получена бумага: „представить объясненіе“...

... Между тѣмъ повѣяло весной. Въ окна почернѣвшаго класса стала врываться струя теплаго воздуха. Всюду разлилось благоуханіе наступающаго возрожденія природы.

Лица повеселѣли. Запѣли жаворонки, разлились рѣки. Пошли въ лѣсъ. Сколько приволья, сколько жизни! И не такъ кажется жестокими всѣ недочеты школьной жизни: ожившій міръ Божій кого не утѣшитъ?!

А тамъ начали подготовляться къ экзаменамъ. За хлопота-

ии про рапорты и объясненія и забыли. Писалъ-ли писарь объясненія—покрыто мракомъ неизвѣстности... Нѣкоторые же изъ сосѣдей увѣряютъ, что объясненіе дано настолько удовлетворительное, что о возраженіяхъ и рѣчи не могло быть... И вышепоименованные три рубля „за недоказанностью не подлежатъ взысканію" (такъ написано было на объясненіи Васильевича).

III.

Эта страничка изъ жизни Заморишина да послужитъ оправданіемъ его бѣгства изъ училища. И какъ не бѣжать? Впереди—гладь, хоть шаромъ покати, позади—лучшія силы, сданныя въ архивъ вѣчности, а въ настоящемъ—дѣти, возросшія внѣ сферы сельско-хозяйственнаго труда, не имѣвшія возможности получить образованія, обреченныя на участь бездомныхъ пролетаріевъ. Итакъ скорѣй хоть въ монополію, хоть въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей, лишь бы не терпѣть такой нужды, такого приниженнаго состоянія, хоть бы къ концу жизни не ѣсть столь горькій кусокъ хлѣба, не шататься съ сумой по міру.

Оставляя свой школьный modus vivendi, учитель съ болью на сердцѣ смотритъ на своихъ бѣлокурыхъ питомцевъ,—этихъ маленькихъ, захудалыхъ мужичковъ. Мальчики опустили головы и не хотятъ вѣрить, что послѣдній разъ говорятъ съ своимъ учителемъ. Свѣтъ науки сталъ проникать понемножку и въ курныя хатки ихъ отцовъ-дикарей. Пришли „батьки" и „матки" въ училище, стоятъ въ коридорѣ, почесываютъ головы.

— Какъ же, говорятъ Парфеновичъ, ты мальцóвъ нашихъ покидаешь?

— Пріѣдетъ къ вамъ другой...

— Да намъ другой на чтó?.. Мальцы какъ же безъ тебя то будуть?! Ты ужó не покидай насъ... Мы пакéлева табѣ не оприкрилися!.. Мало ли што писарь?... А старшину мы змѣстимъ!.. Не будеть тады и писарево пузо раздувацца!..

Посмотрѣлъ учитель на эту сѣренькую толпу, на своихъ бѣлокурыхъ питомцевъ и пуще стало жаль ему покидать свою завѣтную мечту—вывести дѣтей изъ мрака невѣжества. Но не приходится видѣть, когда будетъ онъ хоть сколько-нибуть стоять „на

вѣрномъ пути и видѣть ведренный день впереди"... Надо уѣзжать: голодъ не тетка!..

Уѣхалъ учитель, и стало меньше однимъ лучшимъ опытомъ, лучшей силой въ движеніи народнаго образованія. Что было пріобрѣтено путемъ столь продолжительнаго опыта приходится оставлять въ памяти въ качествѣ малоприложимаго въ жизни хлама. Бѣжавшаго учителя вы можете видѣть въ поискахъ за работой въ канцеляріяхъ губернскихъ и уѣздныхъ или ищущимъ счастія въ акцизномъ вѣдомствѣ.

Взамѣнъ бѣжавшихъ, кадры учителей пополняются новымъ, свѣжимъ безусымъ элементомъ—веселымъ, бодрымъ, который, пройдя горнило мытарствъ учительскихъ, начнетъ искать счастія въ другой сферѣ дѣятельности, или обратится въ пролетарія бездомнаго, подобнаго тому, который приходилъ ко мнѣ на-дняхъ.

Вошелъ въ кухню сѣденькій старичокъ въ полинялой шинели, подранной шапкѣ, въ калошахъ, съ небольшимъ сверткомъ въ рукахъ.

— Я, говоритъ, какъ бы въ оправданіе своего жалкаго вида,—бывшій учитель N. Да вотъ теперь, какъ видите.

— А гдѣ жъ вы живете?

— Гдѣ живу? спросилъ онъ иронически улыбаясь. Знаете, сказалъ Некрасовъ: „а мудраго владѣнія—весь вертоградъ Христовъ!..“ Я жилъ недалеко отъ города, въ земляночкѣ... Жена? И жена и дѣти были... Ну-съ. Въ земляночкѣ было очень сыро, подтекло воды... Стѣны побѣлили. Жена зарабатывала шитьемъ... Дѣти заболѣли и померли, а затѣмъ и жена Богу душу отдала... Землянка моя обрушилась, и какъ видите... 20 лѣтъ былъ учителемъ! А что дѣлать? Надо вѣкъ коротать. Бился изъ силъ, а теперь слабъ. Дѣло мое старое, да и здоровье плохо. Гдѣ покормятъ, гдѣ позволятъ одохнуть и за то спасибо!..

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПОЖАРЪ.

7-го декабря, въ 6 часовъ вечера, во время классныхъ занятій, загорѣлось о—ское народное училище. Огонь показался на крышѣ около трубы и, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, чрезвычайно быстро распространился по всей ветхой части зданія. Поднялось огромное зарево. Искры, пуки соломы, головни съ трескомъ и шумомъ летѣли далеко по полю.

Вбѣжавшій въ классъ ученикъ, гдѣ шли въ то время вечернія занятія, закричалъ во весь голосъ: „Ай, горимъ, братцы!“ И этотъ возгласъ произвелъ большую панику, особенно среди учениковъ 1-го и 2-го отдѣленій. Всѣ бросились въ спальню, въ надеждѣ спасти что-либо изъ своего имущества, которое было спрятано въ деревянныхъ сундучкахъ и частію развѣшено на нарахъ, вѣшалкѣ, гвоздикахъ. Толкотня, шумъ, крикъ. Установить порядокъ было невозможно. Многіе были увѣрены, что сейчасъ полетитъ потолокъ, и изъ всѣхъ силъ рвались къ выходу, а выходъ въ училище всего одинъ, вслѣдствіе чего у порога и во всемъ коридорѣ произошла давка. Слышался неистовый ребячій плачъ. Болѣе слабѣйшіе попадали въ обморокѣ. Ихъ пришлось выносить въ безсознательномъ состояніи во дворъ.

Между тѣмъ зарево все больше и больше увеличивалось Вѣтеръ ни на минутку не унимался. Поле было освѣщено на большое пространство. Отъ лѣсу бѣжало къ пожару нѣсколько мужчинъ. То были родители и родственники учениковъ. Толпа возрастала. Никто не зналъ, однако, что дѣлать, за что взяться. Одни начали бросать снѣгъ, другіе силились сломать заборъ третьи безъ толку бѣгали, хватались за дрова, суетились, кричали. Въ воздухѣ повисли ругательства. Кого-то звали, кому-то приказывали звонить „у звонъ“... Огромныя движущіяся тѣни протянулись вокругъ всего горящаго зданія. Парни и подростки

безпечно любовались, какъ погуливало пламя по соломенной крышѣ. Пресловутое „знатно горить!“ невольно читалось на ихъ равнодушныхъ лицахъ.

Прибѣжалъ сотскій и сталъ подгонять толпу къ пожарищу. На мѣсто пожара прилетѣлъ и самъ старшина. Онъ оралъ, что называется, во всю глотку. „Эй что тутъ?... Отчего горить—а?! кричалъ онъ, размахивая руками. Кто горить—а? Почему нѣтъ воды? Старосты! гдѣ вы запропастились?!.. Эй, воды-ы-ы!... Мальцы, подходи бли-и-же! Ближе-е, мошенники!!“...

Народъ засуетился. Къ огню подбѣгали, закрывали лицо, фыркали, плевали, и тотчасъ отбѣгали въ сторону. Бѣлые кажухи, сѣрые армяки, шапки-аблаухи поминутно смѣняли другъ друга. Все кричало, „метусилось“... Только бабы „прихинулись“ къ углу сарая и представляли собою пугливое стадо овечекъ.

Ученики снесли свои „пожитки“ къ дорогѣ, и, когда подошелъ къ нимъ учитель, подняли страшный ревъ. Маленькія головки закутывались въ платки, армяки, полотенца (ихъ шапки погорѣли). Нѣкоторые стояли босые въ снѣгу.

— Господинъ учитель! слышались сквозь слезы ихъ пискливые голоса: наши шапки сгорѣли!...

— Мои лапти осталися!...

— Сундучокъ мой около окна стоить!..

— Божа мой, Во-ожа! Наши армяки на шестѣ, причитывали нѣкоторые, лишившіеся послѣдней верхней одежды...

Учитель подбѣгалъ къ разнымъ мѣстамъ пожарищу. Народъ попрежнему суетился безъ толку. Невольно являлся вопросъ: какъ тушить и чѣмъ тушить?

Во 1-хъ, во всемъ нашемъ мѣстечкѣ, несмотря на то, что „давнымъ-давно“ даны строжайшіе приказы запастись баграми, бочками, ведрами, топорами, несмотря на то, что красный пѣтухъ чуть-ли не каждый годъ погуливаетъ по соломеннымъ „будынкамъ“ обывателей, никому и въ голову не приходитъ вводить себя въ столь „непроизводительный расходъ“, тѣмъ болѣе, что при такомъ расходѣ никто „барышовъ“ не поставитъ (а безъ барышовъ у насъ невозможно что-либо общественное сдѣлать)...

Во 2-хъ, наши обыватели настолько равнодушны къ чужо-

му горю, настолько неподвижны, тяжелы на подъемъ, настолько безпечны, что когда горѣло училище, нѣкоторыя семьи, живущія всего лишь въ 10—20 шагахъ отъ училища, продолжали спокойно „вечерать!"... Староста нѣсколько разъ подбѣгалъ и изъ всѣхъ силъ стучалъ въ окна: „идите пожаръ тушить! Штó вы сидите, халеріі!"—А вотъ сичасъ повечераимъ, спокойно отвѣчаетъ хозяинъ. И никто съ мѣста не всталъ, пока не съѣли юшку, клецки, бульбу...

Въ 3-хъ, во всей безтолковой бѣготнѣ, бывшей около пожара, отсутствовало все, что даетъ понятіе о дисциплинѣ. Безпорядокъ, прежде всего увеличивался отъ того, что сельскія власти были, по обыкновенію, выпивши. Самъ старшина прибѣжалъ изъ ближайшаго постоялаго двора и былъ, какъ говорится, на второмъ взводѣ. Гдѣ растаскивали бревна, тамъ онъ говорилъ: „не трожь!", кто бросалъ снѣгъ, того онъ хваталъ за шиворотъ, говоря, что отъ „гэтаго еще хужи горить, что гэта работа у пуста". Онъ безъ причины ругалъ старостъ, сотскаго, подлеталъ съ кулаками къ сѣрому армяку, толкалъ въ шею рыжую бороду и даже вступили въ пререканія съ Смаленымъ Кожухомъ.

— Я васъ, кричалъ онъ: гдѣ ваша вода—а?... Што не заливаете? Подходи сюды! А? Штó... Бей съ боку! Во-во!... Тяни!... Тапера бревно!..."

Всѣ принялись тянуть бревно отъ забора.

— Стой, не кидай дрова, кричалъ старшина въ другомъ мѣстѣ: не тронь, а то искры хуже полетять... Старосты! Гдѣ багры—а? Гдѣ кони, гдѣ сани?"

Но ни багровъ, ни топоровъ, ни саней, ни коней, ни сточнаго.... Отыскали какой-то старый багоръ, который при первыхъ движеніяхъ вольнопожарнаго Терешки слетѣлъ съ шеста и сдѣлался жертвой пламени.

— Вы что стоите, опять горячился старшина, отъ нечего дѣлать перебѣгая къ толпѣ бабъ: вы чего стоите—а?

— А што намъ робить? говоритъ храбрѣйшая изъ молодицъ

— Что робить? тушите!... грязь кидай... Во-во! Выши-и!

— Марка, Матвѣй! Что ты оглохъ? Ты чего—а? Что стоишь? Разъ-два! Во табѣ... лѣзь ближи, не бось огня... что сто-

ишь коло бабъ?... Старосты! тащи его... Стоечный! запрягай коней! Гдѣ кони—а?... Мошенники!... Пьяницы! Зубоскалы! гремѣлъ старшина, перебѣгая къ волостнымъ сараямъ.

Съ другой стороны горящаго зданія командовалъ десятскій. Онъ приставалъ къ двумъ маленькимъ мужичкамъ съ вопросомъ, почему они не несутъ воды изъ колодца?

— Коли-бъ усякій по ведру принесъ, урезонивалъ онъ ихъ, то ужо затушили-бъ. Што гэта колодецъ далеко—а?

— Всѣ не несуть и мы не понесемъ, что мы хуже другихъ, ти штó?... Што намъ пришлося на старости лѣтъ, возражали маленькіе мужички направляясь къ дорогѣ.

И они хотѣли „улизнуть". Десятскій хватаетъ одного изъ нихъ за полу и тянетъ къ огню... Не вдалекѣ бѣлый кажухъ подскакиваетъ съ угрозами къ сотскому. Сотскій защищается палкой и зоветъ на помощь Сидора и Янку...

На дорогѣ показалось нѣсколько евреевъ. Они громко кричали: „уфъ право ломай—уфъ право!..." Сѣрый армякъ въ шапкѣ-аблоухѣ отгоняетъ евреевъ, говоря, что „мордва у пусто галдить". Евреи стягиваютъ, однако, бревно съ забора. Два парня имъ помогаютъ. А вотъ бѣжитъ какой-то мужичокъ съ козлиной бородой въ поддевкѣ и калошахъ. Онъ энергично подскакиваетъ къ старшинѣ съ кулаками.

— Ты что за старшина—а? гдѣ твои порядки? Гдѣ багры, гдѣ вода? пьяница ты, лодарь!...

Мужичокъ, очевидно, дѣлалъ вызовъ старшинѣ (пользуясь стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ), чтобы съѣздить ему въ зубы.

Старшина смолчалъ: здѣсь страшно было показывать свою власть. Онъ завернулъ къ плетню и далъ стречка.

Около сарая стоитъ толпа сивобородыхъ мужичковъ, подпершихся длинными палками. Слышатся ихъ обличительныя рѣчи по адресу старшины и писаря. Они критикуютъ ихъ пожарные порядки и глубокомысленно покачиваютъ головами.

— Ти гэта порядки, говорили въ толпѣ: ни багровъ, ни топоровъ, хватай руками...

— Вонъ кричить, показывалъ одинъ изъ мужичковъ на старшину. Горло дереть, пьяница! тьфу! Распоряжаецца! А чтобъ

трубы коли поглядѣть, ти печи починить, такъ неколи... Лодыри гэты!.. Глядите, братцы, чуть на ногахъ держицца! Ага-га, та-акъ! —Вотъ и крыжемъ растянууся! [1]), только съ подрядчикомъ да писаремъ пьеть цѣлыя ночи! Бѣльмы заливають, халеріи!.. Гляди, вона и писарь... разгодовавъ свое пузо!...

... Съ трудомъ удалось вытащить изъ класса два шкафа Обвалилось крыльцо. Послышался трескъ, зазвенѣло гдѣ-то разбитое окно. Потащили нѣсколько партъ черезъ окна.

Учитель въ пятый разъ старается проникнуть въ свою школу, объятую пламенемъ. Со всѣхъ сторонъ кричатъ ученики: „Господинъ учитель! Не идите!... Ай сгорите!... Ай! потолокъ валится!... А Божа мой, Бо-ожа"!...

Учитель, однако, благополучно выскочилъ, неся цѣлую охапку растрепанныхъ старыхъ книгъ изъ ученической библіотеки и нѣсколько географическихъ картъ.

Огонь быстро сталъ распространяться по стѣнамъ.

Вотъ рухнулъ потолокъ въ классѣ. Загорѣлись на стѣнахъ карты, горитъ около печи классная доска. Разбили окно въ кухнѣ и вынесли нѣсколько шапокъ, сундучковъ, утеральниковъ, повыбрасывали кадки, котлы, двери.

Сердце сжималось при видѣ полнѣйшей безпомощности въ борьбѣ съ огненной стихіей... Все пропало!

Вонъ прижалась къ углу волостного правленія другая группа учениковъ. Панасъ весь посинѣлъ. Ефимъ навзрыдъ плачетъ. Павлуша старается укутать голову утеральникомъ. Иванъ стоитъ босой, безъ шапки.

— Иди къ намъ, Иванъ, кричатъ большіе Ивану... Иди, мы тебя закроемъ...

Подошелъ мужичокъ съ ноготокъ и его закрыли полами своихъ армяковъ товарищи.

— Идите куда-либо грѣться, сказалъ пробѣгавшій мимо учитель. Что вы тутъ стоите?... Веди ихъ, Василій!... Идите къ старостѣ...

---

[1]) Упалъ на землю.

— Мы не смерзли, пропищало нѣсколько голосковъ... Намъ тепло!...

... Учитель подошелъ къ своей горѣвшей комнаткѣ. Здѣсь нѣсколько человѣкъ бросало грязь и снѣгъ. Старшины уже нигдѣ не видно было. Староста Вавила, замѣнившій его, кричалъ хриплымъ голосомъ. Подростки—„мальцы“ боролись на дворѣ... Рухнулъ потолокъ въ кухнѣ и спальнѣ... Вотъ протянулись длинныя полосы огня по стѣнамъ учительской комнатки... Вотъ загорѣлись картины, карты, вспыхнула въ углу икона, загорѣлся столъ... „Сколько времени, тяжелаго времени, проведено въ этой комнаткѣ, думалъ учитель: чего-чего не передумалось въ тяжелой долѣ учительства—и вотъ огонь поѣдаетъ это маленькое приста нище. Что теперь дѣлать? Куда склонить голову?“

... Привезли, наконецъ, воды и начали лить на стѣны... Но все было безполезно: вѣтеръ дулъ съ той же силой... Сгорѣли стѣны, и шумъ уменьшился... Народъ разбѣгался, несмотря на отчаянные крики писаря и сотскаго.

— Гдѣ старшина, кричалъ писарь... Староста! зови народъ, что стоишь?...

Опасность еще не миновала (въ 3-хъ шагахъ стоитъ волостное правленіе).

Множество головней курилось по полю, а въ серединѣ блестѣлъ цѣлый костеръ... Потемнѣло. Обыватели не могли больше держаться на ногахъ, тѣмъ болѣе, что никто „барышоу“ не ставилъ... Самъ старшина послѣ получасовой бѣготни ослабѣлъ: ноги его подкосились, съ нимъ сдѣлался „лидаикъ“...

... На утро началось офиціальное дознаніе о причинахъ пожара...

БАРЫЛОВСКІЙ ВОЛОСТНОЙ СХОДЪ.

(Набросокъ съ натуры).

Проѣзжая около Барыловскаго волостного правленія, вы, по всей вѣроятности, замѣтили, читатель, что зданіе это мало чѣмъ отличается отъ сосѣднихъ крестьянскихъ лачужекъ, если не брать во вниманіе четырехугольной доски, на которой 20 лѣтъ тому назадъ доморощеннымъ каллиграфомъ написано: „Барыловское волостное правленіе Л—скаго уѣзда", при чемъ буква „Б" поставлена вверхъ ногами. Волостное правленіе извѣстно болѣе у насъ подъ именемъ „волоской". „Наша волоская", „наши волоскіе будынки", „волоскіе законы", „волоскіе порядки"—говорятъ наши обыватели. Въ послѣднее время „волоская" совсѣмъ обветшала: парадное крыльцо наклонилось въ сторону, окна покосились и почернѣли, ворота, на дворъ ведущія, совсѣмъ оторвались и стоятъ около изгороди, и вся фигура зданія, какъ будто хочетъ расплакаться: такая забитая, загнанная, холодная и голодная.

Если будете входить въ „волоскую" съ параднаго входа, то изъ маленькаго коридорчика дверь направо—въ квартиру писаря, а налѣво—въ сборную и канцелярію. Предупреждаю кстати: смотрите подъ ноги: ибо вотъ тутъ, около правой двери, полъаршинная яма—невзначай можете ввалиться. Говорятъ, что сторожу Вавилѣ давно приказано запломбировать эту яму глиной, но онъ сваливаетъ эту работу на „печкуря", а „печкурь" утверждаетъ, что „тольки печи долженъ чинить".

Отъ сборной канцелярія отдѣлена загородкой. Посреди канцеляріи столъ, съ котораго никогда не сходятъ входящія и исходящія, а также и другого рода дѣла и дѣлишки волостного обихода, завѣдываніе которыми возложено на писаря и его помощника.

За перегородку имѣютъ право являться только должностныя

лица—старшина, писарь, старосты, судьи, и только въ случаяхъ чрезвычайнаго скопленія обывателей, допускаются и „штатскіе". Въ такихъ случаяхъ обыватели вводятся даже въ смежную съ канцеляріею кладовую, гдѣ хранится сундукъ съ деньгами и устроенъ будуаръ вышеозначеннаго Вавилы. Въ этой же кладовой часто происходятъ тайныя совѣщанія лицъ служебной іерархіи о дѣлахъ, не подлежащихъ вѣдѣнію обыкновенныхъ смертныхъ. Съ правой стороны сборной—кутузка—„холодная", въ которой отбываютъ наказаніе „штрапованные" и по праздникамъ выпиваютъ барыши „волоскія" власти.

Сегодня въ „волоской" будетъ полный сходъ, а потому еще задолго до захода солнца „выборные" изъ дальнихъ деревень медленно двигались по направленію къ волости. Дорогой отдѣльныя группы уже вели между собою пренія по поводу предстоящихъ дебатовъ. При каждомъ возбужденномъ состояніи ораторы становились другъ противъ друга въ самыя вызывающія позы, размахивали палками, хватались за шапки, ударяли по бедрамъ. А болѣе флегматичные издавали при этомъ неопредѣленные носовые звуки, покачивали головами, доставали рога изъ-за пазухи и „заживали" табачку. У всѣхъ лица угрюмыя и сосредоточенныя. Да, есть о чемъ призадуматься! Нужно произвести „раскладъ" жалованья и составить смѣту расходовъ на содержаніе всего волостного инвентаря, нужно избрать новыхъ или утвердить старыхъ вольнонаемныхъ лицъ, служащихъ въ волости (писарь, фельдшеръ, сторожа церковный, волостной, училищный).

На сумеркахъ скрипъ и постукиваніе ногами „противъ волоской" все больше и больше стали усиливаться. Выборные одинъ за другимъ наполняютъ сборную. Бывшія прежде должностными лицами—старшинами, старостами, судьями—заняли мѣста впереди, около загородки. Эти лица хорошо понимаютъ законы, могутъ хоть кого „скинуть" и „насадить", а въ крайнемъ случаѣ, имъ не въ диковину „поднять всѣ волоскія книги, и найти гдѣ и откуль якоя куды штó", другими словами—это центръ волостного схода. Центръ производитъ диспуты, руководитъ инцидентами, устанавливаетъ достоинства и недостатки избираемыхъ лицъ, дѣлаетъ запросы и даетъ возраженія высшимъ инстанціямъ волости,

а также получаетъ и распредѣляетъ „барыши“ [1]). А что касается тѣхъ, которые помѣстились у стѣны на лавкахъ, около печки и отчасти въ „холодной“, которая никогда не затворяется, то всѣ эти выборные составляютъ, такъ сказать, крайнюю лѣвую. Это, по большей части, народъ начинающій шумъ по поводу каждаго подходящаго обстоятельства, поднимающій „гулъ“ и „гвалтъ“ и издающій протяжные звуки: о-о-о! у-у-у!

Сходъ въ сборѣ. За оградой столъ заваленъ бумагами. Писарь погруженъ въ подборъ нужныхъ статей „расклада“. Его помощникъ роется въ шкафу и подаетъ требуемыя книги и бумаги. Старшина въ возбужденномъ состояніи поглаживаетъ бороду. Онъ предчувствуетъ предстоящую борьбу съ представителями народа. А народъ выглядитъ сегодня невесело. Поднимая руки кверху старшина старается усмирить „безъ толку и безъ путя“ раскричавшихся выборныхъ. Старосты занимаютъ мѣста около стола. Физіономіи ихъ преисполнены подобострастія: они готовы итти и за и противъ, лишь бы не противорѣчить потребностямъ старшины и писаря. Послѣ каждаго старшиноваго „потиху“ старосты начинаютъ урезонивать буяновъ и даже вторгаются въ средину и учиняютъ нѣкотораго рода „взбучку“.

Началась перекличка... Послѣ Сазона Сароки и Банадыся Зуботычины получается пауза: выборный Тадоръ Крупеня сейчасъ былъ и куда пропалъ—неизвѣстно. „Вѣрно у жидоў“, замѣчаетъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.—„А гдѣ Кузуля?“—„И Кузуля тамъ... и Рипину Тумашову не ищи, паночекъ (писарь)... Ина зъ ими“.—Чтожъ они тамъ дѣлаютъ?—„Что дѣлаютъ? Вядомо што!..“ Оказалось, что эти выборные прежде всякаго „распорядку“ благодушествовали у Абрама за бутылкой водки и явились тогда, когда по дѣлу старшины кончилась подача голосовъ.

Послѣ переклички сходъ „заколыхался“ и началъ напирать на загородку. Въ сборной, съ трудомъ вмѣщавшей около 80 человѣкъ, температура все болѣе и болѣе стала нагрѣваться. Му-

---

[1]) „Барыши въ видѣ водки подносимые выборнымъ—вещь безусловно необходимая при каждомъ назначеніи или прибавкѣ жалованья. „У насъ и за 10 руб. того не сдѣлаешь, что за кварту водки“, говорятъ обыватели Барыловщины.

жички въ кажухахъ и армякахъ, закутанные платками, шарфами, съ шапками-„облаухами“ въ рукахъ, начали утирать катившійся по лицу потъ. А такъ какъ куренье табаку не воспрещается, то и въ центрѣ и на окраинахъ можно было видѣть „въ зубахъ“ выборныхъ огромныя пипки, а вотъ этотъ старичокъ, что у печки сидитъ, чуть не 10 разъ распаливаетъ „дунаевскіе корешки“ въ глиняной пипкѣ. Пипка трещитъ и хрипитъ, а не дымится. Старикъ сердится и начинаетъ прочищать и выдувать „цибукъ“. За оградой также курятъ, но тамъ табакъ курятъ болѣе высшаго сорта—„Бакунъ“, „Экстру“ II-го сорта, или даже „Шапщалъ“, при чемъ близость къ правящимъ сферамъ даетъ нѣкоторое право закуривать непосредственно изъ стоящей на столѣ лампы. Вообще табакокуреніе не имѣетъ въ волости противниковъ, хоть бы пепелъ изъ трубокъ сыпался прямо на канцелярскій столъ или даже на бороду г. старшины. И, если бы кто изъ служащихъ рѣшился возстать противъ такого обычая, то, безъ сомнѣнія, лишился бы „гарцевъ“ а можетъ быть и совсѣмъ былъ бы низведенъ въ разрядъ „не у дѣлъ“ стоящихъ. „Пипка“, говорятъ, „никого не чепаить“.

Старшина энергично требуетъ молчанія. Пипки изъ зубовъ а нѣкоторое время вынимаются. Сходъ „навострилъ уши“.

Писарь. „Ну, начнемъ судить да рядить насчетъ нынѣшней смѣты. Жалованье старшинѣ 80 руб., да 6 четвертей хлѣба. Что ы на это скажете?“

Выборные на нѣкоторое время притаили дыханіе: это затишье передъ бурей. Кто-то прокричалъ въ центрѣ: „Гарцы долбу!“ [2]) И цѣлая дюжина крѣпкихъ голосовъ изъ крайней лѣвой принатужилась и гаркнула: „Гарцы долбу!“ А въ другихъ мѣстахъ слышались: „По ста-а-а-рому!“ Получилась масса неопредѣленныхъ звуковъ. Отдѣльныхъ рѣчей не было. Звуки „о“ и „а“ были преобладающіе. Обмѣнъ мнѣній сталъ принимать болѣе опредѣленную форму, когда выборные достаточно „надсадились и надрали горло“. Мнѣнія часто сводились къ личнымъ счетамъ и обострялись на вычисленіи родственной линіи къ старшинѣ.—„А ты за яго?“ слышится, напримѣръ, голосъ около печки.—„Ты ужó ту-

---

[2]) Не нужно больше 6-ти четвертей хлѣба.

тошній!“ (волосной).—„Да и за штó тамъ гарцы скидывать?“—„Ти много тыхъ гарцевъ!“—„Наживецца и безъ гарціу!—„Годы плохіи!“—Нечего самимъ ѣсть!“—Между выборными находятся и такіе ярые защитники своихъ режимовъ, что не прочь вызвать оппонентовъ на поединокъ. Трахимъ, напр., въ рѣзкихъ выраже-женіяхъ нападаетъ на Ёску. Ёска за словомъ въ карманъ не лѣзетъ, и взаимная вражда не приводитъ къ печальнымъ результатамъ, только благодаря вмѣшательству старостъ. Бывшій старшина возвышаетъ голосъ противъ Антона Сукоѣда. Сукоѣдъ энергично отстрѣливается, но на третьей фразѣ пасуетъ. Тережка (изъ либераловъ) пытается произнести цѣлую рѣчь на тему „какъ легке коло волоской нажицца“. (Въ центрѣ знаки одобренія и ропотъ за перегородкой). Старшина призываетъ Тережку къ порядку, а одинъ изъ старостъ врывается въ толпу, толкаетъ Тережку подъ „микитки“ и тишина возстановляется.

Старшина. „Штó-жъ я, напримѣръ, такое, штó-бъ мнѣ гарцы скидывать!.. Вы жъ потолкуйте хорошенько!..“

Центръ. „Штó-жъ тамъ толковать! Гарцы долóу и шабашъ!“ И въ заднихъ рядахъ пронеслось: бу! бу-у-у!...

Жара усиливавается. Лица красныя. Табачный дымъ дѣлаетъ атмосферу невозможной для вдыханія.

Писарь. „Нужно спросить по голосамъ!“

— „На галосы, такъ на галосы!“ соглашаются выборные.

„На галосы кидать“ можно двояко: упрощеннымъ способомъ —согласнымъ остаться въ волости, а несогласнымъ вытти на дворъ, или записывать каждаго поименно—согласенъ или несогласенъ. 1-й способъ считается невыгоднымъ въ томъ отношеніи, что болѣе сильные удерживаютъ на дворѣ слабыхъ „за полы“. Рѣшено было приступить къ длинной процедурѣ поименного голосованія. Въ спискѣ двѣ категоріи—съ „гарцами“ и „гарцы долоу“.

При подачѣ голосовъ слышатся односложныя заявленія: „гарцы долоу!“ Многіе же, какъ бы въ извиненіе своей жестокосердности, прибавляютъ: „Не съ чего давать!“—„Сами мякину ядимъ“, „сами на бульби сядимъ“ или „куды міръ, туды и я!“—„Штó жъ я одинъ протіу міра!“—„Куды море, туды и береги!“...

По мѣрѣ того, какъ число противниковъ „гарцевъ“ увеличивается, старшина упадаетъ въ лицѣ. Можно ли оставаться спокойнымъ въ виду такой перспективы, какъ лишеніе 6-и четвертей хлѣба!? И онъ не можетъ удержать своего желчнаго настроенія и по временамъ восклицаетъ по адресу своего противника: Чго жъ я у тябе теленка зъѣу?“

Но вотъ перекличка кончена. Большинствомъ 78 противъ 18 старшина лишенъ „гарцевъ“. Инцидентъ исчерпанъ.

Теперь очередь за писаремъ. Дѣло для нашего джентльмена довольно щепетильное: нужно сохранить свое достоинство, поддержать свое реноме и въ то же время сказать пару теплыхъ словъ въ свою собственную защиту. По всѣмъ признакамъ сходъ и личности вершителя дѣлъ волости не уважитъ. Протесты выражаются сначала сдержанно, поодаль отъ ограды, но вскорѣ центръ начинаетъ „гудѣть“ не на шутку. Гулъ дѣлается неопредѣленнымъ. Каждый боится выдать себя „головою“.

— „Ну что-жъ, братцы, какъ же столковались?“ спрашиваваетъ писарь.

— „Гарцы долбу!“ энергично заявляетъ центръ. Изъ преній же сторонъ можно замѣтить, что, де, обидно будетъ старшинѣ, если „гарцы“ писарю останутся.

— „Скидывать, дыкъ усемъ скидывать“, заявляетъ черная борода, жестикулирующая и наклоняющаяся въ сторону главныхъ вожаковъ.

— „Усимъ гарцы долбу!“ поддерживаетъ черную бороду центръ.

Начали „кидать“ на голоса—по безопасному способу. Длинный списокъ протестантовъ заставляетъ писаря усиленно покручивать усы. Публика посмѣивается. Задніе ряды гудятъ: га-га-га! Въ результатѣ писарь, хотя тоже „не съѣлъ теленка“, остался безъ хлѣба [3]).

---

[3]) Этотъ безсердечный приговоръ былъ отмѣненъ впослѣдствіи (во время дополнительнаго схода), когда выборные оказались болѣе мягкими вслѣдствіе поставленныхъ барышоу (по $^3/_{100}$ на человѣка).

Голоса особенно сдѣлались ожесточенными, когда былъ поднятъ вопросъ о содержаніи волостного фельдшера, который состоитъ въ штатѣ вольнонаемныхъ и вознагражденіе получаетъ деньгами и натурой. Степень ожесточенія противъ фельдшера находится въ зависимости отъ плохого мнѣнія обывателей насчетъ медицины вообще. „Кали поздоровѣу, дыкъ значитъ такъ Богъ дау“, говорятъ по поводу благополучнаго исхода болѣзни, а въ противномъ случаѣ виновнымъ всегда является фельдшерское искусство.

Еще до схода рѣшено было „коптить“ фельдшера. Это „копченіе“ заключалось въ томъ, что прежде всего было сдѣлано заявленіе сходу со стороны Кузули и Безрылаго. „Міръ“ выслушалъ длинный разсказъ о смерти Кузулина швагры. Такого-то числа, ночью привезъ Кузуля своего больного родственника въ пріемный покой и просилъ положить его въ квартирѣ фельдшера. А фельдшеръ отказался. „Я положіу его у больницу“, говорилъ міру Кузуля, „а швагра тамъ корчіуся, корчіуся и померъ... Мусить захолода́уся“. Сходъ пришелъ въ неистовство. Бороды поднялись, глаза сверкали, руки жестикулировали. Выборные старались получше разсмотрѣть фельдшера, который, стоя у загородки, теперь началъ энергично возражать противъ нападеній невѣжественной толпы. Со всѣхъ сторонъ неслись угрозы самаго жестокаго характера. „Ишь ты панъ якій!... Нóччу? Дыкъ что-жъ, кали ноччу... А, жонка твоя больная? Дыкъ что-жъ коли больная! Ни паня! Жарты пани развелися на нашихъ хлѣбахъ!“ При этомъ Микита изъ Бѣлохвостова подступалъ чуть ли не къ самой физіономіи „коптимаго“. „Заворотъ кишокъ? Якій тамъ заворотъ! У кого это коли заворотъ якій бываитъ?“... Разъѣуся ты на нашихъ харчахъ—вотъ штоб!“—„Да якій енъ хвэршалъ, коли отъ запаленния [4]) ня вылячивъ: и порошки давау и тое, и сее, а все ничего!“... Намедни моя Рыпина, замѣтилъ кто-то для большей иллюстраціи, начала корчиться животомъ... И енъ же быу и чаго не дѣлау, а колибъ Миколаиха ня кинула горшокъ [5]), то можитъ и

---

[4]) Отъ брюшного тифа.

[5]) „Кинуть горшокъ“—значитъ поставить горшокъ на животъ на подобіе того, какъ ставятся банки. Когда животъ бываетъ втянутъ настолько,

померла бы!... Опять Язэпъ—сколько порошку наѣуся и мазь разную піу, сколько докторбу объѣздіу, а колибъ Прокопъ Довгій не дау нашаптанной воды, давно-бъ енъ на тый свѣтъ пошоу!... А крайняя лѣвая, очевидно, въ самомъ принципѣ склонна была отрицать значеніе медицины для немощнаго человѣчества.

— „Усе ровно зъ ихъ (фельдшеровъ и докторовъ) пользы нѣтъ! Коли Богъ ня вылѣчить, дохторъ не поможить! Чаму-жъ сами дохторы помирають?...“

— „Тиху вы, братцы, старался старшина унять расходившіяся страсти: что-жъ тутъ у пусто кричать! Говорите, сколько жалованья фельдшеру?“

Голоса въ центрѣ: „нисколько!“

— „Да какъ же безъ жалованья?“ недоумѣваетъ писарь.

— „Не на-а-а-до! Не надо намъ сусимъ хвэлшера! Су-у-у-у-симъ!“

— „А кто же будетъ на его мѣстѣ?“

— „Найдуцца! 100 человѣкъ найдецца на такое мѣсто! О-о-о!“

Нѣкоторые старались возражать, доказывая, что такого человѣка жалко удалять, что онъ и день и ночь не знаетъ покою, что „любопытно“ относился къ больнымъ—и къ старому, и къ малому, что вина его заключается въ томъ развѣ только, что „не уживаить“ водки. Тѣмъ не менѣе защитники Миколаихиной медицины и „легкой руки“ Прокоповой берутъ рѣшительный перевѣсъ, и фельдшеру безъ голосованія отъ мѣста отказано, о чемъ составленъ приговоръ. Многіе ожидали, что фельдшеръ начнетъ просить, чтобы его оставили и согласится поставить 2 ведра водки.

Въ заключеніе былъ вотированъ бюджетъ на содержаніе училища и учителя.

Настроеніе схода не улучшилось. Хотя учитель и не былъ осужденъ на „копченіе“ (онъ всего лишь 5 мѣсяцевъ на должности и не успѣлъ еще „намозолить глазъ“), тѣмъ не менѣе и онъ предчувствовалъ, что на его улицѣ праздника не будетъ. Нужно, однако, посмотрѣть, насколько можно подѣйствовать сло-

---

что человѣка „скорчитъ“, тогда баба разбиваетъ горшокъ и животъ приходитъ въ нормальное положеніе.

вами убѣжденія. Неужели эти люди не могутъ понять, какъ важна для нихъ школа?“—„Вы знаете, началъ онъ, обращаясь къ сходу, что наше училище тѣсно, а дѣтей очевидно вы хотите помѣстить побольше. Спальня въ училищѣ сыра, классъ темный, нѣтъ столовой, нѣтъ другого выхода, нѣтъ сарая, нѣтъ ретирадовъ... Все вы отказываетесь дѣлать по бѣдности. А бѣдны вы почему? Потому, главнымъ образомъ, что мало развита у васъ грамота, вы не понимаете, какъ улучшился бы вашъ“...

— „Гэта ужо́ чу́ли!... Много хто такъ гово́рить! Да-а-вн-о ужо гэта чу́ли!“... слышатся рѣзкія замѣчанія съ разныхъ концовъ.—„Гэта у пуста, паничъ, кажишь!“...

... „Грамота развита у васъ мало... Дѣти ваши...“

— „И грамотный гусей пасеть, и неграмотный гусей пасеть!“ перерываетъ учителя рѣшительный голосъ изъ толпы.

— „Што тамъ ученье мужику! Усе ро́вно ко́ло земли по́йдить!... Што́ тамъ грамота! Панамъ грамота, а зъ насъ пано́въ ня будить!“ поддерживалъ центръ высказанный взглядъ на грамоту.

Учитель. „Да вѣдь дирекція предписала расширить училище“.

— „Дарекція? А дарекціи хто писа́у?—Вучитэль? Вучителю тѣсно стало?... Наши ребята ни паны: поживуть и въ тяснотѣ. А ратура̀ды? На што́ кому ратурады!... Уси дома живемъ бизъ ратурадовъ... А кому нада ратурады, тый нихай и строить! Наши дяды и прадѣды вѣкъ сжили“...

— „Да вѣдь дѣти ваши каждый день заболѣваютъ“, урезонивалъ мужиковъ учитель.

— „Мало отъ чего болѣютъ ребяты. Ребенокъ, што́ поросенокъ. Попищить—и выкачаицца!“

Писарь. „Еще вотъ проситъ учитель ассигновать денегъ на постройку изгороди около огорода—что вы на это скажете?“

— „Кто захочить, тотъ и обгородить!... слышались голоса. Кто будеть пахать, тотъ и загородить!“

— „Да какая же польза учителю съ огорода?“

— „А ета ни наше дѣло!“

— „Для вашихъ же дѣтей и для вашей пользы я хочу завести опытный огородъ, хочу насадить деревьевъ, чтобы вы видѣли, какъ... нужно ухаживать за землей... Я забочусь“...

— „Поменьше заботься! крикнули вдругъ въ центрѣ. Поме-е-е-ньше!“ кричала и лѣвая и „холодная“ и даже задніе ряды.

Послѣ такого комплимента учитель былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Мечты его разсѣялись, какъ дымъ. Много, значитъ, нужно времени и усиленнаго труда, чтобы разрушить столь крѣпкую стѣну невѣжества...

Писарь. „Теперь слушайте еще вотъ какую бумагу. Дирекція народныхъ училищъ пишетъ: „...Основано общество вспомоществованія народнымъ учителямъ“... и проситъ волостное правленіе сдѣлать на этотъ предметъ денежное пожертвованіе“... Содержаніе бумаги шло нѣсколько въ разрѣзъ съ тѣмъ, о чемъ во время схода говорилось, а потому выборные и не сразу отвѣтили. Форма обращенія показалась слишкомъ вѣжливой. Не желалось бы показаться такими ужъ безсердечными передъ „начальствомъ“, а назначить вспомоществованіе не хочется.

— „Нихай споживаютъ на здоровье!“ отвѣтилъ за всѣхъ Банадысь Крупéня. Центръ высказываетъ этой резолюціи живѣйшее одобреніе и выражаетъ признательность звуками: „а-а!“

— „Не съ чего да-авать! Мякину ѣдимъ!“ гаркнули около печки. Нѣкоторые же подходили къ столу и старались узнать, какъ, де, понимать бумагу—приказъ ли то, или такъ какой либо ляпортъ?

— „Да вѣдь васъ просятъ“, разъяснялъ писарь.

— „А коли просють, такъ отказываемся! Отка-а-а-зываемся!“

Этимъ отказомъ закончились пренія, и сходъ устремился къ выходу, выпустивъ изъ дверей огромный столбъ пара. На дворѣ вспотѣвшихъ обдало свѣжимъ воздухомъ. Всѣ были довольны: наконецъ-то вырвались! Теперь можно и домой собираться. Тотчасъ образовались группы закуривавшихъ изъ одной спички цигарки и ципки. Весь „тлумъ“ вынесенъ былъ теперь на улицу. Выборные отыскивали свои палки, прощались другъ съ другомъ, закутывали уши въ „облаухи“ и направлялись къ своимъ „сялибамъ“, продолжая вести диспуты и критикуя событія дня съ разныхъ то-

чекъ зрѣнія. Палки попрежнему поднимались вверхъ и взрывъ негодованія выражался въ формѣ отборныхъ ругательствъ.

Темный покровъ уже давно скрылъ за горой выборныхъ, а тѣ, которымъ хотѣлось выпить, зашли къ Абрамкѣ и здѣсь поднимали новые вопросы и вели пренія о предметахъ, которые скорѣе подлежатъ вѣдѣнію г. Бахуса, чѣмъ заправилъ волости—писаря и его адентовъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ЛЕПЕЛЬСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

(Картинка съ натуры).

(Въ бывшую корчму входитъ мужичекъ, не успѣвшій захватить водки въ монопольной лавкѣ).

Поищи ты мнѣ, Мовшечка, горѣлочки!.. Ты говоришь—нѣтъ, а погляди-тка вонъ тамъ подъ тухвяками, у постели... Пошукай, пошукай!.. Ага-а!.. во-во! Тягни-тка, тягни, голубочка! У васъ, у жидовъ, горѣлки усюдахъ наторкано. (Мовша пытается унести бутылку). Ну, ладно, ладно... Я только такъ... Мовшечка, дяденька, отпусти!.. Никому не скажу. Гэто, братъ, такое дѣло: пей, да никому не кажи... Мы давно знаемъ, что ты торгуешь потроху, а вотъ же ничего... И твой батька, хоть и драу... али добрый былъ ж.. человѣкъ... Хаима уси знали! Ого-го (разсматриваетъ поданную бутылку водки). Добрая горѣлка винопольная! Гэта не то што!.. Разъ, два, три! Во и вылетѣла пробка! Ла-адно!.. Давай-ка, братъ, шкаликъ!.. И за шкаликъ заплачу... И за все заплачу. Ты не сумливайся... Што я крутель табѣ якій? Я, братъ, никому ничего не скрутіу, никого не забіу, ни у кого ничего не краду. Маю четыре надѣлы. (Пьетъ). Три годы отбыу старшиной, а ты хто? (Пауза). Мордва ты! (Пьетъ и закусываетъ). Ирода ты несчасная!.. Твои бутылки?!.. Мало што бутылки твои... А моя горѣлка... (Съ азартомъ). Ты не маишь права подъ тухвяками горѣлку держать. Горѣлка у винополіи. Мы уси порядки вѣдаимъ. Вотъ што... Во у тебе сколько бутылокъ, а усе винопольныи... Да я... я тебя подъ аресту запру!.. (Стучитъ куламомъ). Я васъ!.. (Пьетъ). Стой, не тронь горѣлки! Ицекъ, не лѣзь, братъ... я горѣлку выпью и... и пойду... Полавай бутэльку! (Вырываетъ бутылку). Я бунту не веду, я порядки держу! (Отстраняетъ Мовшу и сына его Ицыка). Я порядокъ держу, потому знацца, за свои гроши пью, а ты—ирода несчасная!.. Во-во по-

лѣзь! (Выскакиваетъ изъ-за стола и, подплясывая, напѣваетъ):

А при боку пистолетъ,
Огляну-у-ся козы нѣ-ѣ-тъ.

Гэта, братъ, такое дѣло... (Садится около окна и задумывается). Мы, напримѣра, крестьянской вѣры, живемъ, знацца, на своемъ хлѣбѣ, а ты только и живешь крутней... Такъ тольки што обманешь. (Пауза). Мы, крестьянскіе, знацца, а вы не... нехристи. Пустяшный вы народъ! (Закуриваетъ трубку). Навродѣ шляхты. (Подходитъ къ столу и выпиваетъ безъ рюмки оставшуюся водку). Знаешь, што, Мовша? (Пауза). Будемъ мы съ тобой мирицца. Мало што поругались... Поругались троху, да не побились—правда? Ха-ха-ха! Чимъ я тебе біу—а? А ты мене чимъ біу? Ну вотъ видишь: ни ты мене, ни я тебе. Ну, ходи ближи! Мы-жъ усе-тки сусѣди... Нѣхто скажить ближающіи. Неси еще полбутылки. Голубокъ мой, Мовшечка! За дружбу... Чимъ хочешь отплачу. Хошь деньгами, хошь бульбой, хошь такъ чимъ. Што тамъ ругàуси? Одно твердить—ругàуся. Я такъ по дружбѣ, а ты гэто у сиріезъ берешь. Я не отъ сердца, а такъ языкъ брешить... Ну неси-жъ моя зезюлька!.. Ты мене добра знаишь и батьку знау. Помнишь Прохора—Писталетоваго сына?.. Ага-а... А енъ-жа съ твоимъ батькомъ... Двинься ближе... Ну во-во. Ну поищи-жъ горѣлки. (Стучитъ въ грудь). Дадуши боли не буду! (Шопотомъ). Я никому—ни-ни! Я не такій человѣкъ!.. Во-во. И спасибо. (Хлопаетъ бутылкой о другую руку и напѣваетъ):

А при боку пистолѣ-ѣетъ,
Оглянууся козы нѣ-ѣ-тъ!

А хто мнѣ укажить ни піять? Я за свое пью и за свое пяю. (Пьетъ). Я, слава Богу, не лайдакъ якій. Я знаю куды якое-штó! У мене, нѣхто скажить, три надѣла земли, четыре сыны одинъ подъ одинъ, двѣ дочки замужемъ. Жонкина родня знаема усюдыхъ... Три годы ходіу я на сплавъ... Видѣу и людей, и разное гэто, напримѣра... А ты што? (Молчаніе). Што у тебе, Мовша, за вѣра? (Стучитъ по столу). Ну, кажи, якая у тебѣ вѣра? Такъ тольки кричишь у пусто у субботу. Што-жъ ты, напримѣра, коли чикипаръ вотъ бываить,—чаго ты колотисся якъ

осина... Ага, боисся, знацца, штобъ никипаръ не схватіу—вотъ якая твоя вѣра! Ну отойди не лѣзь!.. Не згонишь!.. Денегъ?— Подождешь... Денегъ нема́ таперь... Не, дудки, не спихнешь. (Жиды стараются выпихнуть изъ-за стола). Хайка, а ты што?... Ага, уси—и на одно...го.' Ты што тоухаися у бокъ?... Я табѣ свиньнюкъ? (Вступаютъ въ драку). Я васъ, ты думау я табѣ Си-до-о-ръ! (Отмахивается, вылѣзаетъ изъ-за стола, старается выпрямиться и, притопывая въ тактъ ногой, напѣваетъ):

А при бо-о-о-ку писто́-лѣ-ѣтъ... писто-лѣ-ѣ-тъ!... (Падаетъ).

Ты ни чапайся, коли́ тебе не трогають... Што ты у груди драгаишь (силится встать)... Я-жъ табѣ ни якое што... Я пойду до члена... Ты ду-у-ма...ешь, ирода ты несчасная!.. Што ты кровь спускаишь... По новому кожуху ліешь... Што я табѣ дерево, што ты ботомъ у самую голову... Ирода ты... Халерія! Я твою Хайку съ жидинятами пере-э-э-еломлю! Кровь крестьянскую пьешь, быдла ты!.. (Силится встать. Пауза. Напѣваетъ):

А при бо-о-ку... а при боку...у!.. (Входитъ жена).

А? хто тутъ? жонка?... По якому праву?... А табѣ якое дѣло, што я лежу?... Ты хто такая? Ага...а!.. Ну коли жонка, дыкъ и жонка (является сватъ Базыль и силится вытянуть пьянаго изъ-подъ стола). Не-е тро-о-жъ, не ты полажіу, не тебѣ и бра-а-ть... Я лежу, а не ты..., Ты марчи, коли ни понимаишь... Марчи, марчи!... На твою телѣгу? Не пойду!... Мнѣ сичасъ стойковыхъ коней пришлють... Што ты голосишь баба-а? Думаишь не пришлють?.. А хто старшиной быу—-а?.. Хто быу—а?.. Ко-о-ожухъ облитъ?... А табѣ якое дѣло, што об...блитъ!.. Гэта ирода несча-а-сная сбила голову... Зна-ацца, ина-а и от...ку...пить. (Силится поднять). Не пойду... не пойду... Чуишь ѣдуть... Ага... Гэто за мной... (Напѣветъ):

А при боку-у... боку-у-у-у!

Не пойду, Ива-ановичъ... не-э-э! Не хочу...у...у. (Базыль и баба тянутъ пьянаго къ телѣгѣ). Ишь ты, братъ!... Не, не полѣзу... Шали-и-шь!.. (закладываетъ при помощи жены одну ногу въ телѣгу). Подожди, дай закурить. (Ищетъ кисетъ). Ба-аба, гдѣ кисетъ? (Беретъ трубку и втягиваетъ огонь). А вотъ ни полѣзу...

А вотъ ни укажишь... хочу буду тутъ, хочу узлѣзу.. Ни твое дѣ-ѣло!.. (Базыль и баба силятся наклонить совершенно пьянаго въ телѣгу). Морчи, жонка! А то я табэ зубы выбью!.. Моя нога, напримѣра, тутъ и тутъ, а табѣ якое дѣло о?! (Напѣваетъ):

А при бо-оку...у-у!..

(Баба и Базыль общими усиліями, при помощи случайно встрѣтившаго Зипайлы, вваливаютъ его въ телѣгу. Телѣга тронулась, баба плачетъ, мужъ ея напѣваетъ):

„А при боку...у-у-у!:.“

У ТІЯТРИ.

(Разсказъ бѣлорусса).

Сижу я, братцы, у тымъ самымъ тіятри, ажъ сичасъ одинъ у скрипку—пись, другій подняу трубу—прогулѣу, третій повѣшау роговень—зарýхау. Кажиный наладіу для порядку свой штрументъ. Слухаю я: низграбно, трубять, да ня тымъ трахтомъ. Скуголють, ажъ не ловко слухать. Тый же, што сидить пóсередки, мѣтіу, мѣтіу, да якъ маханеть кнутовищемъ, а тыи, што съ боковъ, кажиный съ свойго штрумента якъ стибануть, якъ равнуть, якъ сыпнуть! Во, братцы, кого послухать!.. Ого-го! Гэта не шутки!.. Панасовы цимбалы?—Тьфу! Ничего ты, Хведосъ, не стоишь послѣ того!.. И Сидоровы никуды варты! [1]) И Петрусева скрипка и близко не подходить! Боже упаси! Коли бъ усѣ цимбалы собрать и самого Язепа, и Маркову дуду, и Змитроковыхъ мальцевъ у рядъ поставить, и Сидору кнутовище у руки—и то ни близко! Барани Бо-о-гъ! Потому ни трубы, ни басэ́дли, ни поукадки... Якіи трубы? Што дымъ идеть?—Тьфу! Ату тебе, Микита, ату, болото! Што ты видіу? Ничего ты не видіу! Ты видіу только болото, деревню, да свинней!... Труба ета блискуча, якъ самаваръ, съ первѣйшаго мясяндзоваго матэрьялу. Одна ревѣть, другая храпить. Ву-ву-ву!—во якъ.

Опять же дудки, на вродѣ желеекъ, тыи больше верха: тиль-тиль-тиль, гдѣ писнить, гдѣ свиснить! Басэдля-жъ здорово гудить, да и работы коло ее довольно. Жарты енъ чешить смыкомъ, ажъ лобъ треть. Здоровая махина, досать працы! Ну и такъ съ мелкоты у скрипки дробняку подсыпають довольно, валють въ одну руку и все по книжкамъ глядять. А тый кнутови-

---

[1]) Ничего не стоитъ.

щемъ знай махаить и туды, и сюды, прямо подъ носъ ближающимъ подступаить. Жарили, жарили, тады стали, а жулейки и скрипки давай сами по сабѣ разныя штуки выводить. Выводють, скуголють. И труба къ имъ помалу пристала. Я-жъ думаю: вотъ табѣ и разъ! Свели на быви... Ажъ сичасъ тый самый кнутовищемъ якъ махнўу къ тому, што на концѣ сидить, а тый размахнуўся балдавешкой, да якъ дась по поудежку, а поудежикъ—лопъ, лопъ, лопъ!... Ажъ прямо у пятки колить. Подъ конецъ же, якъ разошлися, якъ сыпнули, скорѣй, скорѣй, ёнъ кнутовищемъ жаріу, жаріу и—бацъ! Стали усѣ и стоять...

Паны ти были? Да такъ што усе паны. Зъ нашихъ, зъ мужиковъ, не видать. И я достукауся за тое, што Симоновы копоты надѣу и у Трохима ботовъ достáу. Ни усякаго и пустють. Гдѣ я сидѣу? У верху. А у низу—паны, на землѣ знацца, на стѣнахъ—паны. Якъ на стѣнахъ? А такъ, ежели, напримѣръ, прибить къ стѣнамъ карзинки и у карзинки наторкать разныхъ пановъ, а у стѣнѣ зробить вокны, а у вокнахъ двери, а черезъ двери ходъ. Дыкъ вотъ ты, напр., сидишь у карзинки, а захотѣу вонъ, отперъ—и вали, куды хочешь... Табѣ смѣхъ, болото ты!... Только у низу паны найбольши зъ мужчинъ, у переди зъ лысыхъ боли, тады зъ войскóвыхъ, зъ урядниковъ, зъ приставовъ, а на стѣнахъ паны съ панятами и зъ жонками. Али надѣты уси,—волкъ ихъ зъѣшь,—ловко. Правда, тонковаты троху зъ боковъ, али ничего. Усе боли у чирвономъ, а руки голы, якъ вотъ, коли дежу мѣсють бабы и такъ коло шей ни въ застежку, на головѣ волосы помеломъ, а сами фуфыруцца, смяюцца, глазами во гэдакъ, а тыи, сзаду што стоять,—у ихное вухо нѣшто шепчуть. Тамъ жа на корзинкѣ ящики отъ табаки, изъ тыхъ ящиковъ пани потроху беруть и помалу каштують у прикуску.

Тады што было? Тады якъ сыграли троху, кажиный пошоу отдахнуть и я драбанўу. Усе боли коло боку держу и усе вижу. Паны лупють у харчевнѣ [2]) и тычасъ за горѣлки. Правда стибають лоуко. Только не такъ, якъ у насъ: у насъ боли прямо зъ горла да у горло. А тамъ килишки, и закуска, и рыжій че-

---

[2]) Въ буфетѣ.

ловѣкъ коло ихъ бѣгаить. Я ета вынуу цибукъ, хотѣу покурить... Ажъ нѣйкій курносый кажить мнѣ: „а ты што?“ „Я, кажу, зъ голодерки“, а енъ мнѣ кажить: „подальши, подальши!“ Я тады коло стѣны, да у двери, да не у тыи. Заблудіуся. Во кабъ тебе! Правда, рыжій подошоу, поглядѣу на мои документы, да мяне за руку да за плечо, да на лѣстницу: „коли, кажить, ты зъ голодерки, такъ и сиди на голодерки“.— „Я, кажу, заблуліуся троху“. „Иди“, кажить, „покуль по шеѣ не получіу“. Али усетаки видно зъ благородныхъ: и говорить ласково, и ни штургаить. Я выши, выши, бокомъ и попау на свой трахтъ, да на свои дуваны...

Гляжу на боки, у верхъ, у низъ. Ажъ разомъ тый самый кнутовищемъ—шарахъ! А тыи хто у трубы, хто у скрыпки... Тады, братцы, и стѣна поднялася. Дадуши-жъ поднялася! Стѣна такая намалеванная, съ конями. Гляжу я. Божухна ты мой! Выскочило много усякаго люду, али не отъ тутошнихъ пановъ, и давай піять. Распинаюцца, крычать, гойкають, бѣгають, скачуть [3]) усе во гэдакъ подскокомъ. Тады къ имъ выскачіу нѣхта бѣлый, у балахонѣ. Бѣгаить, скуголить и рукой во гэдакъ показываить. Опять икая-то баба, ти то молодица къ имъ подскочила. Писчить, плачить, ажъ за сердца хватаить. И Богъ вѣдаить якое што тутъ зачиналася, ажъ у глазахъ замитусилося. Ничего не говорють, а плачуть, гойкають, за горло хватають, руки у верхъ подымають. Во такъ боли: го-го-го-го-ги-ги-и! Зайцовъ згоняють? Не-е! Гэта ни балото! Я самъ сперша думау, што значить кого гонють, ажъ не-е. Яны такъ межа собой. Покрычать, пойдуть одинъ къ одному, обнимуцца, палуюцца и опять разойдуцца. Тады бѣлый—што у балахонѣ—подошоу къ тому, што съ кнутовищемъ, и начау крычать, одинъ крычить, ажъ голосъ трясецца и руку къ ему тянить, а тый, знаить свое дѣло—жарить, а тый тонкій коло басэдли работаить. Гляжу я стѣна валицца, валицца —и закрыла того, што у бѣломъ. А паны давай кричать, хлопають у ладоши, деруть горло, ажъ вочи вонъ. Наибольши съ голодерки жидовье, стукають ногами даже. И тыи, што у карзинкахъ лопали, али потроху... Усякій со всѣхъ силъ кричить:

---

[3]) Пьеса—„Паяцы“.

брысь, брысь, брысь! а другого ничого не разобрау. Кричали, пакуль бѣлый черезъ калитку голову не просунуу. Просунууся и кланяицца Во гэдакъ. Енъ же пошоу къ сабѣ, а яны опять крычать· У мене ажъ у вушахъ затрещало. Думаю сабѣ: пойду, прочухуюся на холодѣ. И пошоу коло стѣны стороняся, да на лѣсницу, да по лѣсницѣ, да къ дверямъ, да къ другимъ (тутъ я опять лысыхъ увидау: мусить къ горѣлки пошли), да къ третьимъ, да за двери. Гляжу ажъ Симонъ и Трахимъ мене ждуть, пипки палють. „Хади", кажуть, домоу, „бо Мэндаль запреть фатеру. Завтра кажуть, рано треба на машину". „Во кабъ выхварѣли! Еще, кажу, приставлення будеть!" А яны: „мои боты, мои копоты, треба на машину"...

А што робить? якъ ни мои, знацца, боты, да ни мои копоты, да и отъ кумпанства не оставацца, дыкъ я и драбануу зъ ими на фатеру; а тады и домоу.

Дыкъ вотъ якое дѣло, а не то, што Панасовы цимбалы... Тьфу!

ПИСЬМА ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

По поводу посадки деревъ около дорогъ.

Письмо I.

Польза древесныхъ насажденій около дорогъ слишкомъ очевидна для того, чтобы въ ней сомнѣваться. Деревья—друзья человѣка, защищающія его отъ пожаровъ, очищающія для него воздухъ; для путника въ зимнюю вьюгу—это лучшіе указатели дороги, а въ лѣтнее время—защита отъ сильныхъ вѣтровъ, зноя и пыли. Въ Западной Европѣ посадка деревъ около дорогъ не только служитъ этимъ цѣлямъ, но изъ нея извлекаются и другія выгоды. Тамъ дороги и улицы бываютъ обсажены плодовыми деревьями, и эти деревья отдаются въ аренду и составляютъ доходы общества.

Къ сожалѣнію, у насъ приходится констатировать полнѣйшее игнорированіе сельскими обывателями пользы и значенія древесныхъ насажденій, такъ что и обыкновенное неплодовое дерево страдаетъ отъ произвола грубыхъ невѣжественныхъ людей, а плоды и въ садахъ трудно уберечь отъ воришекъ. Въ народѣ нѣтъ уваженія къ дереву, какъ и вообще нѣтъ уваженія къ чужой собственности.

Какъ ни старается администрація выполнить благую цѣль насажденія деревъ, однако же, дѣло, признаться, подвигается черепашьимъ шагомъ.

Каждую осень можно видѣть крестьянъ, насаждающихъ около дорогъ березки, сосны, елки, рябину, ракиту, но весной и лѣтомъ эти саженцы усыхаютъ, ихъ обламываютъ, подрываютъ, и вмѣсто зеленаго деревца вы видите жалкіе прутья или валяющіеся по дорогѣ корни.

Каждый годъ старыя деревья замѣняются новыми. Если же

и попадается кудрявая березка, то она стоитъ одиноко, какъ дубъ „среди долины ровныя“.

Такимъ образомъ, въ результатѣ всѣ эти „насаживанія“ представляютъ изъ себя горькую насмѣшку, какъ надъ деревцами, такъ и надъ тѣми, кто ихъ „насаживалъ“. А между тѣмъ, сколько потрачено времени и труда на перевозку лѣса (иногда верстъ за 10—20) и на его посадку! Въ этомъ отношеніи человѣка къ дѣламъ рукъ своихъ проглядываетъ свойственное русскому люду пресловутое „авось“. Я, дескать, насадилъ, или я распорядился насадить, деревья посажены, а больше я знать никого не знаю!

Обыкновенно въ сентябрѣ—октябрѣ мѣсяцѣ старшина „загадываетъ старостамъ чинить дороги“. Въ свою очередь старосты, расхаживая по деревнямъ, постукиваютъ подъ окна похилившихся хатокъ: „эй, Трахимъ, Пракопъ, Янка! кричатъ они: Живо чинить дороги, садить деревы“!.. Кряхтитъ растянувшійся на палатяхъ мужичокъ, долго почесываетъ затылокъ, однакоже обуваетъ лапти, одѣваетъ „кажарку“, готовитъ телѣгу, запрягаетъ маленькую лошадку и ѣдетъ въ забулинскій (помѣщичій) лѣсъ.—„И прошлую осень садіу и запрошлую садіу“, думаетъ онъ, надрубая корни березки, и всѣ силы напрягаетъ къ тому, чтобы оторвать ее отъ своего мѣста: а коли жъ гэтому конецъ будеть?... Усе сади, „да сади, а ихъ и звання нѣтъ... Вотъ разѣ гэту елку вырвать“, продолжалъ онъ разсуждать, переходя послѣ нѣсколькихъ десятковъ березокъ къ елкамъ. „Славная елка, али сидить крѣпко... Ага, во и вылѣзла!.. Таперь довольна: съ копу будеть... Насѣкъ порядкомъ!“ И довольный своей работой укладываетъ мужичокъ свои саженцы на возъ. Нѣкоторые изъ нихъ сажени по двѣ, по три, другія—двухаршинные прутики. Вотъ и дача [1]) мужичкова недалеко отъ озера расположена. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій начинается посадка. Сгорбившаяся фигурка копнетъ раза 2—3, сдѣлаетъ вершка въ 4 ямочку и поставитъ дерево съ обрубленными корнями. „Теперь только засыпать землей“, думаетъ онъ, ссосывая землю къ корнямъ и накладывая на верхъ дернушки, обтаптываетъ

---

[1]) Дороги раздѣлены между хозяевами на участки по нѣсколько саженей.

ногами и саженцы получаютъ у своего основанія небольшую горку, чрезъ что влага не можетъ проникнуть къ корнямъ.—„Приживеть, не приживеть, а мнѣ что“? разсуждаетъ мужичокъ: „добро, что хоть столько насѣкъ, вонѣ куды больше попортіу забулинскаго лѣсу. Усе равно на лѣто погонють! Своей работы дома довольно!“

Деревья посажены другъ отъ друга на разстояніи 1—2—3 саженей, и прохожій радуется, что вотъ молъ, какъ красиво будетъ, когда „Екатериненскій трактъ получится!..“

Но, проѣзжая зимой по тому же тракту, вы замѣчаете, что тѣ же сгорбившіяся фигурки, въ „кожаркахъ“, армякахъ и шапкахъ-аблаухахъ, по поясъ въ снѣгу ставятъ еловые сучья,—означаютъ дорожку прямоѣзжую...

„Почему же деревья не прижили?“ Спросите вы.

А потому, отвѣчу я, что посадка ихъ была поручена мастеру, который боится своего дѣла, и потому садитъ деревья, какъ попало, чтобы только избавиться отъ штрафа или наказанія. Это разъ. Во 2-хъ не было никакого руководителя при посадкѣ: больше заботились о количествѣ, чѣмъ о качествѣ посадки. Въ 3-хъ посаженныя деревца предоставлены были на сбереженіе вѣтрамъ, непогодамъ, мятелямъ. Каждый обладатель лѣниваго одра считаетъ себя въ правѣ отламывать отъ деревца сучья или даже самую верхушку, всякій мужичокъ находитъ сидящее на его полосѣ деревцо излишнимъ, не по праву занимающимъ мѣсто, а потому сохой извлекаетъ его изъ земли и выбрасываетъ на дорогу. То же нужно сказать и о пастушкахъ-дикаряхъ, которые часто отъ нечего дѣлать общими силами выдергиваютъ деревца... Такимъ образомъ, что одними, пріѣхавшими за 10—20 верстъ, насаждается, то другими, живущими вблизи чужой дачи, уничтожается. Такъ бываетъ сплошь да рядомъ, и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока сельскій обыватель не пойметъ, что недостаточно посадить дерево, а нужно знать *какъ* посадить, нужно ухаживать за деревомъ, а это случится тогда, когда онъ сознаетъ пользу и значеніе древесныхъ насажденій, при существующихъ-же условіяхъ эта посадка—не посадка, а вѣрнѣе лѣсоистребленіе и при томъ самаго непроизводительнаго характера.

ЗАРАБОТКИ.

Письмо II.

Въ последнее время крестьяне нашей волости усиленно начали стремиться „на заработки“. Народонаселеніе быстро увеличивается, а земли изъ-года-въ-годъ выпахиваются, истощаются. Съ другой стороны, разделы приняли эпидемическій характеръ. Земля, принадлежавшая прежде одному-двумъ дворамъ, теперь поделена на 7—10 хозяевъ. Стало больше дворовъ, стало больше ртовъ. Жили прежде большими семьями и сыновья, и батьки, братья, и „швагры“, и „збрадетные“.

А теперь безжалостно „режутъ“ земельку и вширь и вкось. Везде заметны полоски узенькія—только бороне пройти. Безусый сынъ, лишь только обзавелся женой, тотчасъ выделяется отъ отца, братья и году прожить другъ съ другомъ не могутъ. Пошли нескончаемыя тяжбы и распри, завершающіяся, по большей части, побоями и обоюдными зубокрушительными драками. Жалобами по операціямъ раздела, особенно весной, переполнено бываетъ делопроизводство волостныхъ правленій и уездныхъ присутствій.

— Жонки сварливы, говорятъ старики въ объясненіе такой аномаліи въ жизни крестьянина. Опять и слеття такое, что каждый паномъ хочетъ быть, а якое панство на одномъ наделе?..

Подерутся бабы изъ-за горшковъ около печи кочергами—и перешла перебранка къ мужскому полу. Побранились, поругались и на сцену вступаетъ тяжелый періодъ раздела жалкаго скарба и измельчавшаго, захудалаго скота...

— Подавай мою часть, говоритъ младшій сожитель старшему, выделяй овечекъ, бери сабе рябую корову, а мне...

— Ну, не братъ, бери ты рябую, а я...

— А ты думаешь мне рыжую отдать—не, братъ, дудки!... Я самъ понимаю, что рябая, а что рыжая!...

За рябой коровой начнутъ дѣлить единственнаго коня-конщука, коня, который безучастно посматриваетъ на ссорящихся на дворѣ братьевъ... Охъ, это время раздѣла, тяжолое время и для хозяевъ и для „животовъ"! Хорошо, если тяжба окончится въ 1—2 года, а то, вѣдь, не рѣдкость встрѣтить процессы по раздѣлу земли и имущества, тянущіеся цѣлые 10 лѣтъ. Переписка, запросы, апелляціонныя жалобы кончаются тогда, когда бумаги перейдутъ по всѣмъ инстанціямъ и когда стороны тяжущіяся истратятъ послѣднія копейки на прошенія, да на подачки всевозможнаго вида и характера.

Вотъ одинъ изъ источниковъ нашего разоренія, вотъ что, между прочимъ, заставляетъ мужика оставлять свой отчій домъ, свою кормилицу-земельку! А земелька истощилась: нужны улучшенія. Да какъ улучшить, когда живешь въ деревнѣ. Деревня—не свой братъ, съ деревней ничего не подѣлаешь! Созрѣло—не созрѣло, а убирай со всѣми разомъ, а не то все будетъ скотомъ уничтожено; начали сѣять—и ты сѣй, косятъ—и ты коси. Съ волками живи—по-волчьи вой. И стала по деревнямъ голь-бѣднота гулять-погуливать, стали крестьяне искать заработковъ, чтобы „хоть у волоскую сыскать грошей".

Изстари ходили наши крестьяне въ Ригу на сплавъ лѣса, да Ригой одной не проживешь: и цѣны упали, и заломы большіе, и съ жидами плохо „ладить" (извѣстно жидъ—„не свой братъ").

Прослышали деревенцы, что есть заработки на кирпичныхъ заводахъ въ Митавѣ, въ Москвѣ, въ Мытящихъ, что много приносятъ люди денегъ изъ Питера. Пріѣхали подрядчики. Толпа за толпой являлись мужички и записывались по контракту, кто „у полявые", кто „у подвозчики", а кто „у хармовцы", другіе же рѣшили попробовать счастья „по вольному паспорту". „Вольный паспортъ" у насъ вошелъ въ обыкновеніе въ сравнительно недавное время. Старикамъ-нябощикамъ такая даль, какъ Питеръ, и во снѣ не снилась. Боже упаси! Даже по адресу другой стороны Двины обыкновенно говорилось: „гэта чужая сторона, мы тамъ не были и люди тамъ не тутэшніи"...

Пошли наши „вольные паспорты" въ Питеръ еще съ самой ранней весны, когда только что наступила работа на поляхъ.

Народъ валомъ валилъ, на вокзалѣ отбою не было. Всѣмъ представлялось, что въ такомъ большомъ городѣ „грошей много и работы много“. А на дѣлѣ пришлось погоревать порядочно: Питеръ бока повытеръ. Плохо нашему мужику „соваться въ люди“. Онъ тяжелъ на подъемъ, неповоротливъ, языкъ у него суконный... Пока онъ вытянетъ кисетъ или рогъ съ табакомъ, пока почешетъ затылокъ, да подумаетъ, что сказать, юркій ярославецъ успѣетъ цѣлую рѣчь произнести, раскланяться и слащаво улыбнуться. Питеръ намъ совсѣмъ чужая сторона. У крестьянъ, хоть бы примѣру, невельскаго уѣзда, давнымъ-давно завязалась родственная связь съ петербургскими обывателями: у нихъ и приказчики —сваты, и дворники—браты и полицейскіе—кумовья, швейцары—швагры, даже одинъ чиновный человѣкъ приходится въ двукровномъ родствѣ какой то деревнѣ, словомъ, народъ опитерщился, у него есть протекція и на фабрики и на заводы.

А наши деревенцы знаютъ лишь, что нужно ѣхать на Полоцкъ, а изъ Полоцка „машиной“, а „тамъ видно будетъ“. Забрали они хатульки съ харчами (сочни съ саломъ и сухари) да съ одеждой и пошли по образу пресловутыхъ пошехонцевъ. Весело было ѣхать; разговоры, пѣсни. Наконецъ городъ!—У-ухъ, городъ! Есть гдѣ развернуться! Простору довольно, а куда итти? Гдѣ прихинуться? Много люду, да у каждаго свои „антересы, а наше дѣло крестьянское: стоимъ-глядимъ, диву даемся“.

Наняли лепельскіе пошехонцы себѣ квартиру въ подвалѣ и пошли искать работы.

— Гдѣ бы тутъ якое што зъ работы достать? рѣшаются они спросить толстого пана въ цилиндрѣ и большими усами.

— Что фамъ такое нушно?

— Ти ни была бъ, паночекъ, ласка работу дать... Мы бъ пану услужили... Мы ляпельскіи, съ-подъ Лепля, паночекъ, отвѣчалъ за всѣхъ Григоръ Тикунъ.

-- Какой я фамъ работъ? Что фамъ отъ меня нушно?... Я городовой позову!...

Сгорбились мужички и поспѣшили свернуть н[illegible]вую отъ „сердитаго пана“. Съ улицы въ переулокъ, съ переулка на про-

спектъ, расхаживаютъ наши пошехонцы, разглядываютъ да распрашиваютъ. Такъ и прошла недѣля—другая. Домашніе пожитки истощились. Табакъ вышелъ, даже корешковъ нѣтъ за что купить...

— Што, братцы, будемъ робить? Спрашиваетъ Тикунъ у своихъ спутниковъ: пропадаемъ сусимъ у пусто!.. Ходимъ, ходимъ, а толку нѣтъ!..

— И Богъ вѣдаить, што робить, невольно согласились его товарищи и, опустивъ головы, стали вытряхивать изъ кармановъ послѣдніе корешки, закурили, долго думали и досадливо отплевывались въ стороны. Болѣе слабые духомъ рѣшили ѣхать сейчасъ же домой, Микита и Прокопъ нанялись мести улицы, а прочіе продолжали странствовать.

Между тѣмъ, оставленные хозяйничать въ деревняхъ бабы совсѣмъ изъ силъ выбились: и за землей смотри, и ребятъ годуй, и дороги правь и въ волость ходи. Ну, гдѣ это бабской „справой" все подѣлать? Бабы „на чемъ свѣтъ заклинаются", что больше не пустятъ мужиковъ „на край свѣта": такая „пакута", такая „тягонина"!.. А они (мужья) какъ ушли—и ни слуху, ни духу...

Наконецъ, черезъ мѣсяцъ староста передалъ въ Авдулино письмо отъ Григора Тикуна. Слава Богу, хоть одинъ написалъ! Сбѣжались всѣ жонки послушать: а можетъ быть и объ ихъ мужьяхъ хоть какая „прописка" будетъ.

„Моей любезной супруги Прасковьѣ Астаповнѣ, пишетъ Тикунъ, —отъ высокаго неба до низкой земли посылаю я вамъ мой поклонъ и увѣдомляю я вамъ, что я съ деревенцами цѣлый мѣсяцъ ходилъ безъ работы и деревенцы безъ заработковъ были. И увѣдомляю я вамъ, что лучше дома безъ хлѣба сидѣть, чѣмъ по Питабургу ходить. А таперь я имѣю работу у Морскомъ каналѣ и получаю я по 90 к. и харчи мои. Одежа моя совсѣмъ сносилася, у ботахъ другія подметки и армякъ порвался... Еще кланяюсь моей родимой теткѣ Кулинѣ Панасовнѣ съ супругомъ вашимъ и посылаю я вамъ поклонъ отъ высокаго неба и прошу я васъ навѣдывайтесь вы къ моей супругѣ, потому что она въ одиноти. Прошу тебя моя Прасковья Астаповна береги дѣтей, а корову чорную Никити не отдавай и денегъ я вамъ не посылаю, а можетъ черезъ мѣсяцъ пришлю, обходитесь тѣмъ самымъ, что

есть изъ хозяйскаго. И евоную пастушку попроси, чтобы Левонъ отодралъ ее, потому ежели она взялась досмотру до свинней имѣть, то пущай съ ихними свиннями и нашихъ глядитъ вмѣстяхъ и посылаю я вамъ мое родительское благословеніе моимъ дѣтямъ навѣки нерушимо".

Прасковья слезами заливалась, слушая это посланіе отъ мужа.

— Вотъ и заработки!—причитывала она—заробіу!... Дѣтей кинуу, а я бьюсь, и день и ночь плачу... И одежду поносіу-у! И армя-якъ порвауся!..

Такъ Тикунъ съ нѣкоторыми товарищами пристроился на каналѣ. Многіе же, какъ сказано выше, возвратились и возвратились въ жалкомъ видѣ. Только и выиграли, что самую большую работу прогуляли, свѣту повидали, да по Питеру походили, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ сроки найма на годовыя работы пропустили. Приходится итти въ поденщину къ „пану" за 30—35 к.; да и тѣхъ не хотятъ давать! „Паны" какъ будто и испугались весной, а теперь опять носы подняли!.. Да гдѣ что взять, говорятъ деревенцы, безъ пана?.. У пана усё... Безъ пана не обойдешься!.. Надо спѣшить, а то настанетъ зима, тогда и все пропало"!..

Дѣйствительно, самые главные заработки въ лѣтнюю пору, а зимой мужичокъ, такъ сказать, набираетъ силъ къ лѣтнему сезону. Зимой мужичокъ спитъ спокойно, ѣстъ обмолоченный хлѣбъ, пока не вывелся. У него нѣтъ кустарнаго, домашняго промысла, который сколько либо помогъ бы ему въ домашнемъ обиходѣ. Самая главная работа—дать корму скоту, напоить его, насѣчь дровъ, нащипать лучину, да сходить въ сосѣднее мистечку и выпить съ кумомъ бутылку „винополіи"...

...Тяжелое положеніе темнаго крестьянина. Нужны ему книги, школы, чтенія, нужны руководители въ назрѣвшей потребности болѣе или менѣе интенсивнаго хозяйства, нужно привязывать его къ землѣ, а если онъ имѣетъ избытокъ рабочихъ рукъ, если рабочая его сила такъ или иначе безжалостно эксплоатируется подрядчиками и евреями-лѣсоторговцами или растрачивается на пошехонскія похожденія туда, „куды люди идуть", то нужно притти на помощь къ бѣдному мужику и въ этомъ вопросѣ,—нужно вве-

сти какое либо мѣстное справочное бюро, сосредоточивъ свѣдѣнія о спросѣ, предложеніи и наймѣ на работы въ какомъ либо изъ уѣздныхъ институтовъ, имѣющихъ отношеніе къ крестьянской жизни, чтобы эти свѣдѣнія не представляли бы собою для подрядчиковъ своего рода монополію повышенія и пониженія цѣнъ на крестьянскій кровавый трудъ.

МУЖИКИ И ДЕРЕВЕНСКІЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ.

Письмо III.

Я уже писалъ вамъ, что обыватели наши—ревностные почитатели Бахуса,—любятъ разныхъ градусовъ водку пить, никакой компаніи, никакого „антиресу“, никакой „гавэнды“ безъ водки не можетъ у нихъ быть, и кто живительной влаги не „уживаить“, тому стараются „клинки“ подбивать и всякую пакость сдѣлать.

Завелись такіе порядки еще при царѣ Горохѣ и вывести ихъ очень трудно, потому что во 1-хъ, некому выводить, а во 2-хъ, потому что на всей территоріи той мѣстности, гдѣ я живу уваженіе къ „преданіямъ старцевъ“ чрезвычайно большое.

Кто дерзнулъ бы, напр., нарушить свадебные обычаи, хотя эти обычаи положительно разоряютъ крестьянина? Даже небольшіе пробѣлы въ церемоніяхъ брака вызываютъ нареканія со стороны бабьяго разума, не говоря уже о томъ, что всякій чаровникъ можетъ бросить на молодыхъ „дурный“ глазъ и молодымъ придется всю жизнь считаться съ его „чарами“.

— „Что дѣлать, говорилъ мнѣ одинъ старичокъ, тяжело вздыхая: отъ прадѣдовскаго обычая не убѣжишь! Якъ сватьба на людяхъ, да и всѣ распорядки на людяхъ, такъ усякій и идеть, чтобъ, значить, погулять да выпить...“

— А коли не выпьетъ?

— Ого, не дай только выпить! Да такъ облаить, што и вочей не узнаешь, гдѣ подѣть!.. Не пущи Змитрочихи... по всему свѣту пустить!... И сватьбѣ не радъ будешь!.. Да-души правда!

— А ты совсѣмъ не бралъ бы водки и н[illegible]ъ [illegible]лт себя въ лишніе расходы.

— Божухна мой! Хто хотѣу ее брать, хто бы хотѣу расходы!... Ого, чтобъ такое заведенье увялося: усякій бы спасибо сказау!... Гляди, штó моей дочки сватьба обошлася: 5 барановъ —разъ, свинина, икая была отъ прошлыхъ годовъ—два, мяса два пуда—три, а горѣлки што-о!.. Жарточки 6 дней пили! Баба моя соусимъ змáилася... Кажиный день штó того крику-зыку, вархалу! Кажиный день, вари, пяки, крой, корми, носи до столу!

— А много народу было?

— А, ти много? А такъ, что и прусамъ негдѣ дѣться было... Натискалися на печку, на палати... Чего? А такъ, вядомо вясельля: кажиный хочить хоть голову уторнуть... Стольки народу, что просто отъ печи до столу ни дотиснуцца".

Вторымъ мотивомъ для потребленія водки служатъ похороны. Если „поховать" малютку, едва успѣвшаго взглянуть на Божій міръ, съ трудомъ можно съ четвертью водки, то что сказать о похоронахъ людей взрослыхъ (особенно мужеска пола), да еще въ служебной іерархіи состоявшихъ? „Небощикъ любіу выпить, говорятъ обыкновенно поминающіе покойника; ну якъ жа яго чаркой горѣлки не помянуть? Донеси жъ Господи, Трахимову душу до города Ерузалима до цара Давыда: нихай со святыми отпачиваитъ и намъ хлѣба-соли засылаитъ!" При такого рода настроеніи нашихъ обывателей „винополія" успѣла много продать водки, особенно, когда въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ свирѣпствовалъ дифтеритъ и скарлатина, унесшіе до шестидесяти ребятъ въ могилу! Прошу также принять во вниманіе, что за поминальнымъ столомъ истребляется не только хозяйская водка, но и принесенная самими гостями. Неоднократно приходилось наблюдать такой случай. Сотрапезники, покончивъ тризну, и чувствуя потребность повеселить свою душу, уговариваютъ другъ друга сходить въ „винополію". Въ случаѣ протеста предсѣдательствующій (изъ интеллигенціи) говоритъ: „тебѣ стыдно, Тумашъ, отказываться: ты жъ недавно деньги отъ сына получилъ". И Тумашъ совѣстится „людскихъ вочей" и хотя-нехотя бѣжитъ въ „винополію". За Тумаш[illegible]шелъ Янка, за Янкомъ Прокопъ. У всѣхъ глаза сдѣлались [illegible]фіолетовые, руки и ноги стали выдѣлывать „антраша", однакожъ въ воздухѣ было еще слышно: „ну не по-

жлетъ ли, братцы, еще кто?“ Охотниковъ, однако, не нашлось, потому что ни у кого „шелига“ за душой не было. Тогда только сотрапезники, пять-шесть часовъ отсидѣвшіе въ красномъ углу, начали помаленьку выходить, падая, поднимаясь, цѣлуясь съ хозяиномъ и хваля другъ друга задружбу и славную бесѣду.

Не мало уходитъ водки и на „распрощенье“ съ дѣтьми, отданными въ военную службу.

— Дай-ка мнѣ 2 бутылки, говоритъ сидѣльцу мужичокъ, вытягивая изъ платка цѣлую жменю мѣдныхъ пятаковъ: надо на распрощенни съ сыномъ выпить...

— А гдѣ же твой сынъ?

— А вона, на колесахъ сидить... Сусимъ везу... Досели довольно попили съ сыномъ, а таперь... Богъ знаить, ти придецца коли пить! Послѣдній разъ можа выпьемъ, произнесъ онъ упавшимъ, слезливымъ голосомъ, утирая слезы рукавомъ армяка и тиская бутылку въ запазуху...

Дѣла „волоскія“ также требуютъ водочныхъ возліяній. Я какъ-то упоминалъ, что у насъ и за 10 руб. не сдѣлаешь того, что можно сдѣлать за кварту, если эта кварта своевременно попадетъ въ желудокъ власть имущаго. Три раза нынѣшнимъ лѣтомъ приговоренные по суду просили общество взять ихъ на поруки и всякій разъ выставленное количество водки считалось недостаточнымъ. Въ 4-й разъ просители заблаговременно угостили главныхъ вожаковъ, и согласіе послѣдовало. Деревенцы находятъ также источники для выпивки въ передачахъ земли отъ одного хозяина къ другому. Если Прокопъ поставилъ 3 ведра, да угостилъ (не въ примѣръ прочимъ) горлодера Тережку, то деревенцы, ничто же сумняся, передадутъ ему (Прокопу) Панасову землю на основаніяхъ, которыя оказываются предусмотрѣнными закономъ (по объясненію писаря), и напрасно Панасъ будетъ въ 10-й разъ плаксивымъ голосомъ повторять: „да якъ же гэта, братцы, Прокопу землю отдаете? А я что-жъ? Моя [illegible] батьковщина!...“ Деревенцы и слышать не хотятъ. Имъ лишь бы выпить, на этомъ всѣ ихъ мысли и желанія, а тамъ земля „хоть подъ кого“. Особенно тяжело бываетъ смотрѣть на физіономіи участ[illegible]да когда роисходитъ дѣлежъ барышовъ. Староста высыпаетъ деньги, на-

значенныя для „пропитья“. „Раздѣли, паночекъ, гроши, говоритъ онъ писарю, по сколько тутъ сотыхъ на брата выпадаетъ?“ Въ это время водворяется въ толпѣ молчаніе и всѣ ждутъ не дождутся, когда будетъ полученъ отвѣтъ...

Говоря о „волоскихъ дѣлахъ“, нужно, вообще, признаться, что плохо жить безъ водки всему тому, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ волости. Еслибы вы обратили вниманіе на наше училище, заглянули бы въ кухню, классъ, то, безъ сомнѣнія, были бы поражены жалкимъ видомъ внутренняго убранства. Всѣ эти гнившіе полы, столы, едва держащіяся на своихъ устояхъ нары примитивнаго устройства, отваливающіяся клямки, изуродованные шкафы, вываливающіяся форточки, обваливающіяся печи, полуразрушенное крыльцо, кадки и „черпаки“ протекающіе; сказали бы вамъ, что такая печальная участь ихъ находится въ зависимости отъ того, что некому за ихъ благополучіе барышовъ поставить, потому что учитель „человѣкъ не компанейскій“; „фанаберливый“ и ни со старшиной, ни съ писаремъ, ни съ прочими властями не распиваетъ винополіи, хотя бы для маленькой „фатэціи“, для „кумпанства и гавэнды ради“. Впрочемъ, училище недавно сгорѣло... Даже такія, напр., обстоятельства, какъ выдача жалованья хлѣбомъ и деньгами требуютъ спрыскиваній съ получателя. Вы, можетъ быть, слышали, что нашъ бывшій фельдшеръ въ 5-й разъ является на старое мѣсто за 4-мя четвериками хлѣба, и всякій разъ старшина отказывается выдать. „Ключъ, говоритъ, забылъ дома. Можно еще коли пріѣхать!“...

— „Да, вѣдь, я уже 5 разъ пріѣзжаю!... говоритъ фельдшеръ. Мнѣ дорога больше стоитъ, чѣмъ жалованье“.

И вся эта валакита находится въ зависимости отъ того, что на выѣздѣ не было поставлено слѣдуемаго количества спирта.

Было бы грѣшно пройти молчаніемъ оригинальный способъ времяпровожденія за водкой, который служитъ большимъ соблазномъ для темнаго мужич[illegible]) Нѣкоторые, напримѣръ, изъ обывателей (интеллигенціи) устраивали осеннія маевки на берегу озера въ н[illegible] время. Здѣсь любители сильныхъ ощущеній сначала „з[illegible]лью“, потомъ „покряхтятъ“, потомъ покупаются въ озерѣ, потомъ опять согрѣваются, потомъ распѣваютъ, „крамбам-

були отцовъ наслѣдство“... потомъ опять въ воду... потомъ цѣлую недѣлю не могутъ „очухаться“...

Въ настоящее время наши интеллигенты сходятся для того' чтобы по большей части вести бесѣду въ такой формѣ.

— „Ну, пей Исаковичъ!“—„Ну, будь здоровъ, Ивановичъ!“ —Наливай-ка еще по единой.—Повторимъ братіе!—Такъ!... Тяни, братъ, до дна: зла не оставляй!—„Ну, будьте всѣ здоровы—послѣднюю пропущу и—шабашъ!...“ Вѣкъ нашъ круткій—выпіимъ вутки.—„Вѣкъ нашъ длугій—выпіимъ по други“.

Считаю нужнымъ замѣтить, что собираются товарищи другъ къ другу въ 8 *съ четвертью* и расходятся по домамъ въ 2 *безъ четверти.*

ЧТО ТАКОЕ „ЗЕЛКИ"?

Письмо IV.

Въ праздникъ „Ивана Купалы" (24 іюня) по „старосвѣтскому" обычаю крестьяне приносятъ въ церковь огромные снопы полевыхъ цвѣтовъ. Послѣ обѣдни эти цвѣты освящаются, затѣмъ ихъ приносятъ домой и хранятъ въ „кублахъ", или сундукахъ подъ именемъ „зелыкъ". „Зелки", по твердому убѣжденію нашихъ крестьянъ, помогаютъ бороться съ различнаго рода недугами человѣка—падучей болѣзней, конвульсіей, различнаго рода обморочными состояніями, навожденіями домового и чаровниковъ, а больше всего оберегаютъ скотъ отъ дурного глаза и наговоровъ „нахратниковъ" [1]). Кромѣ частныхъ случаевъ лѣченія зелками, въ день „Егорья" (23 апрѣля) производится окуриваніе всего скота на „дяннику". Для этого „зелки" кладутся на заслонку, раскуриваются углями и хозяйка беретъ въ руку прутикъ освященной вербы и яйцо и троекратно обходитъ „скотинку" съ молитвой и причитываніями. Скотъ выгоняется въ поле вербиной и на обратномъ пути эта вербина втаркивается въ ржаное поле, а яйцо отдается нищему, который долженъ пропѣть молитву „св. Юрью" за спасеніе скотинки и „на лѣсу и на болоти, и на загони, и на перегони"...

Обычай окуривать человѣка и скотинку даетъ пищу всевозможнымъ суевѣріямъ и толкованіямъ бабьяго ума, а иногда приводитъ и къ болѣе печальнымъ результатамъ. Неоднократно приходилось слышать, какъ бабы, стараясь выгнать „хворобу" приключившуюся ребенку „отъ лихого глазу", прекращаютъ окуриваніе его зелками тогда, когда младенецъ перестаетъ дышать

---

[1]) Недоброжелателей.

и отдаетъ жизнь въ жертву суевѣрія матери. Окуриваніе же скотинки подвергаетъ иногда опасности жизнь цѣлой деревни. Для примѣра укажу на слѣдующій случай: въ дер. Туржиѣ въ день Егорья одна хозяйка окуривала свой скотъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и весь ѳиміамъ очутился въ соломѣ, вслѣдствіе чего и дома и хлѣвы были охвачены пламенемъ.

Скотинка была застрахована отъ „худого глаза", но зато осталась и безъ крова, и безъ хлѣба, а хозяева и до сихъ поръ твердятъ: „Коли-бъ Богъ того не захотѣу, не было бы гэтаго!"...

ВЪ КОРЧМѢ.

Письмо V.

Нашъ крестьянинъ „съ предвѣку“ привыкъ къ кабаку и еврею, и въ нѣкоторомъ родѣ сроднился съ ними.

Въ до-монопольное время крестьянинъ, какъ извѣстно, несъ послѣдніе гроши за „проклятую болбатуху“, платилъ „натурой“, бралъ подъ залоги сельско-хозяйственнаго инвентаря. Что тянуло такъ сильно мужика въ кабакъ?

Наблюдая за различными явленіями крестьянской жизни, я часто приходилъ къ заключенію, что у крестьянина всегда была потребность подѣлиться съ кѣмъ-либо своими мыслями, а равно подыскать человѣка, который бы помогъ ему оріентироваться въ сложной системѣ его „волоскихъ“ дѣлъ и разнаго рода „входовъ—выходовъ“ судебной волокиты... Съ другой стороны, кабацкая обстановка и винные пары за отсутствіемъ какихъ бы то ни было развлеченій наполняли его нѣкотораго рода праздничнымъ настроеніемъ: онъ хоть на время чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ бѣдъ и скорбей своей неприглядной жизни. А еврей, подносящ ему „сивуху-болбатуху“, исподволь подчинялъ его своимъ интересамъ и извлекалъ все, что могло извлечь его еврейское гешефтмахерство.

Открылась монополія. Запечалились евреи. Казалось, ихъ уловки начнутъ отходить въ область преданій. Но на дѣлѣ выходитъ, что и теперь во многихъ случаяхъ евреи остаются эксплуататорами бѣднаго мужика...

Это странное явленіе объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что у крестьянина потребности [illegible]аются тѣ же и, кромѣ того, по природѣ своей онъ часто любитъ „покуражиться“, показать свое „я“ и вы[illegible]тъ это въ грубой вульгарной формѣ. Въ монопольной лавк[illegible]дѣлать не полагается. Вотъ и идетъ онъ съ бутылкой къ тому же Лейбкѣ. А еврей этой потребности удовлетворя-

етъ, какъ нельзя лучше, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ему (еврею) всевозможныя ругательства принимать на свою голову въ видѣ комплимента... Его еврейской натурѣ не привыкать стать къ такимъ любезностямъ, онъ все снесетъ, а крестьянинъ, хоть на короткое время, чувствуетъ себя „паномъ“, воображеніе переноситъ его изъ забитаго и загнаннаго состоянія на „панскіе дуваны“... А случилась мужику бѣда—хлѣбца на повѣръ, или водочки—справить похороны, крестить сына, а тутъ и свадьба старшей дочери подоспѣла—безъ еврея не обойтись!... Въ такихъ случаяхъ роли мѣняются: еврей превращается въ „пана“ и гордо поднимаетъ голову, а мужичекъ бьетъ челомъ, лебезитъ и кое какъ выпрашиваетъ „смилостивицца и выручить изъ бѣды...“

— Ты для насъ, Янкель, говоритъ онъ обыкновенно, такій человѣкъ... такій человѣкъ, что и сказать не могу!.. Я и батьку твоего знау Авсея... и... и Роху знау... Добрые были жи... кхъ... кхъ... паны... Добрые были паны!.. Да-а! Што и говорить... Усякій человѣкъ тебѣ хвалить!.. Вѣрно я табѣ говорю.

Янкель гладитъ бороду и изъявляетъ щедрость, за которую осенько сдеретъ въ 100 разъ больше хлѣбомъ, льномъ, шерстью, картофелемъ.

Во 2-хъ, „дружба“ крестьянина съ евреемъ объясняется тѣмъ, что сельскій интеллигентъ считаетъ для себя зазорнымъ входить въ болѣе или менѣе близкія отношенія съ мужикомъ въ его обыкновенной обстановкѣ.

— Помилуйте, какъ можно ужиться съ этимъ дикаремъ, возмущается, напримѣръ, отпрыскъ захудалаго рода: это тьма, невѣжество!.. Я ничего общаго съ нимъ имѣть не могу... Сѣятель и хранитель? ...Это, батенька, только въ пѣсняхъ поется... Мужикъ прежде всего—мужикъ, гадъ. Онъ всегда наровитъ лишь сдѣлать вамъ непріятность, учинить какую-либо гадость.

Мужикъ по невѣдѣнію своему грубъ (что болѣе естественно), а „панъ“, выше его стоящій, платитъ [illegible]ой же монетой грубости и озлобленности (что менѣе всего естественно).

Въ невѣжествѣ, неблагодарности, грубости мужика [illegible]матривается такая косность, которая не можетъ быть [illegible]мягчена, ни сглажена образованіемъ и грамотностью: мужикъ, говорятъ, всегда

мужикомъ останется... А посему на него можно „подѣйствовать“ только палкой, мужика слѣдуетъ „колотить“, гнать въ шею и пр.

Куда же итти мужику? Остается итти къ жиду, который хоть и облупитъ его какъ липку, зато въ нѣкоторомъ родѣ приласкаетъ и выслушаетъ длинную исторію происшедшаго казуса, или цѣлую исторію постепеннаго обнищанія.

Да и помимо этого, у мужика нашего издревле вошло въ обыкновеніе заканчивать всякое дѣло „барышами“, а иногда и всю плату за трудъ „переводить на водку“. Понятно, что такія операціи блестяще выполняются евреями, не даромъ же сложилась у насъ поговорка „залить глаза мужику горѣлкой“, т. е. затемнить его разсудокъ.

На такихъ-то началахъ крѣпнетъ привязанность крестьянина къ еврею и привязанность эта настолько сильна, что въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ старается преслѣдовать еврейскія гешефтмахерства, крестьяне стоятъ за нихъ „грудью“. Въ текущемъ году на бывшую корчму въ нашемъ мѣстечкѣ нагрянула полиція, какъ разъ въ то время, когда здѣсь спокойно выпивали „барыши“ волостной старшина, старосты и ихъ кліенты. Обыскали, нашли водку (и распивочное ея проявленіе установили) и дѣлу дали законное теченіе, но законное теченіе пріостановилось по недостатку уликъ!.. Всѣ единогласно показали, что мы (старшина и К°), дескать, пили водку „винопольную“, что бутылки, которыя подъ тюфяками оказались, взяты имъ (Янкилемъ) для своей „потребы“ а пустыя бутылки мы каждый день приносимъ за „закуску“ (рыба „крапаная“, селедки), что Янкель тутъ не при чемъ, Янкель не такой человѣкъ—„гэта напрасно“, въ чемъ и подписуемся...

При такомъ положеніи дѣла приходится наталкиваться на весьма обидное предпочтеніе нашего брата еврею.

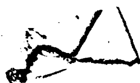
— Нельзя ли, говорю своему сосѣду Пилипу, нанять у тебя лошадку? Я поѣду до N.

— А, ты въ [illegible]ешь?.. Нѣ, мнѣ неколи... Мнѣ нельзя... А скольки дашь?... Два рубля дашь?...

— Да, вѣдь, ты берешь отъ Абрама по рублю и везешь туда [illegible], [illegible] оттуда товаръ... Я, вѣдь, хорошо знаю... Двое сутокъ въ дорогѣ бываешь...

— Гэта другое дѣло... Мало што я ѣду отъ него. Да-а. Жидъ скорѣй выручить... Облупить?... А панъ не облупить? Панъ и шкуру сдереть, коли не будешь отбивацца!.. Да-а!..

... Закабаленъ мужикъ нашъ у еврея и это закабаливаніе никѣмъ и ничѣмъ не ослабляется. Сама сельская интеллигенція часто находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ евреями и, я увѣренъ, постоитъ за Янкеля не только „грудью", но и всѣми тѣлесами. Проѣзжая по мѣстечку Орѣховну, вы можете замѣтить, какъ лучшіе представители нашихъ обывателей (даже такіе, которымъ менѣе всего это къ лицу) устраиваютъ tete-a-tete съ евреями всѣхъ сортовъ и возрастовъ. А что касается такихъ экстраординарныхъ празднествъ, какъ еврейская свадьба, то многіе изъ обывателей нашихъ принимаютъ въ нихъ самое живое и непосредственное участіе. Всѣ сплачиваются тогда въ одну семью. Выпивка, закуска, пѣсни и танцы самые задушевные... Конечно, единеніе пріятно, но...

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ.

Письмо VI.

Печальную картину представляетъ собою наша деревня въ праздничный день. Невольно задумаешься, что дѣлать крестьянину въ праздникъ? А праздновать приходится не по одному, а по 2—3—4 дня подъ рядъ! [1]). Хорошо, если приходской храмъ близокъ, да лѣнь не удержитъ на печи, ну помолится Богу, а остальную часть дня приходится посвятить переливанію изъ пустого въ порожнее. Нѣтъ физической работы—нѣтъ и жизни; руки не заняты, взору не на чемъ остановиться, умъ бездѣйствуетъ, на душѣ „маркотно“. Нѣтъ разумныхъ развлеченій, нѣтъ книгъ и газетъ (да и читать то мы ихъ не умѣемъ), нѣтъ чайной, нѣтъ фонаря, собесѣдованій и даже народнаго училища (сгорѣвшаго въ прошломъ году и къ постройкѣ новаго, кстати сказать, еще ничего не предпринято). Куда же пойти, чѣмъ убить время, которое въ бездѣльи „червякомъ ползетъ“?.. Остается искать развлеченій въ водкѣ и веселить свою душу собесѣдованіями съ Мовшей или Хаимомъ, знающими всѣ новости, переходить изъ волости къ Беркѣ, отъ Берки въ Торковку, изъ Торковки опять въ волость... Вездѣ сонныя лица, вялые пустые разговоры въ трезвомъ состояніи и крикъ и неистовыя пѣсни—въ пьяномъ.

Проѣзжающему чрезъ м. Орѣховно (въ праздникъ св. Николая) бросалась въ глаза огромная толпа мужиковъ и бабъ, заполнившихъ улицу противъ входа въ большой домъ Берки. Это первый праздникъ [illegible]раздничнаго настроенія обывателей. На улицѣ шумъ, крикъ, [illegible] бабы покачиваютъ на рукахъ, плачущихъ ребятокъ, мужики „галд[illegible]“ безъ толку. Каждый старается хоть

---

[1]) Изд[illegible] Св. Троицы, Петра и Павла по установившемуся обычаю празд[illegible]ются по 4 дня.

одной ногой залѣзть внутрь помѣщенія, куда входъ сталъ доступенъ лишь для болѣе вліятельныхъ элементовъ въ волости и для лицъ, особо пріятныхъ хозяйскому сердцу Берки. А между тѣмъ, всякому хотѣлось бы побывать за этой запертой дверью, въ компаніи поющихъ мужиковъ и бабъ, въ облакахъ зеленаго табачнаго дыма. Кромѣ того, готовилось пріятное даровое зрѣлище, которое бываетъ по кирмашнымъ днямъ и двунадесятымъ праздникамъ. Дѣло въ томъ, что Симонъ Пузатый еще послѣ обѣдни „завелся“ со старостовымъ племянникомъ изъ-за старшинова швагры, и публика рѣшила, что безъ драки дѣло не обойдется. И всякому хотѣлось посмотрѣть какъ „енъ его во гэдакъ будить лупить“. Дѣйствительно, послѣ 3—4 часовъ пополудни споръ принялъ ожесточенный характеръ. По всѣмъ ругательствамъ, вылетавшимъ изъ оконъ и дверей еврейскихъ „аппартаментовъ“, видно было, что представленіе вступаетъ въ интродукцію. Бабы съ младенцами подростки, уцѣпившіеся за юбки матерей, тиснулись къ дверямъ чтобы „хоть краемъ уха“ уловить что нибудь изъ рѣчи гремѣвшаго Яськи Лупоглазаго (старостовъ племянникъ тожъ). Ребята облѣпили окна, взлѣзли на заборъ. Видно швагра не на шутку разсердилъ оппонентовъ. На бѣду „случился“ у Берки и самъ староста—Выпиваха, который къ злополучному швагру примѣшалъ непочиненныя дороги („Симонъ дорогу долженъ чинить, деревы садить, говорилъ староста, а не бунтоваться съ Яськой“) и драганулъ Симону въ ухо. Симонъ и его оппонентъ (Яська) не остались въ долгу,—Симонъ лягнулъ его ногой, а Яська ляпнулъ „у карыкъ“. Эта потасовка доставила большое удовольствіе публикѣ: большіе „гоготали“, дѣти имъ вторили. Выбѣжалъ мужиченка, по прозванію „Кобылья губа“, безъ шапки и обратился къ публикѣ съ какими-то разъясненіями (у „его коло головы во гэдакъ“). Наконецъ, отворилась завѣтная дверь, и появился Яська съ окровавленной головой, за нимъ староста, Симонъ, Щамель, Базыль, Шалдыба и проч. „Кобылья губа“ взя[illegible]у подъ руку и повелъ на жалобу „у волоскую“. Яська [illegible], крича, ругаясь и грозя судомъ своимъ обидчикамъ. Толпа зашевелилась. „Ловко ему ссадили кожу!.. Ого-го, кровь спустили, [illegible] ліе[illegible] по армяку!.. Да и староста пригнууся къ землѣ!..“ слыша[illegible] смѣш-

ливыя восклицанія въ рядахъ публики. Вслѣдъ за толпой побѣжали мальчишки, которые стали копировать только что разыгравшуюся траги-комедію. —Они, по примѣру своихъ отцовъ, сначала бранились, а потомъ вступали въ рукопашную, стараясь влѣпить другъ другу въ ухо „и подъ микитки", при чемъ Семкинъ парнишка изображалъ собой сотскаго: онъ требовалъ объясненій, почему шумъ и драка и тащилъ виновника по направленію къ волости.

Яськина затрещина дала пищу разнаго рода пересудамъ языку бабъ-перепечаекъ: олнѣ порицали Яську, находя, что „енъ зъ эдакой родни", другія хвалили старосту и его жонку, третьи находили, что Лупоглазый (Симонъ) не „маить права во гэдакъ ногой бицца". Общее же настроеніе было таково, что не мѣшало бы еще кого либо лупнуть. И бабы стояли у входа въ жидовскую хату, ожидая, не появится ли новая фигура съ разбитой головой или носомъ. Однако же драка изъ-за швагры, обѣщавшая затянуться за полночь, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, была пріостановлена, такъ что публикѣ пришлось лишь любоваться паденіемъ пьяныхъ тѣлъ („лоука урѣзауся!") и слушать концертъ, устроенный возвратившимся изъ волости Щемелемъ (basso profundo) и Кобыльей губой (альтовая фистула), исполнившихъ арію „ты жъ мене подманула"...

ДЕРЕВЕНСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

Письмо VII.

Почти во всякой деревнѣ л—скаго уѣзда в—ской губ. понятія о праздникахъ бываютъ искажены, переплетены массой суевѣрій и толкованій, „отъ початку вѣку“ унаслѣдованныхъ. Для примѣра укажу на 2-е и 8-е мая. 2-го мая—день перенесенія св. мощей Бориса и Глѣба—извѣстенъ у насъ болѣе подъ именемъ „конскаго праздника“. Ни пахать, ни бороновать нельзя. Хозяева остаются больше около дому: городятъ плоты, чинятъ телѣги. На лошадяхъ не воспрещается, однако, ѣхать въ городъ, возить воду, дрова. На вопросъ, почему именно въ этотъ день лошадямъ даютъ отдыхъ,—старики покачиваютъ головами (можно-ли дескать поднимать такой вопросъ?), а затѣмъ дѣлаютъ поясненіе въ такомъ духѣ: „Богъ вѣдаить откуль завелося гэта... Нихто гэтаго ня помнить... Да и нявывести намъ гэтаго. Гэта съ прадвѣку... Якъ съ прадвѣку ничо́го? Хто тольки гдѣ Бориса ни святковау, на того што нибудь да здарицца. Слухай сюды. Вѣдаишь Климку?

— Ага!

— Ну вотъ гэтый Климка и кажить: „Якій тамъ Борисъ?“ Узяу запрегъ коня, да на ниву.

— Колись гэта была?

— Да годы три... Поѣхау. Ажъ откуль якое што́—туча узнялася,—да якъ драганѐть пярунъ, дыкъ яго канишка и присѣу, а самъ енъ збилянѣу-збилянѣу и [illegible] оскропъ до дому. Вотъ табѣ и наробіу... Опять же Тума[illegible]а съ Прудинокъ знаешь мусить? У яго кони были... здаро-о-овые, якъ печи. Поѣхау и Тумашъ на поле. И што кони тяну[illegible]борон[illegible] съ длинными суками, што зъ ельнику. Тянули-тянули, али як[illegible]ь го-

ру, дыкъ и заравѣли [1]). Ревуть, а не идуть. И чуть-чуть устягнули... Дыкъ вотъ якое дѣло, заключаетъ толкователь: николи не иди противъ старѣйшаго. На тое и были старые люди, которые вѣдали, што святить, што ни святить"...

Что же касается 8 мая, то и этотъ день „святкують", но не въ честь Іоанна Богослова, а въ честь „Николина батьки" [2]).

„Упяредъ батька, потомъ сынъ, говорятъ обыкновенно старики, высчитывая праздники „по недѣлямъ" до дня пр. Иліи. „Никблау батька"—праздникъ слишкомъ неопредѣленнаго характера, и сами старики не знаютъ, въ какой формѣ его регламентировать. Въ большинствѣ случаевъ замѣтно стремленіе дать отдыхъ лошадямъ, хотя нарушеніе праздника этого и не сопровождалось такими наказаніями, какъ на „Бориса". Въ этотъ день проявляется даже нѣкоторое недовольство на „преданіе старцевъ"

Ко дню „Николава батьки" подходятъ самыя экстренныя сельско-хозяйственныя работы. Съ досадой посматриваетъ мужичокъ на свою незапаханную полоску. „Вотъ однимъ взмахомъ кончилъ бы все"... Да, кончилъ бы, да страшно... не праздника, а сосѣдей. Мужичокъ нашъ всѣ силы напрягаетъ къ тому, чтобы не выйти изъ рамокъ, въ которыя засадили старики всю деревню.

— „Вотъ коли-бъ хто хоть на смѣхъ бы поѣхау, поѣхау бы и я", говорили мнѣ еще совсѣмъ юные хозяева. „Што жъ скажуть сосѣди! Што скажуть? Да другій начнѣть клясти на чемъ свѣтъ стаить: и кабъ тябе и тое и гэта, и кабъ твой конь"... И, если найдется грѣховодникъ, дерзнувшій нарушить завѣтъ стариковъ, то такового дѣйствительно „клянутъ", но въ то же время слѣдуютъ его примѣру съ большой охотой. Тогда крестьянская логика принимаетъ очень курьезное направленіе. „Енъ первый поѣхау", говорятъ односельчане по адресу грѣховодника, „на имъ и уси [illegible]ѣхи [illegible]ть. Хто начау гэты авантуры [3]), тый нихай и отвѣчаить!... [illegible] Ему гэта дарма ни пройдеть!...

---

[1]) Заревѣть — въ смыслѣ отъ сильной тяжести хрипѣть.

[2]) [illegible] чають три: Ивана-Купала, Ивана-Николинъ батька и Иван[illegible]ѣзъ (29 августа).

[3]) Безпорядокъ.

Въ такомъ же духѣ празднуются Успеніе св. Анны (25 іюля), зачатіе св. Анны (9 декабря), „Сороки"—день сорока мучениниковъ, „Авдокеи", пятницы, „святый десятникъ," —святая десятуха" и проч., при чемъ праздничный отдыхъ представляется то въ пользу лошадей, то въ пользу мужеска, то въ пользу женска пола. Напр., можно все дѣлать—молотить нельзя, или прясть нельзя, а ткать можно, сучить можно—прясть нельзя. Стариковскія толкованія и бабьи примѣты—низвратили сущность по уставу церковному празднуемыхъ событій, они и придали имъ совсѣмъ иной колоритъ. Въ праздничный день за грѣхъ не считается ловить рыбу подволокой ли, или острогой. Лучшими проявленіями праздничнаго настроенія признается: сидѣть въ домахъ еврейскихъ, выкуривать по пачку „Бакуна" или корешковъ и, ругая хозяина за то, „што енъ ирода несчасная", завалиться въ пьяномъ видѣ подъ лавку и напѣвать оттуда арію „брамъ-бамъ-бомъ", или расхаживать по мѣстечку и выдѣлывать преуморительные мыслете подъ аккопаниментъ разухабистой пѣсни, собираться въ „волоскую" и тутъ вступать въ пререканія со властями, которыя (власти), кстати сказать, подгоняютъ письменную работу и всякаго рода сдѣлки съ крестьяниномъ какъ разъ къ праздничному дню. Словомъ, въ праздники дозволяется дѣлать все, чего лишенъ крестьянинъ во время работы на своей полоскѣ и получается его жизнь ниже (въ нравственномъ смыслѣ) жизни будничной.

Грустно смотрѣть на темноту крестьянскую, на эти хитросплетенія стариковскія, особенно, если представить себѣ, что не имѣешь ни силъ, ни средствъ помочь этому бѣдному брату, если видишь, что темнота его составляетъ предметъ какого-то глумленія, насмѣшекъ и издѣвательствъ со стороны сельской „интеллигенціи", призванной искоренять суевѣрія и предразсудки людскіе.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C043107240